

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

№ 504
ОДЕССА
город

ВІСНУК
№ 579
Мая

Бенефакт

[Blank white rectangular area]

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОДУ

ДЕШЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА

Гр. Ф. Квитко-Основьяненко

ПАНЬ ХАЛЯВСКІЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

История
Побег
Романъ

Изданіе А. С. СУВОРИНА

№ 70

75
К 32 н. х.

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА — 70

ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ

СОЧИНЕНІЕ

Гр. Ѳ. Квитки-Оснотьянъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

амб 2633

1-е изд. печат. въ колич. 10,000 экз. (1—10,000)
2-е » » » » 10,000 » (10,000—20,000)

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОДУ
Х. м. 1888

заменено Дубле

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

К.

ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ.

Тьфу ты пропасть, какъ я посмотрю!— Не удивишься, право, какъ свѣтъ измѣняется!.. Да во всемъ: и въ просвѣщеніи, и въ обхожденіи, и во вкусѣ, и въ политикѣ, такъ что не успѣешь приглядѣться къ чемунибудь, смотри: уже опять новое. Вонъ, чтобъ не далеко ходить, у моего сосѣда, у Марка Тихоновича, отъ дѣда и отца домъ былъ обмазанъ желтою глиною; ну, вотъ и былъ, вотъ мы все смотрѣли, видѣли и знали, что онъ желтый; какъ вдругъ, поди!— онъ возьми его да и выбѣли! И сталь теперь бѣлый, вотъ какъ бумага. Кто ихъ знаетъ? А все сосѣдки поговариваютъ, что чуть ли это не молодая невѣстка — что недавно сына женили — такъ не она ли выкинула такую штуку? И то станется: она въ пансіонѣ воспитывалася, любить все перемѣнять.

Все гоняются за просвѣщеніемъ. Дяденька мой, Ѳома Лукичъ, и сохрани Богъ подать одну свѣчу

1*

въ комнату!—«Тоска, голубчикъ, беретъ, — тотчасъ скажетъ, — при одной свѣчкѣ сидѣть: и на томъ свѣтѣ насидимся во тьмѣ, подавай побольше». Вотъ и подадутъ четыре свѣчи ему, да по двѣ въ проходную, да въ столовую, да сюда, да туда, анъ сколько въ вечеръ сторить? А вѣдь что четыре свѣчи, то и фунтъ. А къ чему, а на что? — Мой троюродный братецъ, Василій Дмитріевичъ, затѣялъ домъ о двѣнадцати покояхъ да о двадцати окнахъ. «Не люблю тьмы, — разсуждаютъ братецъ мой, — свѣтло, такъ свѣтло». — Такъ, ни слова. Но зимою какво? Лишнее окно зимнее, стекла, обмазка, да и дровъ больше нужно, нежели въ уютной объ одномъ-однаго окнахъ комнатѣ. — Сосѣдь мой, Трофимъ Ивановичъ, ни одни именины и рожденія въ семьѣ его не празднуются безъ плошекъ и смоляныхъ бочекъ. «Пускай, — говоритъ, — всѣмъ свѣтло, когда я гуляю». — Такъ, мысль прекрасная! Но, дяденька, братецъ и сосѣдушка, сосчитайте, что у васъ на ваши прихоти лишняго въ годъ изойдетъ, такъ воть вамъ и просвѣщеніе! А по старинкѣ бы? Передъ собою огарочекъ, гдѣ ночничокъ, а гдѣ изъ другой и третьей комнаты позаимствоваться свѣтомъ. Въ комнатахъ не окна, а окошечки; да и то въ залѣ — два, три, а у прочихъ и по одному. Къ чему бочки и плошки? Была бы кухня исправна, найдутся усердные поздравители и нажелають столько, что и на два вѣка вдоволь. Такъ куда!..

Объ образованіи и говорить нечего. Взгляните на всѣхъ нашихъ паничей, приѣзжающихъ на вакансии изъ университета: тотъ ли образъ и подобіе

у нихъ, какой былъ у насъ, отцовъ ихъ? Гдѣ — косы, гдѣ — плетешки, гдѣ — выстриженный и взерошенный вержегъ? — Измѣнилось, измѣнилось образованіе!

Вкусъ также потерянь. Гдѣ прежнія водки — красная мастихинная, кардамонная съ золотомъ, инбирная коричневая, зеленая? Еще только внесутъ этотъ судокъ съ шестью карафинами, — и называвшійся прилично: кабачокъ, — такъ по комнатамъ пойдетъ аромать, истинно аромать, какъ теперь обоняю. А когда станешь пить, то право слово — наслажденіе! Одной выпьешь, уже на другую позываетъ. Да, выпивши, устъ не разведешь, такъ и слипнутся. А теперь? Хотя бы и у нашего предводителя, что это за водка? Совсѣмъ отличнаго колера, не прежняго вкуса. О винахъ говорить нечего. Хороши, канальскія, — да все уже не тотъ, не прежній вкусъ, которымъ мы наслаждались, пивши наши наливки! — Нѣтъ, именно, измѣнился вкусъ!

Политика приняла совсѣмъ другое направленіе — если говорить штатскимъ языкомъ — а просто, перемѣнилась вовсе. Прежде бывало такъ: святками, воть я и поѣду къ сосѣду, у кого, по-очереди, всѣ съѣхались. Вхожу, расшаркаюсь, всѣмъ общій поклонъ, да и пошесть къ ручкамъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ подходить, какъ сидятъ въ рядъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; да и какая мнѣ нужда, что она незнакома? всѣмъ дѣлаешь честь и бережешься, что бы не пропустить ни одной и тѣмъ безъ умысла не обидѣть. Иная, приѣхавъ недавно, не успѣла теплыхъ перчатокъ снять; по ряду подойдешь къ ней:

вотъ она хватъ-хватъ за перчатку, рука вспотѣла, пальцы отекли, перчатка не слѣзаетъ: ужъ она и зубами тащитъ, ужъ она рветъ ее, а перчатка, хоть ты что, такъ не лѣзетъ! — Видишь, что бѣдная барышня мучится, вся вспотѣла, отъ конфузій покраснѣла, какъ калина, сжалишься надъ нею, скажешь: — «не беспокойтесь, сударыня! Все равно, пожалуйста и такъ». И хотя въ перчатку, да сдѣлаешь честь — поцѣлуешь. Тутъ же, только тебя усадили за жирные пироги, изъ которыхъ сокъ такъ и течетъ отъ избыточной приправы масла и сметаны, вдругъ входитъ одна изъ дочерей хозяйскихъ, или и чужая барышня, которой не было при моемъ прѣздѣ, и я съ нею не видался (т. е. не подходилъ къ ея рукѣ), то я бросаю пирогъ и, какъ салфетки при завтракѣ не бываетъ, обтираю свой замасленный и засметанный ротъ носовымъ платкомъ, а если позабылъ его дома, то ладонью, и подхожу къ ручкѣ новоприведшей барышни. Не дай Богъ кого пропустить! Тотчасъ прозовутъ гордымъ. Оно-таки и вѣжливо, политика того требуетъ; а теперь и политика измѣнилася!

Опредѣлился въ нашъ земскій судъ секретаремъ, изъ приказныхъ гражданской палаты, молодой человекъ, какъ бы ни было, губернской секретарь. Вотъ, какъ нужный человекъ, мы давай его приглашать. Въ первый съездъ, вотъ у Тимоея Васильевича... нѣтъ, шу — у Петра Степановича — посмотримъ: онъ входитъ... вѣдь то-то и жалъ! Роста и фигуры порядочной, — немного прихрамываетъ, но въ бланжевыхъ нанковыхъ широкихъ брюкахъ; жи-

летъ — изъ красной аладжи, въ бѣлой, хорошо сбранной манишкѣ; блестящія перламутровыя на ней пуговицы и булавка съ изображеніемъ мухи — простой, но такъ натурально сдѣланной, слово вотъ живая прилетѣла и съѣла; скюрточокъ на немъ голубого камлота, ловко сшитый, на распашку; по всему-таки видно, что этотъ человекъ бывалъ въ губернскомъ городѣ въ лучшихъ обществахъ. Пожалуйста; къ чему это я его привелъ?.. Да! вотъ такой-то человекъ вошелъ въ наше общество, и... кивъ-кивъ головою на всѣ стороны и съѣлъ себя на первомъ попавшемся стулѣ, не давъ хозяину и припросить себя, чтобы съѣлъ. Не забудьте же, что тутъ было дамъ и дѣвицъ слишкомъ около двадцати, и много ему уже знакомыхъ, а онъ ни къ одной не подошелъ... Ну, божусь же вамъ честью, что ни къ одной не подошелъ. Не вѣрите, спросите у тѣхъ, кто тамъ былъ, всѣ вамъ то же скажутъ. Такъ вотъ — теперешняя политика въ губернскихъ городахъ! Что-жь? Этого мало. На него глядя, и наша вся молодежь по его слѣдамъ идетъ, и хоть ты разрекомендуй, что это дескать моя жена, а это моль мои дочери, ничего не бывало! Подойдетъ къ самому носу хозяйки, и видитъ же, что та сняла уже перчатку и, почитай, руку протянула; нѣтъ! онъ кивнетъ головой — и вся такова! — Бѣдные наши барышни! хоть цѣлый день просиди въ перчаткахъ, никто не погревожитъ! Вотъ тебѣ и политика!

А обхождение?.. О! обхождение вывелось. Я на все буду вамъ — какъ выражается мой старшій внукъ — буду представлять факты. Обѣдалъ я въ губерн-

скомъ городѣ у живущаго тамъ стариннаго моего пріятеля, — а, можетъ, и вы его знаете, — Осипа Дмитриевича. Что-жъ? Во весь обѣдъ хоть бы онъ разъ всталъ, да обошелъ гостей, да припросилъ, чтобъ больше кушали и пили; и коли правду сказать, такъ и около себя сидящихъ не просилъ о томъ, самъ же кушалъ все исправно. Прежде же, когда, бывало, у него обѣдаютъ гости, такъ онъ не присядетъ, все обходитъ и все спрашиваетъ: «и это скушай, и того прибавь, и того выпей». Ну, словомъ, изъ души претъ, а онъ умаливаетъ, а онъ суетъ, а онъ подкладываетъ; закормитъ, бывало, и запоитъ. Я теперь, сидя у него за обѣдомъ, надѣясь на прежнее обхожденіе, съ нѣкоторыми блюдами и рюмками пасоваль, жду: вотъ хозяинъ встанетъ, подойдетъ, припроситъ... Не тутъ-то было! — А оттого и всталъ съ порядочною проголодью. Впередъ таковъ не буду. Правилкомъ поставилъ, что подають — ѣмъ и пью, не ожидая просьбъ хозяйскихъ, и всегда доволенъ. Но какъ необходимо приноравливаться къ обычаямъ свѣта, или — какъ говорятъ внуки мои — идти за вѣкомъ, то я, по совѣту съ женою, отмѣнилъ и у себя всякое обхожденіе. На насъ глядя, и у сосѣдей оно отмѣнено. Пошли новые обычай!

И съ нашихъ ли дней свѣтъ началъ измѣняться? Куда!.. Семьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ и сколько я видѣлъ переменъ, батюшки мои!..

Какъ-то мы съ женою были въ разладѣ. Уединясь въ свой кабинетъ, я впалъ въ меланхолію и предался сравненіямъ, какъ бывало прежде и какъ

идеть нынѣ, какъ обращались мой батенька съ маменькою, какъ онѣ были имъ послушны, и какъ, напротивъ, живу я, сынъ ихъ, съ своею женою, и уже не она мнѣ, а я ей послушенъ. Это завлекло меня въ глубь событій жизни моей; предавшись воспоминаніямъ и сравнивая прошедшее съ давно-прошедшимъ, а настоящее со всеѣмъ вообще прошедшимъ, увидѣлъ большую разницу. Удивленіе мое подстрекнуло меня изложить все на бумагѣ, т. е. описать главнѣйшіе періоды жизни моей и любопытнѣйшія эпохи или случаи, со мною встрѣчавшіеся. Пусть это будетъ старости въ наслажденіе, а юности въ наставленіе.

Начинаю съ начала, т. е. отъ самаго дѣтства моего.

У нашихъ батеньки и маменьки насъ, дѣтей, всего было: Петруся, Павлуся, Трофимко, Сидорущко, Офремушка, Егорушка и Сонька, Вѣрка, Надежда и Любка; шесть сынковъ-младцевъ и четыре дочери — всего десять штукъ. Мы, сыновья, получали имена, по-тогдашнему, по имени того дня, въ который рождались; а дочерей батенька желали имѣть по числу добродѣтелей и начали съ премудрости; были утѣшены, что уже, хотя въ супружеской ихъ жизни, явилась у нихъ любовь. Не смотря ни на что, маменька все увѣряли, что у нихъ долженъ быть еще сыночекъ; но когда батенька возражали на это, что уже и такъ довольно и что не должно противъ природы идти, то маменька, не понимая ничего, потому что російской грамоты не знали, настаивали на своемъ и даже открыли, что онѣ ви-

дѣли видѣніе, что у нихъ будетъ де сынъ и коего должно назвать Дмитрюшею. Батенька повѣрили было маменькиному видѣнію, но, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, начали возражать, что маменькѣ явилось ложное видѣніе. Маменька плакали (онѣ были очень слезливы: чуть услышатъ что печальное, страшное или не по ихъ чувствамъ и волѣ, тотчасъ примутся въ слезы; такая была ихъ натура) и увѣряли, что точно должно быть у нихъ сыну, но батенька рѣшительно сказали: «это у тебя, душко, меклюдія!» Такъ батенька называли меланхолю, которой приписывали всѣ несбыточные затѣи. Тѣмъ и заключилось умноженіе нашего семейства, къ пользѣ благосостоянія нашего.

Правду сказать, не всѣ сынки были молодцы: одинъ изъ насъ, Павлуся, былъ горбать отъ неприсмотра нянекъ, которыхъ за каждымъ изъ насъ было по двѣ, потому что батенька были богатый человекъ. Павлуся какъ-то отступился и упалъ съ крыльца, а крыльцо было высокое; съ него одинъ нашъ Сидорюшка — о! да и проворная же былъ штука! — могъ только прыгать; сдѣдовательно, можете посудить, какъ оно было высоко? Такъ вотъ съ этого-то крыльца Павлуся скатился внизъ и повредилъ себя. Няньки тогда не сказали маменькѣ, да уже на пятомъ году возраста его увидѣли, что у него горбъ растетъ сзади. Досталось же тогда нянькамъ! Я думаю, что если онѣ живы еще, то и теперь помнятъ благодарность батеньки и маменьки за присмотръ Павлуси.

Братъ Юрочка и сестра Любочка были у насъ

последніе. У всѣхъ насъ оспа была натуральная, и мы изъ рукъ ея вышли не вовсе изуродованными. Но у послѣднихъ брата и сестры оспа была прививная, о которой батенька прослышавъ, что она входитъ въ моду, захотѣли привить своимъ дѣтямъ. Для сего они приказали старому нашему Кондрату, который, по наслышкѣ, рвалъ зубы и отъ того назывался «цырюльникомъ», такъ этому медику батенька растолковавши, какъ они объ оспѣ слышали, приказали ему привить. Маменька плакали, убивались и нѣсколько разъ хотѣли сомлѣть (что теперь называется въ обморокъ упасть), однакожь не сомлѣвали, а ушли въ другую горницу и шопотомъ укоряли батеньку, что они тиранъ, живьемъ зарѣзываютъ дѣтей своихъ.

Батенька этого не слыхали, а если бы и слышали, то это бы ихъ не удержало. Они были очень благо-разумны и почитали, что никто и ничего умнѣ ихъ не выдумаетъ; и маменька въ томъ соглашались, но не во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ далѣе.

Пожалуйте. Оспа пристала, да какая! Такъ отхлестала бѣдныхъ малютокъ и такъ изуродовала, что страшно было смотрѣть на нихъ. Маменька, когда увидѣли сихъ дѣтей своихъ, то, вздохнувши тяжело, покачали головою и сказали:

— А что мнѣ въ такихъ дѣтяхъ? хоть брось ихъ! Вотъ уже трехъ моихъ рожденій выкидываю изъ моего сердца, хотя и они кровь моя. Какъ ихъ любить наравнѣ съ прочими дѣтьми! пропали только мои труды и болѣзни!

И маменька навсегда сдержали слово: Павлусю,

Юрочку и Любочку они никогда не любили за ихъ безобразіе.

Насъ воспитывали со все́мъ стараніемъ и заботливостью и, правду сказать, не щадили ничего. Утромъ всегда уже была для насъ молочная каша или лапша въ молокѣ, или яичница. Мяса по утрамъ не давали, для здоровья, и хотя мы съ жадностью кидались къ оловянному блюду, въ коемъ была наша пища, и скоро уписывали все, но няньки подливали намъ снова и заставляли, часто съ толчками, чтобы мы еще ѣли, потому, — говорили онѣ, — что маменька съ нихъ будетъ взыскивать, когда дѣти мало покушали изъ приготовленнаго. И мы, натужась и собравшись съ силами, еще ѣли до самаго нельзя.

Послѣ завтрака насъ вели къ батенькѣ челомъ отдать, а потомъ, за тѣмъ же, къ маменькѣ. Какъ же маменька любили плотно позавтракать и всегда въ одиночку, безъ батеньки, то мы и находили у нея либо блины, либо пироги, а въ постные дни пампушки или горофяники; маменька и удѣляли намъ порядочныя порціи и приказывали, чтобы тутъ же при нихъ съѣдать все, а не носиться съ пищею, какъ собака-де.

Отпустивши прочихъ дѣтей, маменька удерживали меня при себѣ и тутъ доставали изъ шкафика особую, приготовленную отлично, порцію блиновъ или пироговъ съ изобиліемъ масла, сметаны и тому подобныхъ славностей. «Покушай, душко-Трушко (Трофимушка), — приговаривали маменька, глядя меня по головкѣ, — старшіе больше ѣдятъ и тебѣ мало достается». Управившись съ этимъ, я получалъ отъ

маменьки либо яблочко, либо какую нибудь сладость на закуску и всегда съ приказаніемъ: — «съѣшь тутъ, не показывай братьямъ; тѣ, головорѣзы, отнимутъ все у тебя». Такое отличіе вразумило меня, что я маменькинъ «пѣстунчикъ» (любимецъ), что и подтвердилось потомъ. Но за что я попалъ въ такую честь, хоть убей меня, не знаю? Видно, по маменькиной комплекціи.

Отдавши челомъ батенькѣ и маменькѣ, насъ выслали въ садъ пробѣгаться. Дворовые ребятишки насъ ожидали — и начиналась потѣха. Вѣгали въ запуски, лазили по деревьямъ, ломали вѣтви, и когда были на нихъ плоды, хотя бы еще только зародыши, но мы тутъ же ихъ и объѣдали; разоряли птичьи гнѣзда, а особливо воробыныя. Птенцамъ ихъ тутъ же откручивали головки, да и старымъ когда излавливали, не было пощады. Насъ такъ и наставляли: маменька не одинъ разъ намъ изъясняли, что воробей между птицами то же, что жидъ между людьми, и потому падить ихъ не должно. Маменька хотя и не грамотная были, но имѣли отличную память: и въ старости не забывали исторій, слышанныхъ ими въ дѣтствѣ.

Среди такихъ невинныхъ игръ и забавъ насъ позовутъ объѣдать. Это всегда бывало къ полудню. Борщъ съ кормленною птицею, чудеснѣйшій, саломъ свинымъ заправленный и сметаною забѣленный — прелесть! Такихъ борщей я уже не нахожу нигдѣ. Я, по счастью моему, былъ въ Петербургѣ — не изъ тщеславія хвалюсь этимъ, а къ рѣчи пришлось — объѣдалъ у порядочныхъ людей и даже объѣдывалъ

въ Лондонѣ, да не въ томъ Лондонѣ, что есть въ самой Англїи городъ, а просто большой домъ, не знаю почему Лондономъ называемый, такъ я и тамъ обѣдывалъ: духа такого борща не видалъ. Гдѣ ты святая старина!

Къ борщу подавали намъ по большому куску пшенной каши, облитой коровьимъ масломъ. Потомъ мясо изъ борща разрѣжетъ тебѣ нянька кусочками на деревянной тарелкѣ и сверху еще присолитъ крупною невымытою солью — тогда еще была натура; такъ и уписывай. Потомъ дадутъ ногу большого жирнѣйшаго гуся или индюка: грызи зубами, обгрызывать кость до послѣдняго, а жиръ — вѣрите ли? — такъ и течетъ по рукамъ; когда не успеешь обсосать тутъ же рукъ, то и на платье потечетъ, — особливо, если нянька, обязанная утирать намъ ротъ, зазѣвается. Посмѣй же не съѣсть всего, что положено тебѣ на тарелку, то маменька, кромѣ того, что станутъ бранить, а подъ сердитый часъ и ложкою шлепнуть по лбу: «ѣшь, дуракъ, не умничай», и перестанешь умничать — и выскребешь съ оловянной тарелки, или примешься выгдать мясо отъ кости до послѣдней пленочки. Спасибо тогда ни у насъ и нигдѣ не было серебряныхъ ложекъ, а все деревянные: такъ оно и не больно, только загудитъ въ головѣ, какъ будто въ пустомъ котликѣ.

Послѣ обѣда батенька съ маменькой лягутъ въ спальнѣ опочивать, а дѣти въ садъ, на улицу, по деревьямъ, плетнямъ, крышамъ избъ и тому подобное. Когда же батенька и маменька проснутся, тогда позовутъ дѣтей къ лакомству. Тутъ намъ вынесутъ

или орѣховъ, или яблоковъ, пастилы, павидла, или чего нибудь въ этомъ родѣ, и прикажутъ раздѣлиться дружно, поровну и отнюдь не ссориться. Что-жъ? Только лишь Петруся, какъ старшій братъ, начинаетъ дѣлить и откладываетъ свою часть, мы, подстаршіе, въ крикъ, что онъ несправедливо дѣлитъ и для себя беретъ больше. Онъ насъ не уважитъ, а мы — цапъ-царапъ! и принялись хватать безъ счета и мѣры. Сестры и младшія дѣти, какъ обиженные въ этомъ раздѣлѣ, начнутъ кричать, плакать... Батенька, слышимъ, идутъ, чтобы унять и поправить безпорядокъ, а мы, завладѣвшіе насильно, благимъ матомъ на голубятню; встащимъ за собой и лѣстницу и, сидя тамъ, не боимся ничего, зная что когда вечеромъ слѣземъ, то уже никто и не вспомнить о сдѣланной нами обидѣ другимъ.

Что бы мы ни дѣлили между собой, раздѣлъ всегда оканчивался ссорой и въ пользу одного изъ насъ, что заставило горбунчика-Павлусю сказать одинъ разъ при подобномъ раздѣлѣ:

— Ахъ, душечки, братцы и сестрицы! когда бы вы скорѣе все померли, чтобы мнѣ не съ кѣмъ было дѣлиться и ссориться!

Въ полдникъ намъ давали молоко, сметану, творогъ, яичницы разныхъ сортовъ — и всего вдоволь. Потомъ, къ вечеру, мы «подвечерковывали»: обыкновенно тутъ давали намъ холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, вновь зажареннаго поросенка и еще что нибудь подобное. А при захожденіи солнца ужинать: галушки вздобные на молокѣ, «квасокъ» (особенное мясное кушанье съ лукомъ, и что за пре-

вкусное! Въ лучшихъ домахъ, за пышными столами, его не видать уже! колбаса, шипящая на сковородѣ, и всегда вареники, плавающие въ маслѣ и облитые сметаной. Приказъ отъ маменьки былъ прежній — «ѣсть побольше; ночью, моль, не дадутъ».

Описавъ домашнее наше времяпровожденіе, не излишнимъ почитаю изложить и о дѣлаемыхъ батенькою «банкетахъ» въ уроченные дни года. И что это были за банкеты!... Куда! въ нынѣшнее время и не приснится никому задать такой банкетъ, и тѣни подобнаго не увидишь; а еще говорятъ, что всё вдалься въ роскошь! Да какая была во всемъ чинность и регула!...

Когда батенька задумывали поднять банкетъ, то заблаговременно объявляли маменькѣ, которая, бывало, тотчасъ принимаются вздыхать, а иногда и всплакнутъ. Конечно, онѣ имѣли къ тому большой предлогъ. Посудите: для одного банкета требовалось курей 50, утокъ 20, гусей столько же, поросятъ 10. Кабана непременно должно было убить, нѣсколько барановъ зарѣзать и убить цѣлую ялову. Все же — откормленное, уштанное зерномъ отборнымъ. Ахъ, какія маменька были мастерицы выкармливать птицу, или въ особенности кабановъ! Наврядъ ли изъ теперешнихъ молодыхъ барынь-хозяйекъ знаютъ всё способы къ тому, да и занимаются ли, полно, этою важною частью? — Повѣрьте моему слову, что когда, бывало, убьютъ кабана — такъ у него, каналы, сала на цѣлую ладонь, кромѣ что все мясо проросло саломъ! А птица! пальцемъ

можно было раздѣлять, а жиръ съ него во рту не помѣщается, такъ и течетъ!

Надобно сказать, что маменька не вдругъ взялись къ хозяйству, и сначала много было смѣшныхъ съ ними событій. Расскажу одинъ чувствительный анекдотъ. Вскорѣ послѣ замужества ихъ съ батенькою, пріѣхали къ нимъ семья сосѣдей только побѣдать. Маменька, чтобъ хорошенько ихъ угостить, призвавъ кухаря домашняго, приказали ему зарѣзать барана и изготовить, что слѣдуетъ. Кухарь, усердный человекъ къ пользамъ господъ своихъ, началъ представлять резоны, что-де мы барана зарѣжемъ, да онъ весь не потребится на столъ, половина останется и по лѣтнему времени испортится, надо будетъ выкинуть.

— Такъ ты вотъ что сдѣлай, — сказали маменька, недолго думавши, — заднюю часть барана употреби на столъ, а передняя пусть живетъ и пасется въ полѣ, пока до случая.

Кухарь такъ и расхохотался, а маменька принялись додумываться, что ему такъ смѣшно; да какъ додумались и увидѣли, что онѣ сказали нелѣпное и смѣшное, такъ махнули рукой, покраснѣли, какъ вишневка, и ушли отъ кухаря. Послѣ этого полно его держать, отпустили на свободу, а опредѣлили кухарку.

Пожалуйте, обратимся къ своему предмету. Вотъ какъ батенька объявлять маменькѣ о банкетѣ, то сами пошлютъ въ городъ за «городскимъ кухаремъ», какъ всеми назывался человекъ, въ рангѣ чинов-

ника, всѣми чтимый за его необыкновенное художество и искусство готовить объеденные столы; при томъ же онъ, при исполненіи должности, подвязывалъ бѣлый фартукъ и на голову вздѣвалъ колпакъ, все довольно чистое. Этотъ кухарь явится за пять дней до банкета и, прежде всего, начнетъ гулять. Извѣстно, что три дня ему должно было погулять прежде начатія дѣла! И чего бы онъ, въ эти три дня, ни спросилъ, должно все ему поставить; иначе онъ броситъ все, уйдетъ и ни за что уже не примется. Отгулявъ три дня, приступить къ работѣ. Узнавъ отъ батеньки, сколько предполагается перемѣнъ при столѣ, онъ идетъ съ маменькою въ сажу, гдѣ кормится живность, и выбираетъ самъ, какую ему будетъ угодно. Помню и теперь, какъ маменька стояла у дверей сажу и, приложивъ руки къ груди, жалостно смотря на выборъ кухаря. Когда же онъ замѣтитъ жирнѣйшую изъ птицъ и обречетъ ее на-смерть, тутъ маменька ахнуть, оботрутъ слезку изъ глазъ и не вытерпятъ, чтобъ не шепнуть: «А чтобъ ты самъ лопнулъ! Самую жирнѣйшую взять, теперь весь сажъ хоть брось!» Впрочемъ, маменька это дѣлала не отъ скупости и не жалѣя подать гостямъ лучшее, а такъ: любили, чтобъ всего было много въ запасъ и чтобы все было лучшее. Онъ было и гостямъ хвалятся, что благоденственны природою какъ изобиліемъ дѣтей, такъ и домашнимъ скотомъ, то есть птицею и проч. На завтрашній день убылое мѣсто въ сажѣ наполнится птицами, которыя по времени также будутъ выкормлены, а о взятыхъ все-таки жалѣютъ. Неизъяснимо

сердце, непостижимъ характеръ хозяекъ, подобныхъ маменькѣ!

Кухарь, при помощи десятка бабъ, взятыхъ съ работы, управляется съ птицею, поросятами, кореньями, зеленью; булочница дрожитъ тѣломъ и духомъ, чтобы опара на булки была хороша и чтобы тѣсто выходило и булки выпеклись бы на-славу; кухарка, въ другой кухнѣ, съ помощницами, также управляется съ птицею, выданною ей, но уже не кормленною, а изъ числа гуляющихъ на свободѣ, и приготовляетъ въ большихъ горшкахъ обѣдъ особо для конюховъ гостевыхъ, для казаковъ, сопровождающихъ пана полковника и прочихъ пановъ; особо и повкуснѣе для мелкой шляхты, которые пріѣдутъ за панамы: имъ не дозволено находиться за общимъ столомъ съ важными особами. Дворецкій, выдавъ для вычищенія большія оловянные блюда съ гербами знаменитаго рода Халявскихъ и съ вензелями прадѣда, дѣда, отца папенькиныхъ и самого папеньки, самъ остритъ ножъ и другой про запасъ, для разбирания при столѣ птицъ и другихъ мясъ. Ключникъ разливаетъ въ кувшины пиво и медъ изъ вновь початыхъ бочекъ, изъ которыхъ пробы носилъ уже къ папенькѣ и, по одобренію ихъ, распредѣляетъ: изъ какихъ бочекъ подавать панамъ, изъ какихъ шляхтѣ, казакамъ, конюхамъ и проч. Изъ боченковъ же, особо стоящихъ и заключающихъ въ себѣ отличные меда, липецъ сахарный и т. п., будетъ онъ выдавать къ концу стола, чтобы «уложитъ» гостей. Конюха на конюшенномъ дворѣ принимаютъ лучшаго овса и ссылаютъ его въ свои за-

крома; заботятся о привозѣ сѣна изъ лучшаго стожка и скидываютъ его на конюшню, чтобы все это задать гостинымъ лошадямъ по приѣздѣ ихъ, дабы люди послѣ не осуждали господъ: такіе-де хозяева, что о лошадяхъ и не позаботились.

Однимъ словомъ, всѣмъ и каждому пропасть дѣла и заботъ, а батенькѣ и маменькѣ болѣе всѣхъ. Они, каждый, за всѣмъ смотрятъ по своей части, все наблюдаютъ, и бѣда конюху, если онъ принялъ овесъ не чисто вывѣянный, сѣно луговое, а не лучшее изъ степного; бѣда ключнику, если кубки не полны нацѣжены, для меньшаго стола худшаго сорта приготовлены напитки; бѣда булочницѣ, если булки нехорошо испечены; кухаркѣ, если страва (кушанье) для людей не такъ вкусна и не въ достаткѣ изготовлена. Одинъ «городской кухарь» не подлежитъ осмотру: ему дана полная воля приготовить, что знаетъ по своему искусству, и дѣлать, какъ умѣетъ и какъ хочетъ. За то уже, чего требуетъ, все въ точности снѣшать ему выдавать, хотя маменька и не пропускаетъ, чтобы не ворчать: «А чтобы онъ подавился! Какую пропасть требуетъ масла! а рыжу? а родзынковъ? видимо-невидимо! Охота же Митрону Осиповичу поднимать банкеты! Шутка ли: четыре разъ въ годъ! Не припасешься ни съ чѣмъ; того и смотри, что разоримся вовсе». Послѣднія слова маменьки произносились шопотомъ, чтобы батенька не слыхали, а то бы досталось имъ! Батенька хотя были и очень политичны, но когда уже имъ чего захачивалось, такъ уже поставятъ на своемъ. Маменька, не знаяши еще хорошо ихъ комплекции,

лѣтъ пять, бывало, принимаются спорить противъ нихъ; такъ что же?.. Ну, не наше дѣло разсуждать, а знаетъ про то кофейный шелковый платокъ, который не разъ въ такомъ случаѣ слеталъ съ маменькиной головы, не смотря на то, что навязанъ былъ на подкапокъ изъ синей сахарной бумаги.

Пожалуйте, о чемъ-бишь я говорилъ? да, о банкетѣ; такъ.

Вотъ въ этотъ торжественный день, прежде всего, утромъ еще, является команда казаковъ для почетнаго караула, поелику въ домѣ будетъ найдется самъ панъ полковникъ своею особою. При этой командѣ всегда находятся сурмы (трубы) и бубны (литавры). Команда и устроитъ свой караулъ.

По прошествіи утра, днемъ, позже, такъ часу въ десятомъ пополночи, съѣзжаются знатные гости. А кого только батенька не звали на банкетъ къ себѣ? Версть за пятьдесятъ посылали, никого не пропустили, да всѣ же и собрались. Неприлично же было такую персону, какъ былъ въ то время его ясновельможность, панъ полковникъ, угощать при двадцати только человѣкахъ; слѣдовало и звать, чести ради гостя, хоть сотню, слѣдовало же всѣмъ и приѣхавъ изъ уваженія къ такому лицу, и сдѣлать честь батенькѣ, немаленькому пану по достатку и знатности древняго рода. Кто не имѣлъ на чемъ приѣхать, тотъ пѣшкомъ пришелъ съ семействомъ, принесъ въ узлѣ нарядное платье, потому что тутъ въ простомъ невозможно было бы показаться. Да посмотрѣли бы вы, какъ всѣ гости разряжены, разубраны. Мужской полъ въ славныхъ

суконныхъ черкесахъ темныхъ цвѣтовъ, рукава съ велетами, т. е. назадъ откидными; подъ ними кафтанъ газетовый, блестящій. Много-много когда уже на комъ моревый; то платье... знаете, что при дамахъ неприлично называть, — красного сукна, широкое; пояса блестятъ точно кованые; за поясомъ на золотой или серебряной цѣпочкѣ ножъ съ богатую оправою; сапоги сафьяна красного, желтаго или зеленаго; а кто пощеголеватѣе, такъ и на высокихъ подковахъ; волоса красиво подбриты въ кружокъ, усы приглаженные, опрятные, какъ называли тогда «чепурные». А женскій полъ, въ свою очередь, — это прелесть! Кунтуши богатѣйшей парчи, такой, что и не согнешь; на стану перехвачено, сурою сѣткою выложено; корсеты газетовые; запасочки заморскихъ пестрыхъ матерій, плотныхъ, какъ лубокъ. На головахъ кораблики или очипки парчи сурой, какъ жарь горятъ! Нынѣшнія дамы не смѣли бы и надѣтъ корабликъ или очипокъ. На шеѣ намиста, намиста! дукатовъ, еднусовъ, крепокости безъ кунтушей, въ однѣхъ юбкахъ, т. е. корсетахъ, и... какъ бы вамъ пополитичнѣе сказать?.. не стѣсняя природы или природы, — безъ рукавовъ; но за то, какіе рукава ихъ рубашекъ — это заглядѣніе: тонкаго холста, кисейные, какіе можно вообразить. Да все это вышито преискусно разныхъ цвѣтовъ шелками, золотомъ, серебромъ. Головы убранны — на удивленіе, какъ прелестно! Косы заплетены мельчайшими пасмами, свиты вѣнкомъ и уложены на макушкѣ, а по лбу положены, одна на дру-

гой, разныхъ цвѣтовъ ленты, а поверхъ ихъ золотой газъ сурой... Ну, однимъ словомъ, это прелесть! Ножки въ суконныхъ чулочкахъ, бѣлыхъ или синихъ; башмачки красные на колодочкахъ. Изъ-подъ шелковой плахты виднѣется «ляхавка», т. е. подоль сорочки, такимъ же узоромъ вышитый, какъ рукава... Такъ этакая краля неволью обратить глаза на себя одна, — а тутъ ихъ собралось десятками! Не подумайте, что это онѣ изубыточились и дѣлали себѣ наряды для нашего банкета? Совѣмъ нѣтъ! Каждая все это получила отъ матери, а та отъ своей матери, и такъ все выше; теперь носить сама и передастъ будущимъ своимъ дочерямъ и внукамъ. Теперешніе сборы на банкетъ не стоили имъ ничего болѣе, какъ кружки ключевой воды, чтобы умыться; а одѣлись во все готовое. Да какъ же онѣ хороши! какой здоровый цвѣтъ въ лицахъ! какой яркій живой румянецъ въ щекахъ! какая свѣжесть въ прелестныхъ глазахъ! Немудрено: онѣ ложатся спать ввечеру и съ солнцемъ встаютъ; онѣ...

(Тутъ все, написанное мною, моя невѣстка, второго сына жена, женщина модная, воспитанная въ пансіонѣ мадамъ Грос-валль, зачернила такъ, что я не могъ и разобрать, а повторить — не вспомнилъ, что написалъ было. Ну, да и нужды нѣтъ. Мы и безъ того все знаемъ все. Гмь!)

Вотъ такіе-то гости собрались и сидятъ чинно. Такъ, уже къ полудню, часовъ въ одиннадцать, сурмы засурмили, бубны забили — ѣдетъ самъ, ѣдетъ вельможный панъ полковникъ въ своемъ берлинѣ; мапталеръ то-и-дѣло хлопаетъ бичемъ на чет-

верню вороныхъ коней, въ порахъ посеребренныхъ, а они безъ фореса, по-теперешнему—форейтора, идутъ на однихъ возжахъ машалера, и кожа на порахъ зеленая, потому что и берлинъ былъ зеленый.

Батенька съ маменькою вышли встрѣтить его ясневельможность на рундукъ, т. е. на крыльцо. Батенька бросились къ берлину, отворили дверцы и принимали пана полковника, который выльззалъ, опираясь на батеньку. Тутъ батенька поцѣловали ему руку, а онъ—это правда, я самъ видѣлъ и никому не лгу,—онъ, выльзши, обнялъ батеньку. Маменька на рундукъ очень низко поклонились пану полковнику, и когда онъ взошелъ на нашъ высочій рундукъ, бросились также, чтобъ поцѣловать его руку, но онъ охватилъ и допустилъ маменьку поцѣловать себя въ уста. Этимъ началъ онъ давать знать, что недавно былъ въ Петербургѣ и видѣлъ тамошнюю политику. За такую отличную честь маменька опять ему пренизко поклонились и униженно просили его ясневельможность осчастливить ихъ убогую хижину своимъ присутствіемъ. Полковникъ просилъ ихъ идти впередъ; но маменьку—нужды нѣтъ, что онъ были такъ нѣсколько простоваты—гдѣ надобно, трудно было ихъ провести; хотя онъ и слышали, что панъ полковникъ просить ихъ идти впередъ, хотя и знали, что онъ вывезъ много петербургской политики, никакъ же не пошли впереди пана полковника и, идучи сзади его, взглянулись съ батенькою, на лицѣ котораго сіяла радостная улыбка отъ ловкости маменькиной.

Въ сѣняхъ пана полковника встрѣтилъ весь муж-

ской полъ, стоя по чинамъ отдавая часть поклонами; при входѣ же въ комнату, весь женскій полъ встрѣтилъ его у дверей, низко и почтительно кланяясь. Панъ полковникъ, вопреки понятий своихъ о политикѣ, заимствованной имъ въ Петербургѣ, по причинѣ тучности своей, тотчасъ хселся на особо приготовленное для него съ мягкими подушками высокое кресло и началъ предлагать дамскому полу также сѣсть, но они никакъ не поступали на это, а только молча откланивались. Наконецъ, когда онъ объявилъ, что, бывши въ Петербургѣ, ко всему присматривался и очень ясно видѣлъ, что женщины тамъ сидятъ даже при особахъ въ генеральскихъ рангахъ, тогда онъ только вынуждены были сѣсть, но и сидѣли—себѣ на умѣ: когда панъ полковникъ изволилъ которую о чемъ спрашивать, тогда она спѣшила встать и, поклонясь низко его ясневельможности, опять садилась, не сказавъ въ отвѣтъ ничего. Къ чему же было и отвѣчать? Если отвѣтъ долженъ быть утвердительный, то это и безъ рѣчей показывалъ поклонъ; если же слѣдовало возразить что пану полковнику, то, не осмѣливаясь на такую дерзость, изъясняли это поклономъ. Гдѣ увидишь теперь эту утонченную вѣжливость? У нашихъ молодыхъ людей? Ой, ой, ой! Не говорите мнѣ про нихъ!

Замѣтно батенька были окуражены, что панъ полковникъ изволилъ быть веселъ. Услышавъ громко и пріятно поющаго чижа въ клѣткѣ, онъ похвалилъ его: такъ тутъ же батенька, низко поклонясь, сняли клѣтку и, вынеши, отдали людямъ пана полков-

ника, чтобъ приняли и бережно довели до дома «какъ вещь, поправившюся его ясновельможности».

Панъ полковникъ, разговаривая со старшими, которые стояли у стѣны и отнюдь не смѣли садиться, изволилъ закашляться и плюнуть впередъ себя. Стремительно одинъ изъ бунчуковыхъ товарищей, старикъ почтенный, бросился и почтительно затеръ ногою плеванье его ясновельможности: такъ въ тотъ вѣкъ политика была утонченна!

Немного съ-годомъ (спустя нѣсколько), дворецкій внесъ большой подносъ, кругомъ установленный серебряными позлащенными чарками; а на другомъ подносѣ несли хрустальные — помню, купленные батенькою у приходившаго къ намъ съ товарами царца — карфины, наполненные разныхъ сортовъ, вкусовъ и цвѣтовъ водками, нарочно для сего маменькою приготовленными. Водки не подносили никому, пока батенька и маменька изъ своихъ рукъ не просили пана полковника. Когда онъ изволилъ принять въ руки чарку, тогда только начали подносить гостямъ, и каждый наливалъ себѣ желаемой водки, а батенька не переставала упрашивать каждого, чтобы пополюбе наливали.

Панъ полковникъ былъ политиченъ. Онъ не пивши держалъ чарку, пока всѣ не налили себѣ, и тогда принялся пить. Всѣ гости смотрѣли на него: и еслибы онъ выкушалъ всю чарку разомъ, то и они выпили бы такъ же; но какъ полковникъ кушалъ прихлебывая, то и они не смѣли выпивать прежде его. Когда онъ изволилъ морщиться, показывая крѣпость выкушанной водки, или цмокать губами, любуясь вку-

сомъ водки, то и они всѣ дѣлали то же изъ угожденія его ясновельможности.

Панъ полковникъ, выкушавши водку, изволилъ долго разсматривать чарку и похвалилъ ее. Въ самомъ дѣлѣ чарка была отличная: большемѣрная, тяжеловѣсная, жарко вызолоченная и съ гербомъ Халаявскихъ. Политика требовала и чарку отдать пану полковнику, что батенька съ удовольствіемъ и исполнили.

Вслѣдъ затѣмъ панъ полковникъ прошенъ выпить по другой чаркѣ. Причемъ батенька съ униженнымъ поклономъ докладывали: «Осмѣливаюсь низжайше доложить вашей ясновельможности, что по первой не закусываютъ» — и на сей разъ пану полковнику поставили другую чарку таковую же, и онъ выкушать выкушалъ полную, но уже не хвалилъ чарки. Ему послѣдовали и прочіе гости, разумѣя одинъ мужскій полъ, поелику женщинамъ и подносить не смѣли: онѣ очень чинно и тихо сидѣли, только повертывая пальчиками одинъ около другого; мода эта вошла съ незапамятныхъ временъ, долго держалась, но и это уже истребилось и пальчики женскаго пола покойны, не вертятся! — или кончикомъ вышитаго платочка махали на себя, потому что въ комнатѣ было душно отъ народа.

Еще немного съ-годомъ батенька подступили къ пану полковнику съ докладомъ, что «поставивши-де тарелки, не соблаговолите ли, ваша ясновельможность, по чаркѣ горѣлки?» Тутъ панъ полковникъ, привставши, сказалъ: «погодите» и пошли. Имъ пожелалось прогуляться. Такова была ихъ натура.

Лишь только панъ полковникъ всталъ, то и весь женскій полъ поднялся, т. е. съ своихъ мѣстъ; а панъ полковникъ, въ сопровожденіи батеньки, вышелъ въ сѣни, закричалъ караульнымъ: «а нуте же — сурмите, сурмите: вотъ — я иду!» И разомъ на сурмахъ и бубнахъ отдавали ему честь до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратился въ покои. Что значить высокій рангъ!

Пожалуйте. Прержнимъ порядкомъ выпито было и по третьей чаркѣ — и вдругъ засурмили и забубнили уже въ сѣняхъ въ знакъ того, что пора къ обѣду, и первая перемѣна стола уставлена.

Столъ былъ приготовленъ въ противной комнатѣ, т. е. расположенной чрезъ сѣни, насупротивъ той, гдѣ находились до обѣда. По стѣнамъ были лавки и передъ ними столъ длинный, покрытый ковромъ и сверхъ скатертью длиною, вышитою по краямъ въ длину и на углахъ красною бумагою разными произвольными отличными узорами. На столъ уставлены были часто большія оловянные блюда или мисы, отлично, какъ зеркало блестящее, такъ вычищенные, и всѣ съ гербами Халявскихъ, наполненные, т. е. мисы, борщами разныхъ сортовъ. Для сидящихъ не было болѣе приборовъ, какъ оловянная тарелка, близъ нея большіе ломти хлѣба бѣлаго и чернаго, ложка деревянная, лакомъ покрытая. И все это, чрезъ всю длину, на обоихъ концахъ покрывало длинное полотенце, такъ же вышитое, какъ и скатерть. Оно служило для вытиранія рукъ вмѣсто те-перешнихъ салфетокъ. Столъ, кромѣ мисокъ, уставленъ былъ большими кувшинами, а иногда и бутыл-

ками, наполненными пивами и медами различныхъ сортовъ и вкусовъ, — и какіе это были напитки! Вѣ, истинно, не лгу: теперь никому и не приснится вкусъ такихъ напитковъ; а чтобъ сварить или приготовить, такъ и не говорите: никто и понятія не имѣетъ. Вообразите себѣ пиво тонкое, жидкое, едва имѣющее цвѣтъ желтоватый; поднесите же къ устамъ, то уже одинъ запахъ манитъ васъ отвѣдать его, а отвѣдавши вы уже не хотите оставить и пьете его, сколько душѣ вашей угодно. Сладко, вкусно, приятно, усладительно и въ головѣ не оставляетъ никакихъ послѣдствій!... А медъ? Это на удивленіе! Вы налили его, а онъ чистый, прозрачный, какъ хрусталь, какъ ключевая вода. «Что это за медъ?» сказали бы вы съ хладнокровіемъ, а можетъ еще и съ презрѣніемъ. Да подите же съ нимъ! начните его кушать, т. е. пить, такъ отъ третьяго глотка вы именно не раздвинете губъ своихъ: онъ такъ и слипнется. Сколько сладости! А аромат какой! Теперь ни отъ одной барыни нѣтъ такого благоуханія, — а откровенно сказать: когда онъ выѣзжаютъ въ люди, такъ это онъ точно имѣютъ. Нѣтъ, никто мнѣ не говори, гдѣ именно Россія; спору и утверждаю, что она у насъ въ Малороссіи. Доказательство: когда россияне еще были славянами (это я, не помню, гдѣ-то читалъ), то имѣли отличные меды, и только ихъ и пили. Когда какому народу хотѣлось попить меду, то они ѣхали къ славянамъ. Въ великой Россіи такихъ медовъ, какъ у насъ въ Малороссіи, варить не умѣютъ: слѣдовательно, мы — настоящіе славяне, переименованные потомъ въ россиянь... Но оставимъ ученныя раз-

сужденія и возвратимся къ батенькиному банкету. Такъ извольте же припомнить, что этикѣ меды и пива стоятъ по всему столу. Увидите же, что изъ этого послѣ выйдетъ.

Промежду кувшинами или бутылками стоятъ кружки, стопы и все серебряное, тяжеловѣсное, вычеканенное различными фигурами и мифологическими, т.-е. ложными божествами, и всѣ заклеименныя пышнымъ гербомъ Халаявскихъ, преискусно отработаннымъ.

Его ясневельможность, панъ полковникъ, изволилъ садиться, по обычаю, на самомъ первомъ мѣстѣ, въ головѣ стола; подлѣ него не было приготовлено другого мѣста, потому что никому же не слѣдуетъ сидѣть наравнѣ съ такою важнаго ранга особою. Женскій полъ сѣлились, по чинамъ своихъ мужей, на лавкахъ у стѣны. Хозяинъ долженъ былъ крѣпко наблюдать, чтобы пани есаулова не сѣла какъ нибудь выше пани бунчуковой товарищкы; если онъ замѣтитъ такое нарушеніе порядка, то долженъ просить пани есаулову пересѣсть пониже; въ противномъ случаѣ ссора вѣчная у мужа униженной жены съ хозяиномъ банкета и съ есауломъ, мужемъ зазнавшейся; а если онъ ему подчиненъ, то мщеніе и взысканіе по службѣ. Послѣ усѣвшихся женщинъ сѣлились дѣвушки, также по чинамъ отцовъ своихъ. Мужчины, и все же по чинамъ, сѣлились на скамьяхъ или «ослонахъ» противъ женскаго пола. Хозяинъ банкета сѣлся на самомъ концѣ стола, чтобы удобнѣе вставать по разнымъ надобностямъ. Хозяйка же не сѣлась

вовсе; она распоряжала отпускомъ блюдъ и наблюдала за всѣмъ ходомъ банкета. Нѣсколько дѣвокъ дворовыхъ, прилично случаю убранныхъ, въ своемъ національномъ, свободномъ вездѣ нарядѣ—тогда не умѣли еще стѣнять и свуровать—какъ бы это сказать?... ну, натуры или природы—такъ стояли онѣ въ углу, близъ большой печи, въ готовности исполнять требованія гостей. Хозяйкинъ глазъ наблюдалъ и за ними—и бѣда дѣвкѣ, зазѣвавшейся до того, что гость самъ скажетъ: «Дѣвчино! подними мнѣ хлѣбъ или ложку», или что нибудь потребуетъ. Маменька бывало изъ другой комнаты кивнутъ пальцемъ на виновную—а иногда имъ и покажется, что она будто виновата—такъ вызвавши, схватятъ ее за косы и тутъ же ну-ну-ну-ну! да такъ ее оттреплютъ, что дѣвка не скоро и въ разумъ придетъ. По щекамъ же, въ такомъ случаѣ, никогда не били, чтобъ предосудительные звуки не дошли до слуха гостей. Проученная, поправивъ косы и все разстроенное, опять является на свое мѣсто и стоитъ, какъ свѣча.

Вотъ, какъ усѣлися—всѣ и смотрятъ на пана полковника. Онъ снялъ съ тарелки ручникъ или полотенце, положилъ къ себѣ на колѣни—и всѣ гости, обоихъ половъ, сдѣлали то же. Онъ своимъ ножомъ, бывшимъ у него на цѣпочкѣ, отрѣзалъ кусокъ хлѣба, посолилъ, съѣлъ и, взявъ ложку, хлебнулъ изъ миски борщу, перекрестился—и всѣ гости за нимъ повторили то же, но только одинъ мужской полъ. Женщины же и дѣвушки не должны были отнюдь ѣсть чего либо, но сидѣть неподвижно, потупивъ

глаза внизъ, никуда не смотрѣть, не разговаривать съ сосѣдками, а могли только, по-утреннему, или пальчиками мотать, или кончикомъ платка махаться; иначе противъ нихъ сидящіе паньчи осмѣютъ ихъ и разславятъ, такъ что имъ и просвѣта не будетъ, стыдно будетъ и глаза на свѣтъ показать.

Послѣ первой ложки пошли гости кушать, какъ и сколько кому угодно. Противъ четырехъ особъ ставилась миска, и изъ нея прямо кушали, выкидывая на тарелку, передъ каждымъ стоящую, госточку, муху или другое, что неприличное попадется. По окончаніи одного борща подавали другого сорта. И сколькихъ сортовъ бывали борщи, такъ на удивленіе! Борщъ съ говядиною — или, по-тогдашнему, съ яловичиною; борщъ съ гусемъ, прежирно выкормленнымъ; борщъ со свининою; борщъ Собѣскаго (бывшаго въ Польшѣ королемъ); борщъ Скоропадскаго (гетмана малороссійскаго). Опять долженъ сдѣлать ученое замѣчаніе: по исторіи нашей известно, что эти особы сами составили особаго рода борщи, и благодарное потомство придало этимъ блюдамъ имена изобрѣтателей. Рыбный борщъ печерскій, бикусъ, борщъ съ кормленною уткою... да уже и не вспомню всѣхъ названій борщей, какіе, бывало, подаютъ!

Когда оканчивались борщи, то сурмы и бубны въ сѣняхъ возвѣщали окончаніе первой перемѣны. При звукѣ ихъ должно было оставить кушать и положить ложки. Гости мужского пола вставали съ своихъ мѣстъ и становились къ сторонкѣ, чтобы дать

кухарю свободно дѣйствовать. Онъ забиралъ опорожненные миски, а дѣвки по знаку маменьки, изъ другой комнаты поданному и съ прикрикомъ: «дѣвчата? а ну-те, заснули?» — опрометью кидались къ столу, собирали тарелки, сметали руками со стола хлѣбныя крошки, кости и проч., устраивали новые приборы и, окончивъ все, отходили въ сторону. Тутъ, при новомъ звукѣ сурмы и бубенъ, являлся кухарь съ блюдами второй перемѣны и уставлялъ ими столъ, и тогда вставшій мужской полъ садился попрежнему.

За симъ подносилась водка; панъ полковникъ и гости прошены были выпить предъ второю перемѣною.

Вторую перемѣну составляли супы, также разныхъ сортовъ и вкусовъ: супъ съ лапшею, супъ съ рыжемъ и родзынками (сарачинское пшено и изюмъ) и многіе другіе, въ числѣ коихъ былъ и супъ историческій, подобно борщу, носившій названіе: «Леопольдовъ супъ», изобрѣтенія какого-то маркграфа Римской имперіи, но какого — не знаю. Любопытные могутъ узнать навѣрное изъ историческихъ разсмотрѣній, критикъ и споровъ ученыхъ мужей.

При началѣ второй перемѣны панъ полковникъ, а за нимъ и всѣ гости, все же мужского пола, облегчали свои пояса. При первой и второй перемѣнахъ пили пиво или медъ, по произволению каждаго.

Не смотря на то, что у гостей мужского пола нагрѣвались чубы и рдѣлись щеки еще при первой перемѣнѣ, батенька, съ самаго начала стола, ходили и, начиная съ пана полковника до послѣдняго

гостя, упрашивали побольше кушать, выбирая изъ мисокъ куски мяса, клали ихъ на тарелки каждому и упрашивали скушать все; даже вспотѣютъ, ходя и кланаясь, а все просятъ, приговаривая печальнымъ голосомъ, что конечно-де я чѣмъ прогнѣвалъ пана Чупринскаго, что онъ обижаетъ меня и вѣротъ ничего не беретъ? Панъ Чупринскій, кряхтя, пыхтя и тяжело дыша, силится съѣдать положенное ему на тарелку, противъ силы, чтобы не обидѣть хозяина.

Мясо разрѣзывалось на тарелкѣ имѣвшимся у каждого гостя ножомъ, а ѣли—за невведеніемъ еще вилокъ или виделокъ—руками.

Третья перемяна происходила прежнимъ порядкомъ.

За третью перемяною поставлялися блюда съ кушаньями «сладкими». То были утка съ розынками и черносливомъ на красномъ соусѣ, ножки говяжьи съ такимъ же соусомъ и съ прибавкою «миндалю»; мозги, разныя сладкія коренья, рѣпа, морковь и проч. и проч., все преискусно приготовленное. При сей перемянѣ панъ полковникъ снималъ съ себя поясъ вовсе, и батенька, поспѣшивъ принять его, бережно и почтительно несли и чинно клали на постель, гдѣ они (т. е. батенька съ маменькою) обыкновеннымъ образомъ опочивали. Гости мужского пола, снявъ свои пояса, прятали ихъ въ свои карманы, или передавали чрезъ столъ своимъ женамъ, а тѣ уже прятали ихъ у себя за корсетъ или куда удобнѣе было. При третьей перемянѣ поставлялися на столъ наливки: вишневка, терновка,

сливянка, яблонька и проч. и проч. Рюмокъ тогда не было и ихъ не знали, и ихъ бы осмѣяли, еслибъ увидѣли, а пили наливки тѣми же кубками и стопами, что пиво и медъ. Всякому предоставлялось выпить по волѣ и комплекціи.

Съ прежнимъ порядкомъ поставлена и четвертая перемяна, состоящая изъ жареныхъ разныхъ птицъ, поросятъ, зайцевъ и т. п.; соленые огурцы, огурчики укусомъ прилитые, также съ чеснокомъ, вишни, груши, яблоки, сливы опошнянскія и другихъ родовъ—горами навалены были на блюда и поставлены на столъ. Чѣмъ столъ болѣе близился къ концу, тѣмъ усерднѣе батенька упрашивали гостей побольше кушать и пить, чтобъ ихъ послѣ не осуждали, что они не умѣли угостить. Уже на блюдахъ мало чего оставалось, но батенька и остатки подкладывали почетнѣйшимъ гостямъ, упрашивая «добирать все и оставить посуду въ чистотѣ». Наконецъ, чтобъ заставить гостей долго вспоминать свой банкетъ, батенька упрашивали пана полковника и гостей уже обоихъ половъ выпить «на потуху» по стаканчику медку. Тутъ же, пожалуйста, какая штука выйдетъ: въ продолженіе питья наливки, какъ уже къ пиву и меду не касались, искусно былъ подмѣненъ медъ медомъ же, но другого свойства.

Прошенныя гости, чтобы сдѣлать хозяину честь и доставить удовольствіе за его усердіе, помня, что медъ былъ отлично вкусенъ, охотно соглашались пріятнымъ напиткомъ усладить свои чувства. Медъ

на видъ былъ тотъ же — чистый, какъ ключевая вода, и свѣтлый, какъ хрусталь. Вотъ они, наливши въ кубки, выпивали по полному. Батенька, поглотивъ свой смѣхъ и уклонясь пану полковнику и всѣмъ гостямъ, вѣжливымъ образомъ просили извиненія, что не угостили, какъ должно, его ясневельможность и дорогихъ гостей, а только обезпокоили ихъ и заставили голодовать.

Панъ полковникъ, бывъ до того времени много рѣчивъ и неумолкаемъ въ разговорахъ со старшинами, близъ его сидящими, послѣ выпитія послѣдняго кубка меда онѣмѣлъ, какъ рыба; выпуча глаза, надувался, чтобы промолвить хотя слово, но не могъ никакъ; замахалъ рукою и поднялся съ мѣста, а за нимъ и всѣ встали... Но вотъ комедія! встать встали, да съ мѣста не могли двинуться и выговорить слова не могли. Это — надобно сказать — батенькинъ медъ производилъ такое дѣйствіе: онъ былъ необыкновенно сладокъ и незамѣтно крѣпокъ до того, что у выпившаго только стаканъ отнимался языкъ и подкашивались ноги.

Проказники батенька были! И эту штуку дѣлали всегда при концѣ стола и хохотали безъ памяти, какъ гости были отводимы своими женами или дочерьми; а въ случаѣ, если и жены испивали рокового напитка, то и ихъ вмѣстѣ проводили люди.

Пана полковника, крѣпко опьянѣвшаго, батенька удостоились сами отвести въ свою спальню для опочиванія. Прочіе же гости расположились, гдѣ кто попалъ. Маменькѣ было заботы снабдить каждаго подушкою. Если же случались барыни, испившія

медку, то ихъ проводили въ дѣтскую, гдѣ взаперти сидѣли четыре мои сестры.

«Молодые отрасли женскаго пола», какъ ихъ батенька называли на штатскомъ языкѣ, а просто «панночки», или, какъ теперь ихъ зовутъ, «барышни», выходили изъ дому и располагались на присбахъ играть въ разныя игры. Которая изъ нихъ была подогадливѣе, та привозила съ собою «креймашки», и всѣ, посажаясь въ кружокъ, играли. Это превеселая и презанимательная игра! Креймашекъ есть не что иное, какъ обдѣланный кружокъ изъ разбитыхъ тарелокъ или кафлей, величиною въ мѣдную копѣйку. Каждая панночка положитъ передъ собою одинъ креймашекъ, а другой кидаетъ вверхъ, и пока тотъ летитъ обратно внизъ, она должна схватить лежащій и уловить летящій. Въ эту презанимательную игру тогдашнія панночки играли хоть дѣлный день. А теперь гдѣ вы увидите, чтобы наши барышни занимались въ креймашки? Легко станетъ, что онѣ и понятія о нихъ не имѣютъ!... Ужасъ, какъ свѣтъ измѣнился.

Пожалуйте! Пока такъ занималась молодость женскаго пола, въ то время панычи, тутъ же на дворѣ, между собою боролись, бѣгали «на выпередки» (въ запуски), играли въ мячъ, «въ скрагли»... Тоже не думаю, чтобы кто изъ теперешнихъ молодыхъ, даже благовоспитанныхъ юношей имѣлъ понятіе объ этой игрѣ! Выбиваешь изъ города (т. е. за черту) противной партіи палки; побѣдишь — и въ награду на побѣжденномъ вѣдешь верхомъ въ триумфѣ въ завоеванный городъ. Сколько тутъ мы.

слей! поощренія къ подвигу! возмездія за ловкость! Это должно быть нѣчто изъ обычаевъ древнихъ римлянъ.

А деркачь? Вотъ игра: это умереть надобно со смѣху. Вколачиваютъ колышекъ въ землю, и къ нему, на длинныхъ веревкахъ, привязываютъ двухъ панычей и обоимъ имъ, завязавъ глаза, дадутъ въ руки одному крѣпко свитый жгутъ, а другому зарубленные двѣ палочки, чтобы терчалъ ими. Вотъ одинъ терчитъ и бережется товарища; а тотъ также, не видя ничего, подкрадывается и хочетъ его ударить жгутомъ... и... пафъ!.. бьетъ по воздуху; а тотъ, изворотясь, терчитъ уже съ другой стороны... Тотъ бросается туда, а этотъ уходитъ сюда... Ну, ложатся, бывало, отъ смѣху! И попадетъ жгутъ деркача, такъ уже дубасить, дубасить, сколько душѣ угодно!.. Умора уморою!..

Ахъ, сколько было подобныхъ веселыхъ, острыхъ, замысловатыхъ игръ! И гдѣ это все теперь? Посмотрите на теперешнее юношество, такъ ли оно воспитано? Кожа да кости! Какъ образованы! Не распознаешь отъ взрослыхъ мужей. Въ чемъ упражняются? Наука да ученіе. Какъ ведутъ себя? Совсѣмъ противно своему возрасту... Объ этомъ предметѣ поговорю послѣ...

Вотъ панночки, соскучась, что панычи не пристають къ нимъ и даже не обращаютъ на нихъ вниманія, приступаютъ къ хитростямъ: начинается между ними игра въ короли. «Король, король! что прикажете дѣлать?» спрашиваетъ каждая у избраннаго изъ нихъ короля.

— У короля жены нѣтъ, — отвѣчаетъ король.

Спрашивавшая должна бы цѣловать короля; но она кричитъ громко, чтобы панычи услышали: «Вотъ еще выдумали что! Что намъ цѣловаться между собою? Это будетъ горшокъ о горшокъ, а масла не будетъ». При чемъ нѣкоторыя глядятъ на панычей, подходятъ ли они къ нимъ, и если еще нѣтъ, то продолжаютъ маневры, пока успѣютъ привлечь ихъ къ себѣ.

Панычи съ разными обходами, наконецъ, подошли къ кругу панночекъ и просятъ «скуки ради» принять ихъ до компаніи. Кружокъ раздвигается, панычи усѣлись между панночками, и начинается игра. Разными хитростями и явными неправдами король избранъ всегда изъ красивыхъ.

— Король, король! что прикажете дѣлать? — спрашиваетъ первая, краснѣя, зная содержаніе приказанія.

Король отвѣчаетъ важно:

— Короля должно шановать (почитать) и всѣмъ панночкамъ по семи разъ цѣловать.

— Вотъ выдумали! вотъ выдумали! Довольно бы и по два раза, а то по семи! — кричатъ бунтовщицы, но нечего дѣлать: каждая, обтирая губки, подходитъ къ королю, и ровно, ни больше, ни меньше семи разъ, цѣлуетъ вѣрно, безъ фальши, счастливица — и спокойно возвращается на свое мѣсто.

— Въ стыдное мѣсто поцѣловать короля, — приказываетъ король другой.

Всеобщій хохотъ, и всѣ смотрятъ на смутившуюся.

— Что же? чего ты стала? ты думаешь что?

развѣ не знаешь?—такъ кричать ей подруги, и одна изъ нихъ предлагаетъ:

— Дай я за тебя исполню.

Получивъ довѣренность, она подходитъ къ королю и свободно цѣлуетъ его въ обѣ щеки,— мѣсто, гдѣ обнаруживается стыдъ.

— Королю отпустить лентъ пять аршинъ,— приказывается третьей, и получившая такое приказаніе панночка подходитъ къ королю, беретъ его за руки и протягиваетъ ихъ, какъ будто мѣряя на аршинъ и цѣлуя при каждомъ отмѣриваніи.

— Собрать подать для короля!—И король съ спрашивавшею идетъ взыскивать съ каждой подать. Получаетъ поцѣлуй отъ каждой панночки и цѣлуетъ свою подругу, яко-бы складывая въ сумку подать.

— Да не щипайтесь же, паньчу!—вдругъ вскрикиваетъ изъ круга одна панночка, отодвигаясь отъ своего сосѣда.

— Я совсѣмъ не щипаю, а только щекочу,— отвѣчаетъ проказникъ.

— И щекотить не прошу: я щекотки боюсь.

И много происходитъ тутъ веселыхъ шутокъ. Смѣхъ, забавныя рѣчи, острия и умныя слова занимаютъ молодыхъ людей, которые и не замѣтятъ, какъ день пройдетъ.

А нынѣ—въ какомъ обществѣ молодыхъ людей найдете подобное препровожденіе времени, подобныя замысловатыя игры, веселость, свободу, умъ, удовольствіе?.. Все, все измѣнилось!

Но вотъ, часу въ четвертомъ съ полудня, панъ полковникъ и прочіе гости, выспавшись, сходятся въ

большую комнату. Маменька, по заботливости своей, приготовили имъ изобильный полдникъ. Блины, вареники, яичницы, разныя мяса холодныя безпрестанно слѣдуютъ одно за другимъ. Теперь уже маменька хлопочуть: упрасиваютъ гостей, чтобы поболѣе кушали, и каждому, впрочемъ, по рангу гостя, подкладываютъ отличные кусочки и поливаютъ масломъ и сметаною болѣе или менѣе, смотря на важность особы. Батенька же то-и-дѣло, что обходить гостей, прося о наливкахъ, которыя разныхъ цвѣтовъ, вкусовъ, сортовъ и родовъ разносятся въ изобиліи. По очищеніи блюдъ, подносятся «на потуху» «вареная»... Вотъ опять не вытерплю, чтобы не сказать: гдѣ найдете у насъ этотъ напитокъ? Никто и составить его не умѣетъ. А что за напитокъ! Такъ я вамъ скажу: вещь, что въ ротъ, то спасибо! Сладко, что губъ не разведешь, такъ и слипаются; вкусно такъ, что и самый нектаръ не стоитъ противъ него ничего: благоуханно такъ, что я, въ бытность мою въ Петербургѣ, ни въ одномъ «козмаитическомъ» магазинѣ не находилъ подобныхъ духовъ. Дешево и ничего не стоитъ, потому что весь матеріалъ домашній: водка, ягоды разныя и нѣсколько ароматныхъ произведеній: перецъ, корица, лавровый листъ. Подите же вы! И этотъ драгоценный по благоуханію, здоровью, вкусу и дешевый по матеріаламъ напитокъ откинули и погрязли въ винахъ, якобы заморскихъ, когда, чествовъ увѣряю, что всѣ эти вина съ мудреными названіями составляются тутъ же, на мѣстѣ, у насъ, и продаются по дорогой цѣнѣ, на вредъ карманамъ и здо-

ровью православныхъ. Сердце болить и душа стѣсняется!.. Гдѣ ты, блаженная старина!..

Пожалуйте. Вотъ, какъ выкупаютъ по нѣскольку чашекъ вареной, такъ полковникъ пожелаетъ проходиться по двору, осмотрѣть батенькину конюшню, скотный дворъ и другія заведенія. Пошелъ — и всѣ чиновники за нимъ; батенька предшествуетъ, а сурмы сурмятъ и бубны гремятъ въ честь полковника, но уже съ замѣтнымъ разладомъ, потому что избыточное угощеніе было и трубящимъ — какъ казакамъ, конюхамъ и всѣмъ съ гостями прибывшимъ людямъ.

На конюшнѣ и вездѣ панъ полковникъ, осматривая, что похвалить, то немедленно выводится прочь и сдается на руки полковничьимъ людямъ, нарочно для сего прибывшимъ. Батенька отъ удовольствія даже облизываются, что ихъ хозяйсто одобряется паномъ полковникомъ.

Осмотрѣвъ все, возвращаются въ домъ, гдѣ маменька между тѣмъ угощали женскій полъ... чѣмъ вздумали; и какъ при этомъ не присутствовалъ никто изъ мужского пола, то, по натуральности, дѣло было на порядкахъ... И странно: передъ ними стоятъ орѣхи каленые и мышеловки, яблоки, павидлы (медовыя варенья) разныхъ сортовъ и всякая такая мебель, а нашъ женскій полъ, раскраснѣвшися препорядочно, щекочать, балагурять, рассказываютъ одна другой разныя разности, и каждая, одна другой не слушая, продолжаетъ свое. Самый приходъ пана полковника имъ незамѣтенъ, и маменька, бѣгая отъ одной къ другой, удерживаютъ ихъ отъ разговоръ.

— Да замолчите же, пани обозная! да перестаньте же, пани бунчукова товарищка! Вотъ панъ полковникъ пришелъ.

И въ-силу въ-силу ихъ ускромять.

Понявши, что панъ полковникъ здѣсь, онѣ утихнутъ и, какъ должно, вставши съ своихъ мѣстъ, начнутъ манериться: и улыбаться къ нему, платочками утираются, и хотя не къ чему, на все кланяются, пока его ясновельможность не соизволить сѣсть и, почти приказомъ, не усадить ихъ. Все лакомство со стола снято и поданы блюда «подвечерковать». Ветчина, солонина, буженина, полотки, соленыя перепелки и другія жареныя птицы украшаютъ столъ. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки принимаются гости «подвечерковать» и очищаютъ все, при безпрестанномъ подчиваньи разными сортами пива и меду.

Между тѣмъ въ продолженіе этого времени паночки, наигравшия въ короли, не имѣя чѣмъ заняться, «скуки ради» идутъ къ рѣкѣ, за садомъ протекающей, и тамъ купаются. А панычи «для забавки» идутъ въ проходку въ кустарники, за рѣкой противъ самага купанья находящеяся, и тамъ любятъ разсматриваніемъ природы или природы. Теперь, какъ уже старики, извѣстно, послѣ подвечеркованья должны уѣхать, то вотъ вся молодежь, освѣжившия купаньемъ и налюбовавшия натурою и природою, приходитъ къ общему собранію и снова не глядятъ другъ на друга, потому что не благопристойно при почтенныхъ особахъ показывать, что они знакомы между собою.

Окончивъ послѣднюю трапезу, панъ полковникъ встаетъ, чтобы уѣзжать. Берлинъ его поданъ. Машталеръ то и дѣло хлопаетъ бичемъ. Батенька подносятъ кубокъ, прося о полномъ, «чтобы въ оставляемомъ его ясновельможностью домъ все было полно». При выходѣ въ сѣни, на порогъ, подносится кубокъ, «чтобы хозяйскіе «вороги» (враги) не переступали черезъ пороги». На рундукъ еще выпивается полный кубокъ, «чтобы изливалось изобиліе на все видимое хозяйство». Дойдя до берлина, панъ полковникъ прошенъ снова выпить «гладко», чтобы гладилася дорога его ясновельможности. Выкупавъ также до дна и сей кубокъ, панъ полковникъ обнимаетъ батеньку, а они, поймавъ руку его, цѣлуютъ нѣсколько разъ и благодарятъ въ отборныхъ, униженныхъ выраженіяхъ за сдѣланную отличную честь своимъ посѣщеніемъ и проч.; а маменька, также ухитряся, схватили другую ручку пана полковника и, цѣлуя, извиняются, что не могли прилично угостить нашего гостя, проморили его цѣлый день голодомъ, потому что все недостойно было такой особы и проч. Панъ полковникъ, преисполненный... чувствами, не можетъ ничего выговорить, а только машетъ рукою и силится поднять ногу, знаками показывая, что онъ хочетъ сѣсть въ берлинъ. Предстоящіе бросаются, поднимаютъ его и усаживаютъ. Тутъ батенька еще съ кубкомъ для пожеланія пану полковнику благополучнаго пути; панъ полковникъ, почесавъ чубъ, запинаясь, съ трудомъ произноситъ: — Вѣрно, панъ подпрапорный (батенька имѣли чинъ подпрапорнаго; я расскажу, какъ они его до-

служилися), вѣрно, подносить того меду, что за обѣдомъ...

Батенька предузнали вопросъ его и поднесли точно тотъ медъ. Панъ полковникъ, опорожнивъ кубокъ, тутъ же свалился на подушку, не сказавъ уже ни слова. Берлинъ тронулся, сурмы засурмили, бубны забубнили въ честь полковника, чего онъ, однако же, слышать не могъ. За берлиномъ вели лошадей, бугаевъ, коровъ, везли кабановъ и все то, что понравилось у батеньки пану полковнику.

Проводивъ такого почетнаго гостя, батенька должны были уcontentовать прочихъ, еще оставшихся и желающихъ показать свое усердіе хлѣбосольному хозяину. Началось съ того, чтобы «погладить дорогу его ясновельможности». Потомъ благодарность за хлѣбъ-соль и за угощеніе. Маменька поднесли еще «ручковой», т. е. изъ своихъ рукъ. Потомъ пошло провожаніе тѣмъ же порядкомъ, какъ и пана полковника, до колясокъ, повозокъ, тельжекъ, верховыхъ лошадей и проч. и проч., и, наконецъ, всѣ гости до одинаго разѣхались.

А что? Просимъ покорно сказать мнѣ: есть ли теперь хоть тѣнь подобнаго пированья, искренняго, веселаго, чиннаго, изобильнаго? То-то и есть!

А вотъ, изволите видѣть, какъ батенька попали въ подпрапорные. Его ясновельможность, нашъ панъ полковникъ, послѣ трехъ-четырехъ банкетовъ у батеньки описаннымъ порядкомъ, началъ уважать батеньку, хотѣлъ вывести его въ сотники, потому что батенька были очень богаты какъ мятностями, такъ вещами и монетою; такъ-де такой

сотникъ скомплектуеть сотню на славу и весь полкъ закрасить. Вотъ и прислалъ къ батенькѣ универсаль, что онъ батеньку, за усердную службу, возводитъ на степень подпрапорнаго, съ обнадеживаніемъ и впредь дальней милости. Какъ же получили батенька этотъ универсаль: Господи! что тугъ было? И рассказывать страшно!.. Ногами затопали, начали кричать гнѣвно, какъ будто въ глаза пану полковнику, и даже заѣвились... Послѣ, одумавшись, поѣхали къ пану полковнику и объяснили, что они служить не желаютъ, избѣгая отъ непріятеля наглої смерти, и что они нужны для семейства, и что они долго верхомъ ѣхать не могутъ, тотчасъ устанутъ, и тому подобныхъ уважительныхъ причинъ много представили. Но когда панъ полковникъ, даже побожася, увѣрилъ батеньку, что они въ походъ никогда не пойдутъ, то батенька и согласился остаться въ военной службѣ; но сотничества, за другими охотниками, умѣвшими особымъ манеромъ снискивать милости полковника, батенька никогда не получили и, стыда ради, всегда говорили, что они выше чина ни за что не желаютъ, какъ подпрапорный, и любили слышать, когда ихъ этимъ рангомъ величали, да еще и вельможнымъ, хотя, правду сказать, подпрапорный и въ сотнѣ «не много могъ», а для постороннихъ и того менѣе.

Обращаюсь теперь къ продолженію описанія нашего воспитанія. Правду сказать, можно было благодарить батенькѣ, а еще болѣе маменькѣ: ихъ труды не втуне остались. Мы были воспитаны прекрасно:

были такіе брюханчики, что любо-весело на насъ глядѣть: настоящіе боченочки.

Когда уже съ нами достигнуто до главнѣйшаго, т. е. когда обезпечено было наше здоровье, тогда начали подумывать о послѣдующемъ. Въ одинъ день, когда у батеньки разболѣлась голова отъ нашего шума, и они досадовали, что нами переломаны были лучшія изъ прищепъ въ саду, такъ они, вздохнувши, сказали маменькѣ:

— А что, душко, пора бы нашихъ хлопцевъ отдать учиться письму?

Не могу и до сихъ поръ наудивляться рѣшимости маменькиной. Онѣ были отъ природы сложенія горячаго, крикливаго, спорнаго, бранчиваго, такъ что и Господи! Но это бывало съ булочницами, птичницами, ключницами и прочими должностными, ей подчиненными лицами. Противъ батеньки же онѣ не смѣли никогда пикнуть. Даже до чего! Кормленіе птицъ и кабановъ было подъ неограниченнымъ распоряженіемъ маменьки, и онѣ были къ этому дѣлу весьма склонны и искусны въ немъ, знали всѣ части по этой отрасли и не позволяли ничего перемѣнять. Но когда батенька умѣшивались и приказывали что неவிopaдъ, какъ и часто случалось, то маменька не противорѣчили и исполняли по волѣ батенькиной, хотя бы ко вреду самого откормленнаго кабана, — конечно, не безъ того, что, забившись къ себѣ въ опочивальню, перецыганяютъ батенькино приказаніе, пересмѣютъ всякое слово его, но все это шопотомъ, чтобъ никто и не услышалъ. Кромѣ этого предмета, чего бы только батенька ни

пожелали, ни потребовали, ни приказали, маменька, какъ законная жена, повиновались, спѣшили исполнить во всей точности требуемое и приказываемое, даже и въ мысляхъ не ворча на батеньку. Такъ я къ тому говорю: онѣ и въ любимой своей страсти не противорѣчили явно, но въ этомъ обстоятельстве, когда батенька напомнили о приступѣ къ ученію нашему, маменька вышли изъ своей комплекціи противъ батеньки. Конечно, и то надобно правду сказать, природа во всѣхъ тваряхъ одинакова: посмотрите на матерей изъ всѣхъ животныхъ, когда ихъ дѣтищамъ умышляютъ сдѣлать какое зло, тутъ онѣ забываютъ свое сложеніе, не помнятъ о своемъ безсиліи и съ остервенѣніемъ кидаются на нападающихъ. Такъ поступили и маменька, когда увидѣли, что ихъ рожденію предстоитъ ужасное положеніе: отлучка изъ дома, невременная пища, принужденное сидѣніе, забота объ урокахъ, и всего болѣе—наказанія, необходимыя при ученіи. Онѣ, видя, что это касается уже не къ какому нибудь гусаку, кабану или индѣйскому пѣтуху, а къ ихъ исчадію, вышли изъ себя, и видя, что матерія серьезная, начали кричать громко, и слова у нихъ сыпались скоро, примѣромъ сказать, какъ будто бы кто сыпалъ изъ мѣшка на желѣзную доску. Такъ рѣзко и звонко онѣ въ отвѣтъ на батенькины слова закричали:

— Помилуйте вы меня, Миронъ Осиповичъ! Человѣкъ вы умный и умнѣе васъ я въ свой вѣкъ никого не знавала и не видала, а что ни скажете, что ни сдѣлаете, что ни выдумаете, то все это такъ глупо, что совершенно надобно удивляться, плю-

нуть (тутъ маменька въ самомъ дѣлѣ плюнули) и замолчать.

Но онѣ плюнуть-плюнули, а замолчать не замолчали и продолжали въ томъ же духѣ.

— Съ чего вошло вамъ въ голову морить бѣдныхъ дѣтей грамотою глупою и безтолковою? Развѣ я на то ихъ породила и дала имъ такое отличное воспитаніе, чтобы они надъ книгами исчахли? Образумьтесь, побойтесь Бога, не будьте дѣтоубійцею, не терзайте безвинно моей утробы!..—Тутъ маменька горько заплакали.

Я-таки не на удивляюсь перемѣнѣ и батенькинаго обхожденія. Бывало, при малѣйшемъ противорѣчномъ словѣ, маменька не могли уже другого произнести, ибо очутивались въ другой комнатѣ, разумѣется, противъ воли... но это дѣло семейное; а тутъ папенька смотрѣли на маменьку удивленными глазами; пыхтѣли, надувались, и какъ увидѣли слезы ея, то, конечно, войдя въ материнскія чувства, сказали безъ гнѣва и размышленія, а такъ, просто, дружелюбно:

— А какъ же бы вы, Текла Зиновьевна, думали: чтобы мои дѣти росли дураками и ничего не знали?

Тутъ маменька, хотя и видно было, что онѣ рѣшились на большія крайности, нежели очутиться даже въ снѣгахъ—материнское сордце! увидя, что батенька сохраняютъ противъ нея мягкость, приободрились и усилили свой крикъ:

— Поэтому и я дура,—кричали онѣ,—и я ничего не знаю оттого, что не училась вашей глупой гра-

мотѣ? Такъ и я дура? Дожилаcь у васъ чести за восемь лѣтъ супружеской жизни!..

— То вы, душко, а то они...

— И не говорите мнѣ: все равно, все равно! Вы, конечно, глава: но я же не раба ваша, а подружіе. Въ чемъ другомъ я вамъ повинуюcь, но въ дѣтяхъ—засѣ! знайте: дѣти не ваши, а наши. Петрусь по осьмому году, Павлусѣ невступно семь лѣтъ, а Трушку (это я) что еще? только стукнуло шесть лѣтъ. Какое ему ученье? Онъ безъ няньки и пробыть не можетъ. А сколько грамотокъ истратится, покуда они ваши дурацкія буки да вѣди затвердятъ! Да хотя и выучать что, такъ, выросши, все забудутъ.

Батенька призадумался и начали считать по пальцамъ наши годы отъ рожденія, коихъ никогда въ точности не знали, а прибѣгали къ этому вѣрному средству. И видно, что маменькинъ счетъ былъ вѣренъ, потому что они, подумавъ, почмакавъ—чѣмъ изъяслялась у нихъ досада—и походивъ по комнатамъ, сказали, что мы еще годикъ погуляемъ.

Маменька примѣтно обрадовалась и, чтобы поддобриться къ батенькѣ, сказали:

— Какъ знаете, такъ и дѣляйте. Вы мужскій полъ, вы разумнѣе насъ.

Хитрыя же и маменька были! Видите, какъ онѣ поступили: крикомъ и слезами заставили батеньку отстать отъ своей мысли, да потомъ и говорятъ: «дѣляйте по своей волѣ... вы-де умнѣе»... Батенька и повѣрили на чистоту и замѣтно весь тотъ день къ маменькѣ были мягкосердечны.

Да и шалили же мы и проказничали во весь льготный годъ! Сколько оконъ въ людскихъ перебили! сколько у кухарокъ горшковъ переколотили! сколько жалобъ собиралось на насъ за разныя пакости! Но маменька запрещали людямъ доносить батенькѣ на насъ.

— Недолго имъ уже погулять,—говорили онѣ,—пойдутъ въ школу, перестанутъ. Пусть будетъ имъ чѣмъ вспомнить жизнь въ родительскомъ домѣ.

Наконецъ пришло наше къ намъ. Не увидѣли, какъ и годъ пропелъ. Передъ Покровымъ днемъ призванъ былъ нашъ стихарный дьячокъ, панъ Тимоѣей Кнышевскій, и спрошенъ о времени, когда пристойнѣе начинается ученіе дѣтей.

Панъ Кнышевскій, кашлянувши нѣсколько разъ по обычаю дьячковъ, сказалъ:

— Вельможные паны и благодѣтели! Премудрость чтенія и писанія не ежедневно дается. Подобаеть начать оную со дня пророка Наума, перваго числа декемврія мѣсяца. Извѣстно, что отъ дней Адама, праотца нашего, какъ его сынъ, такъ и всѣ происшедшіе отъ нихъ народы и языки не иначе начинали посылать дѣтей въ школу, какъ на пророка Наума, еже есть перваго декемврія; въ иной же день начало не умудритъ ничьихъ дѣтей. Сіе творится во всей вселенной.

Маменька и тому обрадовались, что хотя два мѣсяца еще погуляють, и скорѣе сказали:

— Когда-жъ во всей вселенной съ того числа начинаютъ, такъ и намъ надобно дѣлать по ней.

Маменька были неграмотныя и потому не знали, что

и онъ во вселенной живутъ и заключаются, оттого и сказали такъ... немножко... простовато... Но тутъ же выпросили у батеньки позволеніе торговаться съ паномъ Кнышевскимъ за наше обученіе, и послѣ долгаго торга положили: вмѣсто сорока алтынъ (120 коп.) отъ ученика платить по четыре золотыхъ (80 коп.) и по мѣшку пшеничной муки за выучку кievской граматки съ заповѣдями; граматки должны быть наши. За меня же, какъ меньшаго, мука выговорена не пшеничная, а гречишная, для галушекъ собственно пану Кнышевскому, и букварь его, а не нашъ.

Я былъ у маменьки «пѣстунчикъ», т. е. любимчикъ, за то, что во всякое время дня могъ все ѣсть, что ни дадутъ, и съѣдать безъ остатковъ. Только лишь сталъ разумѣть, то маменька открыли во мнѣ это достоинство и безмѣрно меня за то жаловали и хвалили предъ всѣми, что во мнѣ нѣтъ никакого упрямства. Еслибы маменькина воля была, онъ меня не отдали бы ни въ школу къ пану Кнышевскому и никуда не отпустили бы меня отъ себя, потому что имъ со мною большая утѣха была: какъ посадятъ меня подлѣ себя, такъ я готовъ цѣлый день просидѣть, не вставая съ мѣста, и не проговорить ни слова; сколько-бъ ни пожаловали мнѣ чего покушать, я все, безъ упрямства, молча, уберу и опять молчу. Маменька не нарадовались мною. Видя же необходимость пустить меня въ ученіе, онъ, по окончаніи торга, позвавъ пана Кнышевскаго въ кладовеньку поподчивать изъ своихъ рукъ водкою на магорычъ, начали всеусерднѣйше просить его, чтобы

бѣднаго Трушка, т. е. меня, отнюдь не наказываль, хотя бы и слѣдовало; если же уже будетъ необходимо наказать, такъ съѣкъ бы вмѣсто меня другого кого изъ простыхъ учениковъ. За это маменька тутъ же и отрѣзали ему пять локоть (аршинъ около осьми) домашняго холста, немного согнившаго отъ неудачнаго бѣленья.

Маменька были такія добрыя, что тутъ же мнѣ и сказали:

— Не бойся, Трушко, тебя этотъ цапъ (козелъ) не будетъ бить, что бы ты ни дѣлалъ. Хотя бы въ десять лѣтъ этой поганой грамматики не выучилъ, такъ не посмѣетъ и пальцемъ тронуть. Ты же, какъ ни придешь изъ школы, то безжалостному твоему отцу и мнѣ жалуйся, что тебя крѣпко въ школѣ били. Отецъ спроста будетъ вѣрить и будетъ утѣшаться твоими мѣками, а я притворно буду жалѣть о тебѣ.

Такъ мы и положили условіе съ маменькою.

И вотъ наступилъ роковой день! Перваго декабря насъ накормили выше всякой мѣры. Батенька, благословляя насъ, всплакнули порядочно. Они были чадолюбивы, да скрывали свою нѣжность къ намъ до сего часа; тутъ не могли никакъ удержаться... Приказывали намъ отнынѣ почитать и уважать пана Кнышевскаго, какъ его самого, родителя, а притомъ... Тутъ голосъ батенькинъ измѣнился и они, махнувъ рукою, сказали: «послѣ», перецѣловали насъ, обливая слезами своими, и ушли въ спальню.

Но маменька!.. вотъ уже истинная мать! Что можетъ сравниться съ нѣжностію материнскаго серд-

ца?... Онѣ плакали навзрыдъ, выцѣловывали насъ, а потомъ принялись голосить и приговаривать точно какъ надъ умершими:

— Ахъ, мой дѣточка-голубяточка! куда же вы отправляетесь, мой соколики! Въ дальнюю сторону, въ дьячкову школу... за этою проклятою наукою!.. Никто васъ тамъ не приголубитъ, не приласкаетъ... Замучатъ васъ глупымъ ученіемъ дурацкихъ книгъ... Кого я буду прикармливать вкусными варениками?... Для кого изготовлю молочную кашу?... — и много подобныхъ тому нѣжностей приговаривали весьма жалко, такъ что и теперь, когда вспомню, меня жалость беретъ.

А какія же маменька были хитрыя, такъ это на удивленіе! Тутъ плачутъ, воютъ, обнимаютъ старшихъ сыновей и ничего; меня же примутся оплакивать, то тутъ одною рукою обнимаютъ, а другою — изъ-за пазухи у себя то бубличекъ, то пирожокъ, то яблочко... Я обремененъ былъ маменькиными ласками.

Петрусь-братъ шелъ охотою; Павлуся, бывъ всегда весель, тутъ что-то повѣсилъ носъ; я шелъ весьма равнодушно и старался идти за братьями, чтобы они не примѣтили, какъ я пожираю лакомства, маменькою мнѣ въ путь данныя. «Пропала батенькина мукà и четыре золотыхъ за мое ученье!» такъ разсуждалъ я, пожирая яблоко, скрываемое мною въ рукавъ и куда я, запрятавъ ротъ съ зубами, тамъ ѣлъ секретно, чтобы не примѣтили братья. Я имѣлъ какой-то благородный характеръ и не терпѣлъ принужденія къ тому, что мнѣ не нра-

вилось. Бывъ одинаковой природы съ маменькою, я терпѣть не могъ наукъ, и потому тутъ же давалъ себѣ обѣщаніе, какъ можно хуже учиться, а что наказывать меня не будутъ, я это твердо помнилъ.

Со стороны маменькиной подобные проводы были намъ сначала ежедневно, потомъ все слабѣе-слабѣе: конечно, они уже попривыкли разлучаться съ нами; а наконецъ и до того доходило, что когда старшіе братья надоѣдали имъ своими шалостями, такъ онѣ, бывало, прикрикнутъ: «когда-бъ васъ чортъ унесъ въ эту анаѳемскую школу!» Батенька же были къ намъ ни се, ни то. Я же, бывши дома, отъ маменьки не отходилъ.

Пожалуйте, какъ же мы начали свое ученье. Большое строеніе, раздѣленное на двѣ половины длинными сѣнями; вотъ мы и вошли. Налѣво была хата и «комната», гдѣ жилъ панъ-дьякъ Тимоѳей Кнышевскій съ своимъ семействомъ, а направо большая изба съ лавками кругомъ и съ большимъ столомъ.

Панъ Тимоѳей, встрѣтивъ насъ, ввелъ въ школу, гдѣ нѣсколько учениковъ, изъ тутошнихъ казачьихъ семействъ, твердили свои «стихи» (уроки). Кромѣ насъ, панычей, въ тотъ же день, на Наума, вступило также нѣсколько учениковъ. Панъ Кнышевскій, сдѣлавъ намъ какое-то наставленіе, чего мы, какъ еще неученные, не могли понять, потому что онъ говорилъ свысока, усадилъ насъ и преподалъ намъ корень, основаніе и фундаментъ человеческой мудрости. Азъ, буки, вѣди — приказано было намъ выучить до обѣда.

«А что ты мнѣ сдѣлаешь, если я не выучу?»

подумалъ я, увидѣвъ, что мнѣ никакъ не шли въ голову и странныя эти названія, и непонятна была фигура этихъ каракулекъ. Я зналъ, что пану Кнышевскому отпущено было пять локоть холста за то, чтобы онъ слѣдующее наказаніе мнѣ передавалъ другому, и потому, вовсе не занимаясь урокомъ, рассуждалъ съ сидѣвшимъ со мною казацкимъ сыномъ, осуждая все.

— Къ чему эта грамота? — рассуждали мы. — Чему научатъ эти крючки? Хорошо маменька дѣлаютъ, что не любятъ грамоты! Проклиная все ученіе и ученыхъ, выдумавшихъ его, мы, на зло азбукѣ, дали свои наименованія: азъ сталъ у насъ раскаряка, буки горбунъ съ рогомъ, вѣди — пузанъ. Эти названія мы затвердили скоро, а подлинныя забыли и не старались вспомнить.

Время подошло къ обѣду, и панъ Кнышевскій спросилъ насъ съ уроками. Изъ насъ Петрусь проговорилъ бойко: зналъ назвать буквы и въ рядъ, и въ разбивку; и бокомъ ему поставятъ и вверху ногами, а онъ такъ и дуетъ, и не ошибется, до того, что панъ Кнышевскій возвелъ очигорѣ и, положивъ руку на Петрусину голову, сказалъ: «Вотъ дитина!» Павлусъ не достигъ до него. Онъ зналъ разницу между буквами, но ошибочно называлъ и относился къ любимымъ имъ предметамъ; на примѣръ, вмѣсто буки, все говорилъ «булки» и не могъ иначе сказать.

Панъ Кнышевскій только вздохнулъ, потомъ призывалъ меня.

— Что это за слово? — спросилъ онъ, указывая на азъ.

— А кто его знаетъ! — отвѣчалъ я съ духомъ, помня тайныя условія маменьки съ паномъ Кнышевскимъ. — Трудно какъ-то зовутъ этого раскаряку.

Гнѣвныя слова посыпались на меня изъ устъ пана Кнышевскаго. Насмѣшка, брань, упрекъ за дерзость мою, что я, вмѣсто православнаго наименованія, приложилъ ругательныя; наконецъ, изрекъ онъ запрещеніе, чтобы я не ходилъ обѣдать, а все бы твердилъ свой урокъ.

Мнѣ обѣдъ не важенъ былъ, я накормленъ былъ порядочно, при томъ же изъ запасовъ, данныхъ мнѣ маменькою въ часъ горестной разлуки, оставалась еще значительная часть. Какъ же школа отстояла отъ нашего дома не близко, а я лѣнивъ былъ ходить, то я еще и радъ былъ избавиться двойной походки. Для приличія я затужилъ и остался въ школѣ заниматься надъ своимъ букваремъ, въ половину оборваннымъ.

Немного времени прошло, какъ гляжу, двѣ служанки отъ матушки принесли мнѣ всего вдоволь. Кромѣ обыкновеннаго обѣда въ изобильныхъ порціяхъ, маменька рассудили, «чтобы дитя не затосковалось», утѣшить его разными лакомствами. Чего только не нанесли мнѣ! Панъ Кнышевскій по обѣдѣ отдыхалъ и не приходилъ въ школу до начала ученія; слѣдовательно, я имѣлъ время кончить свое дѣло отличнымъ образомъ.

По ѣдѣ, мысли мои сдѣлались чище и разсудокъ избобрѣтательнѣе. Когда поворачивалъ я въ рукахъ букварь, мнѣ пришла счастливая мысль: «еслибы

не было буквъ, что бы я училъ? Слѣдовательно, если ихъ не будетъ, мнѣ нечего учить». Подумаль, рѣшился и исполнилъ. Несносныя азъ, буки, вѣди—одно за другимъ были мною вырваны, истерты пальцами и, чтобы не отыскались вскорѣ, зарыты мною въ уголь школы. Я не только былъ покоенъ, но даже весель, не имѣя что учить.

Пришли братья, и вся школа собралась. Началось послѣобѣденное ученіе. Кончилось. Подали уроки... братья—куда! Къ како дошли. Ихъ расхвалили. Позвали меня...

— Гдѣ твои слова?—возопилъ грозно панъ Тимоетей, взглянувъ въ букварь.

— Не знаю,—отвѣчалъ я почти смѣло, приготовясь къ отвѣту.

— Какъ не знаешь? Ихъ здѣсь не обрѣтается.

— Вѣрно, выпали изъ граматки,—сказаль я и началъ шарить по полу.

— Выучилъ ли ты ихъ?

— Выучилъ очень твердо, такъ вотъ же выскочили куда-то.

— Смотри сюда,—возгласилъ панъ Кнышевскій и представилъ предъ глаза мои другой букварь, въ коемъ ясно торчали и азъ, и буки, и вѣди, тѣ самыя, которыя я уничтожилъ. Я полагаль, что уже и во всей вселенной не можно отыскать ихъ, а они, какъ волшебники, возродились снова и явились цѣлыми, даже не измятыми!

Не смотря на прежнее мое увѣреніе, что я знаю урокъ, я не могъ поименовать ихъ. Отговорка, что какъ это не моя книжка, и потому я этихъ словъ

не училъ, не помогла. И панъ Кнышевскій повелѣлъ виновной руки пальцы сложить вмѣстѣ и торжественно, съ какимъ-то припѣвомъ, ударилъ линейкою по пальцамъ три раза... О! вы не можете ни съ чѣмъ сравнить этой боли!!! Хорошо ли вы помните чувство, которое вы ощущали, когда сѣкли васъ? А уже вѣрно васъ сѣкли въ дѣтствѣ. Такъ, повѣрьте, тридцать ударовъ розгою все не то, что эти три удара линейкою по пальцамъ. У-у-у какъ больно!

Возвратясь домой, отдали мы въ своемъ ученѣ отчетъ батенькѣ; братьевъ похвалили, а меня порвали за чубъ порядочно. За это маменька пожаловали мнѣ два маковника: одинъ за батенькину «скупку», а другой—за дьячкову «палію». При чемъ маменька сказали:

— Пусть толчетъ собачій сынъ, какъ хочеть, когда безъ того не можно, но лишь бы сѣченемъ не ругался надъ ребенкомъ.

Не порадовало меня такое маменькино разсужденіе!

Начало ученья меня не потѣшило и еще болѣе усилило отвращеніе къ наукамъ. Иногда, не хвастаясь скажу, приходило какъ будто и желаніе чтонибудь выучить; но что же? бьюсь-бьюсь, твержу-твержу, нейдетъ въ голову. Такъ и брошу. Братья уже бойко читали пестопсалміе, а особливо Петруся—что это за разумъ былъ! цѣлый псаломъ прочтетъ безъ запинки, и ни въ одномъ словѣ не поймешь его; какъ трещотка—тррррр!—я же тогда сидѣлъ за складами. Братья оканчивали часосло-

вещь, а я повторялъ: «здо, тло, мну, зду» и то не чисто, а съ прибавкою такихъ словъ, какихъ невозможно было не только въ кievскомъ букварѣ, но и ни въ какой тогдашней книгѣ отыскать... Я про теперешнія ничего не говорю: свѣтъ измѣняется, и книги на что теперь похожи?

Ну-те пожалуйста. Вотъ я учусь плохо, а братья лѣзутъ впередъ; панъ же Кнышевскій беретъ плату и за меня, какъ будто за порядочно учащагося. На мою бѣду, онъ былъ совѣстливъ и, получая плату, хотѣлъ непременно научить меня всему, чему самъ зналъ. «Не вотще же мнѣ получать деньги; добьюсь у пана Трофима премудрости». И точно, началъ ее «добиваться». При первомъ разѣ, когда онъ нарушилъ свое условіе съ маменькою, т. е. когда положилъ меня на ослонъ (скамейку)... охъ! и теперь помню, какъ это больно!.. я, пришедши домой, пожаловался маменькѣ, что панъ Кнышевскій не только бьетъ меня каждый день, но сегодня уже и высѣкъ. Что же маменька? Вообразили себѣ, что я нарочно такъ говорю при батенькѣ, слыша отъ нихъ, какъ они попрекали маменьку, что онъ уприсили пана Кнышевскаго, чтобы онъ спускалъ ихъ пѣстунчику. Такъ маменька, выслушавши мою жалобу, сказали: «И хорошо, Трушко, за битого двухъ небитыхъ даютъ». При чемъ и подморгнули мнѣ, давая знать, что онѣ поняли мою хитрость. Каково же сыграли со мною?

Панъ Кнышевскій, узнавъ, что я жаловался на него, началъ учащать наказанія. Что мнѣ оставалось дѣлать, какъ молчать передъ маменькою, и вся-

кій разъ, когда меня полагали, я проговаривалъ мысленно:

— Пропали, маменька, ваши пять локоть холста; меня бьютъ такъ, какъ будто и ничего отъ васъ не платится.

Но что же успѣлъ панъ Кнышевскій со своими наказаніями? Таки-совершенно ничего. Я съ наукою никакъ не подвигался впередъ. Наконецъ, пану Тимоетею пришло на мысль, что человѣку даются различные таланты: иной грамоту плохо знаетъ, но хватается писать (въ этомъ пунктѣ свѣтъ, видно, мало измѣнился). Основавшись на этомъ, онъ изрекъ:

— А ну, пане Трофиме! не угобзишься ли ты въ писаніи? Нѣсть человѣка безъ дарованія; иный славень въ одномъ, другій въ другомъ; овъ мудро чтеть, овъ красно пишеть; иный умудряется звонить, а иный отличается въ шалостяхъ—и то талантъ. И самое питіе горѣлки требуетъ дарованія: овъ отъ чарки ушивается и творится безгласень, а овъ посьмухою неодолимъ пребываетъ. И такъ, пане Трофиме, воспріимемся испытывать твои таланты.

Послѣ чего панъ Кнышевскій зѣло засуетился, собирая что-то, и я ожидалъ, что онъ поставитъ предо мною штофъ водки, дабы испытать, имѣю ли талантъ къ питію ея; но все это клонилось къ приготовленію для письма.

Предложили мнѣ черную доску, разведенный въ водѣ мѣлъ и перо. Панъ Кнышевскій объяснилъ со всѣмъ жаромъ пользу писанія, что безъ него како бы возможно было словесно помянуть всѣхъ усопшихъ?

— А понеже придумано писаніе, то и всѣ покойники отъ Адама до сего дне, всѣ до единого переписаны и записаны въ поминальныя грамотки, и никто безъ поминанія не остается. А каковъй доходъ дается пишущимъ грамотки упокойныя! потщися, панычу, почерпнуть сію премудрость и будеши имѣти мзду велию. При благопріятномъ случаѣ, егда отъ свирѣпѣющихъ болѣзней многіе умираютъ, угобится тебѣ не мало толико! Писаніе таковыхъ грамотокъ одна полезная вещь, а прочее все суета; не подобаетъ унижати сего великаго художества на таковое мизерное тщеславіе.

Тутъ слѣдовало изъясненіе, какъ держать перо, какъ писать и т. п. — и моя десница пошла писать... Но что это были за фигуры вмѣсто буквъ, я вамъ и рассказать не умѣю; однимъ словомъ, пробоваль онъ учить меня писать уставомъ, полу-уставомъ и скорописью — и все никуда не годилось.

Панъ Кнышевскій справедливо заключилъ, что мнѣ «не дадеса мудрость и въ писаніи», и потому отложилъ свои труды, но, желая открыть во мнѣ какой ни есть талантъ, при первомъ случаѣ послалъ меня на звоницу отзвонить «навѣрю» по покойнику.

На колокольнѣ нашей было колоколовъ всего пять, и я могъ уже и одинъ съ ними управиться. Подобравъ веревки и видя, что никто не оспариваетъ у меня удовольствія звонить, я съ восторгомъ принялся трезвонить во всѣ руки, а между тѣмъ читать, какъ наставленъ былъ паномъ Кнышевскимъ, читать не спѣшно, сладко и не борзяся, весь символъ по стихамъ, а съ аминомъ перестать.

— Разбестія Артемій, — прибавилъ къ наставленію панъ дякъ, — могъ бы, по случаю скончанія родителя, расщедриться и угобиться на цѣлый пятидесятый псаломъ, но заплатилъ только на символъ.

Испытали ли вы, господа, наслажденіе звонить, а еще того болѣе трезвонить? Не въ переносномъ смыслѣ, а въ прямомъ, буквальномъ! Нѣтъ? Жалѣю о васъ. Это особаго рода удовольствіе! Вы взлѣзете на колокольню, вы выше всѣхъ, всѣ ниже васъ. Еще взбираетесь на нее: сколько мальчиковъ, по сродной имъ склонности, обгоняли васъ, не пускали, сталкивали: но вы сякъ-такъ превозмогли всѣ препятства, побѣдили все, удержали мѣсто за собою. Не встрѣчая препятствій, подобрали всѣ веревки въ руки, уладили ихъ — и давай гремѣть, трезвонить во всѣ руки. Какой восторгъ! По всей деревнѣ раздается «динь-динь-динь-динь-бемъ-бемъ-бомъ». Всѣхъ оглушаетъ звонъ, и все это производите вы, стоя на возвышеніи, а чернь, т. е. вапа чернь, стоящая и ходящая ниже васъ, слыша вашъ трезвонъ, поглядываетъ на васъ, поднявъ головы, какъ на нѣчто возвышенное. Тутъ удовлетворено ваше славолюбіе, самолюбіе и даже честолюбіе! Вы плаваете въ восторгѣ! Весь этотъ шумъ производите вы, нарушаете всеобщую тишину... Не хотите перестать, повинуетесь одной необходимости, отрезвонили и съ колокольни прочъ, смѣшались со всѣми, никто и не глядитъ на васъ, не отдаеъ вамъ цѣны и не замѣчаетъ васъ въ толпѣ... Не скорбите: вы были выше всѣхъ; шумъ и звонъ вашъ слышали всѣ. Послѣ него не осталось ничего? Нужды нѣтъ; вы насла-

ждались, вы шумѣли, вы трезвонили?.. Испытайте, прошу васъ, это особаго рода наслажденіе! Спросите у бывшихъ на колокольнѣ и трезвонившихъ въ свой чередъ; они готовы вамъ цѣлый день рассказывать, какъ они подбирали веревки, какъ улаживали все, какъ старались громче звонить!.. Никто вамъ этого, кромѣ дѣйствовавшаго, не расскажетъ, потому что всѣ прочіе слышали только звонъ, а звонившимъ не занимались, да и звонъ, съ послѣднимъ ударомъ колокола, забыли и почитаютъ, что человекъ, или глухой мальчикъ, только затѣмъ взбирался на возвышеніе, чтобы пустымъ звономъ набить уши другимъ.

Въ такихъ философическихъ разсужденіяхъ я трезвоню себя во всѣ руки больше полчасъ, забывъ всѣ наставленія пана Кнышевскаго, и продолжалъ бы до вечера, какъ онъ явился ко мнѣ на звоницу и съ грознымъ взоромъ вырвалъ у меня веревки, схватилъ за чубъ и безжалостно потащилъ меня по лѣстницѣ внизъ; дома же порядочно высѣкъ за то, что я отрезвонилъ болѣе данныхъ ему денегъ.

— Не имѣте въ звонѣ таланта, — сказалъ панъ Кнышевскій, ударяя себя руками по бедрамъ.

Въ то время былъ благочестивый въ школахъ обычай — и какъ жаль, что въ теперешнее время онъ не существуетъ ни въ высшихъ, ни въ нижнихъ училищахъ! — въ субботу школяры не имѣли уроковъ, но, протвердивъ зады и собравшись въ кучу, приходили къ пану Кнышевскому. Ученикъ, первый по ученію (и это всегда былъ братъ Петруся), возглашалъ за всѣхъ:

— Миръ ти, благий учителю нашъ!

— Треба бити васъ, — отвѣчалъ важно панъ Тимоетей, а мы должны были поклониться низко.

Послѣ того всѣ ученики, безъ различія состояній, становились въ двѣ линіи, посрединѣ поставлялся ослонъ (скамейка), и у него возстоялъ панъ Кнышевскій, имѣя рукава засученные и въ грозной десницѣ держа толстый пукъ розогъ. Въ линіяхъ стояли отдѣльно псалтырщики, часословщики и граматники; школа дѣлилась на три класса; писатели не отличались особо, потому что учащій псалтырь учился и писать.

Когда все было устроено, панъ Кнышевскій возглашалъ: «пане Петре!» и братъ мой подходилъ свободно, что нужно было расслабивая, дабы не задерживать другихъ... Панъ Кнышевскій относился къ одному изъ учениковъ:

— Пане Закрутинскій, кая есть четвертая заповѣдь? Прочти намъ ее повагомъ и не борзяся.

И ученикъ превозглашалъ: помни день субботній и прочее, слово за словомъ, медленно, а панъ Кнышевскій полагалъ шуйцею брата Петра на ослонъ, а десницею ударялъ розгою, и не по платью, а въ чистоту... Ударялъ же по расположенію своему къ ученику, или во всю руку или слегка; а также или сыпалъ удары часто, или отпускалъ ихъ медленно. Я сдѣлалъ расчисленіе, что иному доставалось ударовъ пятнадцать, смотря по скорости движенія руки дьяка въ продолженіе чтенія, а иному только три. Получившій на поминаніе заповѣди всакивалъ, кланялся пану Кнышевскому и, цѣлуя руки его, дол-

женъ былъ сказать: благодарствую, пане Тимоотее, за наученіе. И панъ Тимоотей, со всею важностью, запечатлѣвалъ обрядъ, приговаривая:

— Сіе тебѣ за прошедшія и будущія прегрѣшенія. Помни день субботній до грядущія субботы; иди съ миромъ.

Ученикъ тутъ же выбѣгалъ изъ школы и былъ свободенъ до понедѣльника.

Потомъ производилось то же дѣйствіе съ каждымъ ученикомъ поодиночкѣ до послѣдняго. И какъ въ иной годъ учениковъ бывало до пятнадцати, благородныхъ и низкородныхъ (кромѣ насъ, панычей, были и еще дѣти помѣщиковъ, нашего же прихода), то мы, граматники, какъ послѣдніе, нетерпѣливо ожидали очереди, чтобы отбыть неминуемое и скорѣе бѣжать къ играмъ, шалостямъ и ласкамъ матерей. Ожидая очереди, мы, все должное разслабивъ, поддерживали руками, чтобы не затрудняться при наступленіи дѣйствія.

Отъ дѣйствія субботки не освобождался никто изъ школярей; и самые сыновья пана Кнышевскаго получали одинаковое съ нами напоминаніе.

За то, какая свобода въ духѣ, какая радость на душѣ чувствуема была нами до понедѣльника! Въ субботу и воскресенъе, чтобы ученикъ ни сдѣлалъ, его не только родители, но и самъ панъ Кнышевскій не имѣлъ права наказать и оставлялъ до понедѣльника, и тогда — «воздавалъ съ лихвою», какъ онъ самъ говорилъ.

Дѣйствіе субботки мнѣ не понравилось съ первыхъ поръ. Я видѣлъ тутъ явное нарушеніе условія

маменькинаго съ паномъ Кнышевскимъ, и потому я непреминулъ пожаловаться маменькѣ. Какъ же онѣ чудно разсудили, такъ послушайте.

— А что-жъ, Трушко, — сказали онѣ, глядя меня по головѣ, — я не могу закона перемѣнить. Жалуйся на своего отца, что завербовалъ тебя въ эту дурацкую школу. Тамъ не только я, но и панъ Кнышевскій не властенъ ничего отмѣнить. Не отъ насъ это установлено.

Узнавъ о моей жалобѣ, панъ Кнышевскій взялъ свои мѣры. Всякій разъ, когда надо мною производилось дѣйствіе, онъ заставлялъ читающаго повторять нѣсколько разъ, крича: «Какъ, какъ? я не разслышалъ. Повтори, чадо! Еще прочти». И во все это время, когда заповѣдь повторяли, а иногда «пятирили», онъ учащаль удары мелкою дробью, какъ барабанчикъ по барабану... Ему шутки; онъ называлъ это «глумленіемъ», но каково было мнѣ? Ясно; что маменькинъ холстъ пошелъ задаромъ!

Въ одну изъ субботъ, когда панъ Кнышевскій болѣе обыкновеннаго поглумился надо мною до того, что мнѣ невозможно было идти съ братьями домой, я остался въ школѣ ожидать, пока маменька приплотъ мнѣ обѣдъ, который всегда бывалъ роскошнѣе домашняго, и прилегъ на лавкѣ, додумываясь, по какой причинѣ мнѣ болѣе всѣхъ задаютъ память о субботѣ? Въ это время панъ Кнышевскій, распустивъ школу, усѣлся въ своей свѣтлицѣ и принялся за прмолой — протвердить прмосы, догматики и другіе напѣвы, требуемые въ наступающую вечерню и воскресное служеніе. Голось у него былъ отличный:

когда бралъ низомъ, то еще все ничего; но когда поднималъ горою, такъ тутъ прелесть была! Конечно, на третьей улицѣ слышно было это рѣзкое, звонкое, поразительное пѣніе. До того голосъ его былъ разителенъ, что всѣ слушающіе его сознавались, что при его пѣніи у нихъ кожу на спинѣ подирало, точно такъ, какъ при пиленіи желѣза.

Вотъ онъ какъ протверживалъ свое пѣніе, я слушалъ его съ наслажденіемъ. Когда же дьячиха покликала его обѣдать, то я, скуки ради, началъ себѣ лежать попѣвать: и далѣе, далѣе, придя въ пассію, вырабатывалъ своимъ голосомъ самыя трудныя штучки.

Пропѣвъ одну псалму, другую, я оглянулся... о, ужасъ! панъ Кнышевскій стоитъ съ поднятыми руками и разинутымъ ртомъ. Я не смѣлъ пошевелиться; но онъ поднялъ меня съ лавки, ободрилъ, обласкалъ и заставилъ меня повторить пѣтвую мною псалму: «пробудись отъ сна, невѣста». Я пѣлъ, какъ наслышался отъ него, и старался подражать ему во всемъ: когда доходило до высшихъ тоновъ, я такъ же морщился, какъ и онъ, глаза сжималъ, ротъ расширялъ и кричалъ съ тою же пріятностію, какъ и онъ.

Съ восторгомъ погладилъ меня по головѣ панъ Кнышевскій и повелъ меня въ свѣтлицу. Тамъ досталъ онъ пряникъ и въ продолженіе того, какъ я ѣлъ его, онъ уговаривалъ меня учиться ирмолойному пѣнію. Струсилъ я крѣпко, услышавъ, что еще есть предметъ ученія. Я полагалъ, что далѣе псалтыря нѣтъ болѣе чему учиться человѣку, какъ тутъ

является ирмолой; но, дабы угодить наставнику и отблагодарить за засохшій пряникъ, я согласился.

Панъ Кнышевскій развернулъ предо мною ирмолой и, пробы ради, началъ толковать мнѣ значеніе ирмолойныхъ крючковъ. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, только я понималъ всю эту премудрость и быстро слѣдовалъ за рѣзкимъ голосомъ пана Тимоетея, до того, что могъ пропѣть съ нимъ легонькій догматикъ. Правду сказать, что и метода его была самая благоуспѣшная. Пользы ради другихъ учениковъ и въ наставленіе другихъ учащихъ вообще пѣнію, я долженъ открыть ее. Онъ держалъ меня за ухо: когда тоны спускались внизъ, онъ тянулъ меня книзу; возвышающіе тоны заставляли его тянуть ухо мое кверху. При самыхъ высокихъ тонахъ онъ тянулъ ухо кверху, сколько было у него силы, а я пѣлъ или, правильнѣе, кричалъ, что было во мнѣ мочи. При переливахъ голоса, онъ дергалъ меня изъ стороны въ сторону, и я выдѣлывалъ всѣ га-га-га-га — чудно. Вотъ и весь секретъ, я не утаиваю ничего и говорю во всеуслышаніе. Совѣтую первому учителю пѣнія испытать эту методу надъ ученикомъ или ученицею, и честью увѣряю, что въ нѣсколько часовъ научитъ громкому пѣнію. Я тому живой примѣръ. Вѣкъ открытій! Изобрѣтены способы въ нѣсколько уроковъ читать, писать, рисовать, обучиться всѣмъ наукамъ; вотъ новый способъ въ два, три часа выучиться пѣть такъ, чтобы далеко слышно было. Способъ легкій, незатѣйливый и удачливый.

Дѣло у насъ шло удивительно успѣшно. Но уче-

ніе мое происходило келейно, тайно отъ всѣхъ. Панъ Кнышевскій хотѣлъ батеньку и маменьку привести въ восторгъ нечаянно, какъ успѣхами и другихъ братьевъ, а именно:

Петруся, какъ я и сказалъ, удивительно преуспѣвалъ въ чтеніи; послѣ трехъ лѣтъ ученья, не было той книги церковной печати, которой бы онъ не могъ разобрать и читать бойко. Въ одно воскресенье, когда батенька и маменька были въ церкви, вдругъ выходитъ читать Апостоль... кто же? Петруся!.. Посудите, пожалуйста: мальчикъ по двѣнадцатому году, недоучивши и девятой каѳизмы, и читаетъ Апостоль! Да какъ читаетъ! Безъ лести сказать, дѣло давно прошедшее, и мы же съ нимъ всю жизнь провели въ ссорахъ и тяжбахъ, но именно, какъ бы самъ панъ Кнышевскій читалъ: такъ же выводитъ, такъ же понижаетъ, такъ же оксіи... Нѣтъ, братъ имѣлъ необыкновенный умъ! Конечно, гортанъ дѣтская, не противъ звонкой, рѣзкой гортани пана Кнышевскаго—это также чудо въ своемъ родѣ—но все-таки гортанъ, по возрасту, рѣдкая!

Безъ умиленія нельзя было глядѣть на батеньку и маменьку. Они, батенька, утирали слезы радости; а онъ, маменька, клали земные поклоны и тутъ же поставили большую свѣчу. Панъ Тимоотей получилъ не въ счетъ мѣрку лучшей пшеничной муки и мѣшокъ гороху, и Петруся, послѣ обѣда, полакомили бузинымъ цвѣтомъ, въ меду варенымъ.

Горбунъ Павлуся также въ грамотѣ силу зналъ; но какъ его натура была вѣтряная, то онъ все дѣлалъ, какъ теперь говорятъ, «негляже». Онъ скло-

нень былъ болѣе къ художествамъ: достать ли чего нужно изъ маменькиной кладовой безъ пособія ключа; напроказивъ что, самому сложить вину на невиннаго, изъ явной бѣды вывернуться—на все это онъ былъ великій мастеръ; но колокольня была его любимое занятіе. И, сказать по справедливости, какъ онъ звонилъ, такъ на удивленіе! Неподумайте, однакъ, чтобы его кто училъ или показалъ методъ—панъ Кнышевскій или Дрыгало, нашъ плѣшивый пономарь—честью моею увѣрю, что никто его не наставлялъ, а такъ, самъ отъ себя, натура или, лучше сказать, природа. Не изъ хвастовства сказать, а какъ опять къ рѣчи пришлось, что я удостоился на своемъ вѣку быть въ Петербургѣ и прислушивался, какъ звонятъ; бывалъ и въ Москвѣ, слышалъ различные звоны—хорошо, но все не то, что Павлусино звоненье; пусть себѣ столичные жители хотя обижаются, но я правды не потаю.

Дѣло прошлое, онъ хотя и братъ мой и уже умеръ, но скажу, что онъ вызванивалъ разныя штучки: умѣлъ на колоколахъ выражать, какъ утки квакають, какъ гуси игекгекають, пѣтухи кукарекають... Да чего не выражалъ онъ! Даже до того дошелъ, что «вдавалъ», какъ дьячиха на пана Тимоотея ворчала и грызла его: это онъ выражалъ маленькими колокольчиками... да какъ затрецитъ, запоропитъ, вотъ точно слышишь: «изгинь, пропади твоя голова, таратарата...», какъ обыкновенно жены грызутъ мужей. А большой колокольъ выражалъ гнѣвнаго пана Кнышевскаго, яко бы ворча-

цаго: «баба, полно, будетъ». Великій художникъ былъ братъ Павлусь!

Однажды панъ Кнышевскій послалъ Павлуся отзвонить по преставившемся обывателѣ богатомъ и оставившемъ большое семейство. Павлуся отличался, а дьякъ у колокольни читалъ 17-ю канѣзму, какъ мѣру, пока должно звонить, потому что заплачено за позвонъ щедро. Въ то время батенька съ маменькою были въ проходкѣ и подошли къ звоницѣ, послушать необыкновеннаго звона.

— Кто это такъ умилительно звонить? — спросили маменька у пана Кнышевскаго.

— Одинъ изъ школяровъ моихъ, — сказалъ съ лукавствомъ панъ Кнышевскій, прервавъ стихъ псалма.

— Мастерски! — сказали батенька.

— Явственно изражаетъ, — продолжалъ дьякъ, — и скорбь супруги, и плачь чадъ, и звонъ оставшихся денегъ, ихъ же не мало остася.

— Прикажите ему, пане Тимоѳее, — сказали маменька, — когда перезвонить, чтобъ пришелъ ко мнѣ, я ему дамъ моченое яблоко въ услажденіе, какъ онъ усладилъ меня своимъ звономъ.

— Сіе можно учинить и въ сіе мгновение, — сказалъ панъ Кнышевскій, махнувъ рукою, чтобъ Павлусь пересталъ звонить и сошелъ.

Слѣзши съ звоницы, братъ Павлусь явился взору родителей моихъ — и радостный крикъ ихъ остановилъ глаголаніе дьяка. Невозможно описать восторгъ батеньки, увидѣвшихъ и удостовѣрившихся, что и у второго сына ихъ, обиженнаго натурою, произведшею на спинѣ его значительный горбъ, от-

крылся талантъ, и еще отличный. Полные радости душевной, какъ нѣжные родители, они попеременно ласкали Павлуся и повели съ собою, чтобы покормить молочною кашею, приготовленною для нихъ послѣ проходки. А пану Кнышевскому, ни за что, ни про что — потому что вовсе не училъ Павлуси этому художеству — батенька подарили конну сѣна, а маменька — клубокъ валу (пряжи) на свѣтильни для каганца.

Наступило время батенькѣ и маменькѣ узнать и отъ третьяго сына своего, о которомъ даже самъ панъ Кнышевскій рѣшительно сказалъ, что онъ не имѣетъ ни въ чемъ таланта. И такъ панъ Кнышевскій преостроумно все распорядилъ: избралъ самыя трудныя псалмы и, заведя меня и своего дьяченка, скрытно отъ всѣхъ на токъ (гумно), въ клунѣ (ригѣ) училъ насъ вырабатывать всѣ га-гаканья... О, да и досталось же моимъ ушамъ!

Панъ Кнышевскій, трудясь до пота лица, успѣлъ наконецъ въ желаніи своемъ, и мы, въ три голоса, могли пропѣть нѣсколько псалмъ умилительныхъ и кантиковъ восхитительно. Для пораженія родителей моихъ внезапною радостію, избралъ онъ день тезоименитства маменьки, зная, что по случаю сей радости у насъ въ домѣ будетъ банкетъ.

Въ радостный тотъ день, когда панъ полковникъ и гости сѣли за обѣденный столъ, какъ мы, дѣти, не могли находиться вмѣстѣ съ высокопочтенными особами за однимъ столомъ, то и я, поѣвъ прежде порядочно, скрывался съ дьяченкомъ подъ нашимъ высокимъ крыльцомъ, а панъ Кнышевскій присѣлъ въ кустахъ бузины въ саду, ожидая благопріятнаго

случая. Первую перемяну блюдо мы пропустили, чтобы дать волю гостямъ свободно накушаться. Но когда сурмы и бубны возвѣсили о другой перемянѣ, тутъ мы вошли въ сѣни, прокашлялись, развернули ирмолой, панъ Кнышевскій взялъ меня и дьяченка за уши — и мы начали... Внезапное изумленіе поразило всѣхъ трапезующихъ.

Батенька какъ были очень благоразумны, то имъ первымъ на мысль пришло: не слѣпцы ли это поютъ? Но, разслушавъ ирмолойное искусство и разительный, окселентующій голосъ пана Тимоотея, какъ сидѣли въ концѣ стола, встали, чтобъ посмотрѣть, кто это съ нимъ такъ сладко поетъ? Подошли къ дверямъ, увидѣли — остолбенѣли... Наконецъ, чтобъ раздѣлить радость свою съ маменькою, тутъ же у стола стоявшею, отозвалися къ ней.

— Оекла Зиновьевна!.. посмотри!.. — Больше ничего не могли сказать: слезы ихъ проняли...

Маменька очень любили пѣніе, и кто бы имъ ни запѣлъ, онѣ тотчасъ задумываются, тутъ же онѣ подносили пану полковнику тотъ кусочекъ отъ курицы, что всякій желаетъ взять, и какъ слышали наше сладкопѣніе, забыли и кусочекъ, и пана полковника, и все, стали, какъ вкопаныя, очень задумались и голову опустили! Услышавъ же батенькинъ отзывъ, подумали и спросили:

— Чего тамъ смотрѣть?

— Посмотрите, душко, кто это поетъ? — сказали батенька.

— А нуте, нуте, кто это тамъ поетъ? — сказали маменька.

Тутъ батенька, взявъ пана Кнышевскаго за поясъ, втащили его въ горницу, а за нимъ и мы втянуты были дьякомъ, не оставившихъ ушей нашихъ, дабы не разстроилась псалма.

Маменька, какъ увидѣли и разслушали мой голосъ, который взобрался на самыя высочайшіе тоны, потому что панъ Кнышевскій, дабы пощеголять дарованіемъ ученика своего, тянулъ меня за ухо что есть мочи, отъ чего я и кричалъ необыкновенно, — такъ вотъ, говорю, маменька, какъ разлушали, что это мой голосъ, отъ радости хотѣли-было сомлѣть, отъ чего должно бы имъ и упасть, но или побоялись, чтобы не упасть на пана полковника, или чтобъ не сдѣлать непристойнаго чего при паденіи, то и удержались гостей ради, а только начали плакать слезами радости. Конечно, имъ бы слѣдовало сильнѣе выразить свою чувствительность, затѣмъ, что когда батенька, и не любивши меня, прослезились, увидя мое дарованіе, а имъ, маменькѣ, какъ о пѣстунчикѣ своемъ, однѣхъ слезъ недостаточно было, но я ихъ не виню: банкетъ, панъ полковникъ и всѣ гости помѣшали большому «пасажу».

Батенька, съ дозволенія пана полковника, поднесли пану Кнышевскому большую чарку вишневки и просили еще усладить пѣніемъ. Панъ полковникъ приказалъ стать поближе къ себѣ, и мы, ободренные, пошли вдаль, все вдаль. Панъ полковникъ, хотя кушалъ индѣйку, начиненную сарадинскимъ пшеномъ съ изюмомъ, до того прельстился нашимъ пѣніемъ, что, забывъ, что онъ за столомъ, началъ

намъ подтягивать басомъ, довольно пріятно, хотя за жеваніемъ не разводилъ губъ, причемъ былъ погруженъ въ глубокія мысли, чаятельно вспомнилъ свои молодыя лѣта, ученіе въ школѣ и таковое же пѣніе. Гости были въ восторгѣ отъ нашего пѣнія, маменька все плакала отъ умиленія, потому что мы пѣли псалмы все чувствительныя. Батенька не могли усидѣть на мѣстѣ, забывали угощать гостей, и когда я выработывалъ, при помощи дранья меня за ухо, высшія ноты, они подходили ко мнѣ и цѣловали меня въ голову.

Послѣ обѣда, батенька приказали уkontентовать пана Кнышевскаго елико можаху, а меня закармлили всѣ, кто чѣмъ успѣвалъ, и всѣ любовались и завидовали моему громкому и звонкому голосу.

Торжество мое было совершенное. Послѣ этого достопримѣчательнаго дня мнѣ стало легче. Въ школѣ, зналъ ли я, не зналъ урока, панъ Кнышевскій не взыскивалъ, а по оковчаніи ученія бралъ меня съ собой и водилъ въ домъ богатѣйшихъ казаковъ, гдѣ мы пѣли разные псалмы и канты. Вму давали деньги, а меня кормили сотами, огурцами, молочною кашею, или чѣмъ другимъ, по усердію.

Маменька очень рады были, что у любимаго ихъ сынка открылся любимый ими талантъ; и когда, бывало, батенька покричитъ на нихъ порядочно, то маменька, отъ страха и грусти ради, примутся плакать и тутъ же шлють за мною и прикажутъ мнѣ пѣть, а сами еще горше плачутъ—такъ было усладительно мое пѣніе!

Такимъ побытомъ продолжалось наше ученіе, и

уже прочіе братья: Сидорюшка, Ефремушка и Егорушка поступили въ школу, а старшій братъ Петрусь, выучивъ весь псалтырь, не имѣлъ чему учиться. Нанять же «инспектора» (учителя) батенька находили неудобнымъ тратиться для одного, а располагали приговорить ко всѣмъ троимъ старшимъ, но я ихъ задерживалъ: какъ сталъ на первомъ часѣ, да ни назадъ, ни впередъ.

Брату Петрусю было уже пятнадцать лѣтъ. Онъ пана Кнышевскаго и въ грошъ не ставилъ; и какъ былъ одаренъ отличнымъ умомъ, и потому склоненъ къ шалостямъ, то началъ изобрѣтать разныя потѣхи.

Дьячиха, жена пана Кнышевскаго, преобладала мужемъ своимъ, не смотря на всѣ его увѣренія и доказательства, что онъ есть ея глава.

— Какъ бы ты былъ въ супружествѣ рука,—возражала на это дьячиха,—тогда бы ты что хотѣлъ, то и дѣлалъ; но какъ ты голова, да еще дурная, глупая, то я, какъ руки, могу тебя бить.

И съ этимъ словомъ она колотила порядочно его голову и рвала за волосы.

— Воздержись, окаянная!—вопилъ Кнышевскій,—измождай тѣло мое, но не глумися надъ власами, на нихъ же не подобаетъ желѣзу взйти...

— Я не желѣзомъ, а грѣшными руками рву твои патлы,—приговаривала дьячиха, таская его за длинную косу, коею онъ всегда отличался.

Онъ былъ въ совершенной ея зависимости по самыи день смерти ея. Когда она умерла, положивши ее какъ должно, назначилъ псалтырщиковъ своихъ

читать надъ нею, умилился сердцемъ и возопилъ при всѣхъ насъ: «Брате Тимоѳеѣ! лукавствуй! твоя воля, твори, еже хоцещи, нѣсть препинающій тя». И потомъ, вышивъ на калганъ гнатою горѣлки, пошелъ въ школу отдыхать на лаврахъ, избавясь отъ гонительницы своей.

Это дѣлалось вечеромъ. Лишь только панъ Кнышевскій восхрапѣлъ, братъ Петрусь приступилъ къ дѣйствию. Меня поставили къ псалтырю, приказавъ мурныкать, будто кто читаетъ. Братъ Павлусъ, какъ великій художникъ, пробилъ въ горшкѣ глаза, носъ и ротъ, заклеилъ бумагою и отгѣнилъ углемъ. Братъ Петрусь досталъ дьячихино платъе, принарядился кое-какъ и приготовленный горшокъ поставилъ вверхъ дномъ на голову, а въ средину его утвердилъ свѣчу. Фигура была ужасная, отъ которой нѣтъ такого храбраго въ мірѣ воина, чтобъ на смерть не испугался. Въ этомъ нарядѣ Петрусь пошелъ къ спящему зѣло крѣпко въ школѣ пану Кнышевскому. Петрусь былъ окруженъ школьниками, державшими кошекъ, коихъ, при входѣ въ школу, начали они тянуть за уши и хвосты; кошки подняли страшный крикъ, мяуканье, визгъ... Панъ Кнышевскій невольно воспрянулъ отъ сна и, увидѣвъ необычайное явленіе, началъ творить заклинанія. Но Петрусь не боялся ихъ, и тонкимъ, визгливымъ, рѣзкимъ голосомъ, какъ покрикивала умершая, началъ грозить пану Кнышевскому, чтобы онъ не полагалъ ее въ отсутствіи отъ себя, что душа всегда будетъ находиться въ зеленомъ поставчикѣ и, смотря на его дѣянія, по ночамъ будетъ мучить его, если онъ неподобное со-

творитъ. Повелѣвала не наказывать вовсе ни за что школярей и не принуждать ихъ къ ученію, а особливо панычей (коихъ съ поступившими отъ другихъ помѣщиковъ было всего одиннадцать), которымъ приказывала давать полную волю. И, много тому подобнаго наговоривъ, Петрусь скрылся съ глазъ дьяка.

Трепещущій, какъ осиновый листъ, вошелъ въ хату панъ Кнышевскій, гдѣ уже Петрусь, какъ ни въ чемъ не бывало, читалъ псалтырь бѣгло и не борзяся, а прочіе школяры предстояли. Первое его дѣло было поспѣшно выхватить изъ зеленого поставца калгановую и другія водки и потомъ толстымъ рядомъ покрыть его, чтобы душа дьячихи, по обѣщанію своему тамъ присутствующая, не могла видѣть дѣяній его.

Съ сихъ поръ Петрусь что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Школа наша превратилась въ собраніе шалуновъ самыхъ дерзкихъ. Главнымъ занятіемъ было, подъ предводительствомъ Петруся, пріобрѣтеніе дынь, арбузовъ, огурцовъ, яблоковъ, грушъ и проч. и проч. Никакіе плетни не удерживали школярей; гдѣ же встрѣчались запоры или замки, тутъ дѣствовало художество брата Павлуса, и онъ препобѣждалъ все. Дерзкимъ шалостямъ не было конца. Неуважаемый нами, панъ Кнышевскій возставалъ на насъ съ грозою и требовалъ, чтобы мы сидѣли смирно и твердили стихи; но Петрусь при томъ вскрикивалъ: «пане Кнышевскій! не слышите ли, что это въ зеленомъ поставцѣ шевелится?»

— Гм! гм! — покашливая, взглядывалъ панъ Кны-

шевскій на поставецъ и медленно уходилъ въ свою свѣтлицу, а мы, школяры, продолжали свои занятія неудержанно никѣмъ.

Дому своего мы вовсе не знали. Батенька хвалили насъ за такую прилежность къ ученію; но маменька догадывались, что мы вольничаетъ, но молчали для того, что могли меня всегда, не пуская въ школу, удерживать при себѣ. Тихонько, чтобы батенька не услышали, я пѣлъ маменькѣ псалмы, а онѣ закармливали меня разными сластями.

Братья же мои, пребывая всегда въ школѣ съ благородными и подлыми товарищами, «преуспѣвали на горшее», какъ говорилъ панъ Кнышевскій, вздыхая, не имѣя возможности обуздать своихъ учениковъ.

Братъ Петрусь, какъ всё великаго ума люди, былъ любовной комплекціи, но въ занятія такого роду, по тогдашнему правилу, не могъ пускаться, потому что еще не брилъ бороды, ибо еще не исполнилось ему шестнадцати лѣтъ отъ роду.

Когда же настала этотъ вождельный для него день, день рожденія его, коимъ начиналось семнадцатое лѣто жизни его, то призванъ былъ священникъ. Прочтена была молитва, Петрусь сдѣлалъ три поклоненія къ ногамъ батеньки и маменьки, принялъ отъ нихъ благословеніе на бритіе бороды и получилъ отъ батеньки бритву: «которою, — какъ увѣряли батенька, — голился еще пра-пращуръ нашъ, войсковой обозный, панъ Талемонъ Халявскій», и бритва эта, переходя изъ рода въ родъ, по прямой линіи, вручена была Петруси съ тѣмъ же, чтобы въ

потомствѣ его, старшій въ родѣ, выбривъ первовыросшую бороду, хранилъ какъ зѣницу ока и передавалъ бы также изъ рода въ родъ.

Маменька же благословили Петруся кускомъ грецкаго мыла и полотенцемъ, вышитымъ разными шелками, руками также прабабушки нашей, въ подарокъ прадѣдушкѣ нашему, для такого же употребленія. Вотъ и доказательство, что родъ Халявскихъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ.

Церемонія была трогательная. Сами батенька даже всплакнули, а что маменька, такъ тѣ навзрыдъ рыдали. Конечно, очень чувствительно для родителей видѣть первенца брака своего, достигшаго совершенныхъ лѣтъ, когда уже, по закону или обычаю, онъ долженъ былъ исполнять дѣйствіе взрослыхъ людей. Въ теперешнее время гдѣ найдемъ сей похвальный обычай? Кто изъ юношей достигаетъ шестнадцатилѣтняго возраста съ небритою бородою и съ удаленіемъ себя отъ нѣкоторыхъ дѣйствій, свойственныхъ совершеннымъ людямъ? Наши, т. е. теперешніе, юноши въ шестнадцать лѣтъ смотрятъ стариками, твердятъ, что они знаютъ свѣтъ, испытали людей, видѣли все, настоящее ихъ тяготитъ, прошедшее (у шестнадцатилѣтняго!!!) раздираетъ душу, будущее ужасаетъ своею безбрежною мрачностью и проч. и проч... И всё такія черныя мысли у нихъ оттого, что они не имѣли учителей, подобныхъ пану Кнышевскому съ его субботками, правилами ученія, методою въ преподаваніи пѣнія и всѣмъ и всѣмъ. Святая старина!

Пожалуйте же, что тамъ, на церемоніи, происхо-
панъ халявскій I.

дить. По окончаніи поклоненій и подарковъ, Петрусь тутъ же былъ посаженъ, и рука брадобрѣя, брившаго еще дѣдушку нашего, оголила бороду Петруся, довольно по чернотѣ волосъ замѣтную; батенька съ большимъ чувствомъ смотрѣли на это важное и торжественное дѣйствіе, а маменька пугались всякаго движенія бритвы, боясь, чтобы брадобрѣй, по неосторожности, не перерѣзалъ горла Петрусю, и только все ахали.

Когда кончилось дѣйствіе (долженъ объявить, что усы у Петруся, по тогдашнему обыкновенію, не были выбриты), тогда батенька попотчивали изъ своихъ рукъ брадобрѣя и Петруся, которому приказали выпить свою рюмку, сказавъ: «ты теперь совершенный мужъ, и тебѣ разрѣшается на вся». Потомъ былъ обѣдъ праздничный и послѣ него лакомства разныхъ сортовъ.

Панъ Кнышевскій, въ числѣ прочихъ дѣтей, имѣлъ дочь, достигшую пятнадцатилѣтняго возраста. Увидѣвъ, что Петрусь, оголивъ свою бороду, началъ обращеніе свое съ нею, какъ совершенный мужъ, коему, по словамъ батеньки, разрѣшается на вся, онъ началъ ее держать почти взаперти во все то время, пока панычи были въ школѣ, слѣдовательно весь день; а на ночь онъ запиралъ ее въ комнатъ и бдѣлъ, чтобы никто не обезпокоилъ ее ночью порою. Затворница крѣпко тосковала и при случаѣ успѣла шепнуть, что она рада бы избѣгать отъ такого стѣсненія. Немедленно приступлено къ дѣлу.

Вечеромъ нѣсколько школярей по одному назва-

нію, а вовсе не хотѣвшихъ учиться, не слушая и не уважая пана Кнышевскаго, тутъ собрались къ нему и со всею скромностью просили усладить ихъ своимъ чтеніемъ. Восхищенный возможностью блеснуть своимъ талантомъ въ сладкозвучномъ чтеніи и краснорѣчивомъ изъясненіи неудобопонимаемаго, панъ Кнышевскій усѣлся въ почетномъ углу и разложилъ книгу; вмѣсто каганца, даже самую свѣчу засвѣтилъ и, усадивъ насъ кругомъ себя, подтвердивъ слушать внимательно, началъ чтеніе.

На третій страницѣ я отпросился выйти. Не успѣвъ выйти изъ сѣней, я началъ кричать необыкновеннымъ голосомъ: «собака, собака! ратуйте... собака!..»

Панъ Кнышевскій первый бросился ко мнѣ на помощь; но лишь только онъ выскочилъ изъ сѣней, какъ собака бросилась на него, начала рвать его за платье, свалила на землю, хватала за пальцы и лижала его по лицу.

Панъ Кнышевскій кричалъ не своимъ голосомъ. Всѣ школяры высыпали изъ хаты, закричали на собаку, которая, отбѣжавъ и никого не трогая, смотрѣла съ угла на происходящее. Не пораненнаго нигдѣ, но болѣе перепуганнаго, пана Кнышевскаго втащили мы въ хату и, осмотрѣвъ, единогласно закричали, что это бѣшеная собака, которая, если не покусала его, то уже навѣрное заразила его. Панъ Кнышевскій задрожалъ всѣмъ тѣломъ, а школяры начали кричать: «бѣситя, панъ Тимоѳей бѣситя, давайте воды, попробовать». Мы, не выпуская его изъ рукъ, приготовлялись обдать водою, а онъ кри-

чалъ ужасно, даже ревъль. Тутъ мы больше принялись утверждать, что «панъ Тимоетей бѣсится».

— Чада моя! спасите меня, — началъ онъ просить насъ умоляющимъ голосомъ, и мы признали за необходимое связать ему руки и ноги и, такъ отнеся его въ пустую школу, тамъ запереть его. Трепеща всѣмъ тѣломъ и со слезами, онъ согласился и былъ заключенъ въ школъ, коей дверь снаружи заперли крѣпко.

— Θεодосію!.. Θεодосію!.. — началъ кричать панъ Кнышевскій изъ своего заключенія, вспоминая про дочь свою. — Θεодосію спасите! Да идетъ она на пребываніе къ пономаркѣ Дрыгалыхъ, дондеже перебѣшуся.

Но мы, увѣривъ бѣснующагося, что дочь его при первой суматохѣ побѣжала звать знахарку, тѣмъ успокоили его.

Братъ Петрусь, какъ расположившій всѣмъ этимъ происшествіемъ, торжествовалъ побѣду... А Павлусь, какъ отличный художникъ, бывъ наряженъ и дѣйствуя собакою и такъ сильно пугавши пана Кнышевскаго, теперь переряживался въ знахарку.

Когда все кончилось и Павлусь также былъ готовъ, то Петрусь пошелъ съ нами къ заключенному. Θεодосія, смущенная, разстроенная, дрожащими руками несла передъ нами свѣчу.

Знахарка вошла, шептала надъ страждущимъ, плевала, лизала его, умывала и, намѣшавъ толченаго угля съ водою, дала ему выпить эту воду, все продолжая шептать. Всѣ мы увѣряли, что съ больного какъ рукою снято бѣшенство, и мы выпустили его.

Горбунчикъ Павлусь прекрасно сыгралъ свои роли: былъ настоящею собакою, ворчалъ, лаялъ, вылъ и тормозилъ пана Кнышевскаго, вотъ-таки какъ истинная собака. Знахарку онъ также представилъ весьма натурально: поговорки, приговорки, хрипчивый голосъ, удушливый кашель—все, все было очень хорошо. Недурно и Петрусь сыгралъ свою ролю, даже весьма успѣшно; и это ему такъ понравилось, что онъ затѣялъ повторить эту комедію и на слѣдующій вечеръ.

Вечеромъ, когда мы успѣлись опять слушать чтеніе пана Кнышевскаго, и когда онъ со всѣмъ успіемъ выражалъ читаемое, Θεодосія изъ комнаты, гдѣ она запираема была отцомъ своимъ, закричала:

— Ахъ, мнѣ лихо! Посмотрите, панычи, чуть ли не бѣсится мой панъ отецъ?

— Ахъ, такъ и есть, такъ и есть! — началъ кричать Петрусь, а за нимъ и всѣ мы кричали: «бѣсится панъ Кнышевскій, бѣсится!»

— Верите же меня паки, — простоналъ несчастный, — свяжите вервиемъ и предайте заключенію во тьму кромѣшную...

Мы его честно связали и поволокли въ школу. Онъ оттуда кричалъ дочери:

— Θεодосіе! по-вчерашнему...

— И безъ васъ знаю, — отвѣчала она, поспѣвая въ комнату.

— Пригласите волшебницу спѣшиѣ! — вопилъ дьячокъ.

Въ свое время знахарка явилась и освободила пана Кнышевскаго отъ бѣшенства. Онъ самъ созна-

вался, что въ сей разъ бѣшенство овладѣло имъ мѣне, нежели вчерашній день.

Панъ Кнышевскій охотно давалъ себя связывать, и мы увѣрены были, что онъ безъ воровбы съ мѣста не подвинется, а потому день ото дня безпечнѣе были насчетъ его: слабо связывали ему руки и почти не запирали школы, введя его туда.

Эти комическія интермедіи съ паномъ Кнышевскимъ повторялись довольно часто. Въ одинъ такой вечеръ нашъ художникъ Павлусъ, отъ небрежности, какъ-то лѣнливо убирался знахаркою и выскочилъ съ нами на улицу ради какой-то новой проказы. Пану Кнышевскому показалось скучно лежать; онъ привсталъ и, не чувствуя въ себѣ никакихъ признаковъ бѣшенства, освободилъ свои руки, свободно разрушилъ заклепы школы и тихо, чрезъ хату, вошелъ въ комнату.

Тутъ онъ въ самомъ дѣлѣ взбѣсился и «возрыкалъ, аки вепрь дикій», какъ самъ послѣ рассказывалъ. Виновный пробѣжалъ мимо его, за ворота, на улицу... Не понимая, въ чемъ дѣло, мы также пустились «во всѣ лопатки» за Петрусемъ домой!

На другой день очень рано панъ Кнышевскій явился къ батюшкѣ съ жалобой на всѣхъ насъ.

— Помилуйте, вельможный пане подпрапорный! — вопилъ панъ Кнышевскій, и просилъ и требовалъ удовлетворенія, при чемъ рассказалъ весь ходъ интриги нашей и всѣ дѣйствія изъяснилъ со всею подробностью.

Батенька такъ и покатились отъ смѣху и съ удивленіемъ восклицали:

— Что за умная голова у этого Петруся! Что за смѣлая бестія этотъ Петрусь! Мнѣ бы и во сто годовъ такъ не выдумать. Это удивленіе, а не хлопецъ.

Когда же панъ Кнышевскій умолялъ и требовалъ возмездія за поруганіе, то батенька сказали ему:

— Да чего ты, пане Кнышевскій, такъ турбуешься (хлопочешь)? Что дитя такъ пошало, а ты уже и за дѣло считаешь.

— Истина глаголетъ устами вашими, вельможный пане подпрапорный! — сказалъ панъ Кнышевскій, прижавъ руки къ груди и возведя очеса свои горѣ. — Но иначе... послѣдствіе...

— Будетъ еще время толковать объ этомъ, пане Кнышевскій, а теперь иди съ миромъ. Станешь жаловаться, то, кромѣ сраму и вѣчнаго себѣ безчестья, ничего не получишь; а я, за порицаніе чести рода моего, уничтожу тебя и сотру съ лица земли. Иди же, возьми, когда хочешь, мѣшокъ гречишной муки на галушки и не рассказывай никому о панычевой шалости. Себя только осрамишь.

Панъ Кнышевскій, поклонясь, пошелъ и, не отказавшись отъ муки, принесъ ее домой, а происшествіе передалъ вѣчному молчанію, а Θεодосія и по-давно никому не открывала.

И хорошо сдѣлалъ панъ Кнышевскій, что замолчалъ. Онъ ничего бы не выигралъ противъ батеньки, а только раздражилъ бы ихъ. Хотя они были не больше какъ подпрапорные, но, оставляя титулъ, по своему богатству, были очень сильны и важны. Но какъ были нравны, такъ это ужасъ! Всѣ ихъ тре-

петали, а они ни о комъ и не думали. Не приведи Господи взойти на нашу землю хотя курицѣ господской — въ прахъ разорять владѣльца ея; а если вздумаетъ поспорить или упрекать, такъ и тѣлесно надъ нимъ наругаются, а сами и въ усъ себѣ не дуютъ. И панъ полковникъ-таки всегда за батеньку руку тянулъ, помня отличные его банкеты и другого рода уваженія.

Такъ куда же было пану Кнышевскому подумать тягаться съ батенькою, такъ ужаснымъ и чтимымъ не только всею полковою старшиною, но и самимъ ясновельможнымъ паномъ полковникомъ? Гдѣ бы и какъ онъ ни повелъ дѣло, все бы дошло до разсудительности пана полковника, который одинъ рѣшалъ всѣ и всякаго рода дѣла. Могъ ли выиграть ничтожный дьячокъ противъ батеньки, который былъ «панъ на всю губу»? И потому онъ бросилъ все дѣло, униженно прося батеньку, чтобы уже ни одинъ панычъ не ходилъ къ нему въ школу.

Батенька, топнувъ ногою, прикрикнули не него:

— Вотъ глупый дьякъ, умствуешь изъ-за своей дрянной дочки! Самъ не знаетъ уже, чему учить, да и находитъ пустую причину къ отъезду. Взоръ! Меньшіе хлопцы: Сидорюшка, Офремюшка и Егорюшка должны у тебя учиться по договору, а старшихъ трехъ ты не умѣешь чему учить.

Въ таковыхъ батенькиныхъ словахъ заключалась хитрость. Имъ самимъ не хотѣлось, чтобы мы, послѣ давишняго, ходили въ школу; но, желая предъ паномъ Кнышевскимъ удержать свой «гоноръ», что якобы они объ этой исторіи много думаютъ — это

бы унизило ихъ — и потому сказали, что намъ нечему у него учиться. Дабы же мы не были въ праздности и не оставались безъ ученія, то они поѣхали въ городъ и въ училищѣ испросили себѣ «на кондиціи» нѣкоего Игнатія Галушкинскаго, славимаго за свою ученость и за способность передавать ее другимъ.

Маменька крѣпко поморщилась, увидѣвъ привезеннаго «нахлѣбника, дѣтскаго мучителя и приводчика къ шалостямъ».

— Хотя у него и нѣтъ дочки, — такъ говорили онѣ съ духомъ какого-то предвѣденія, — но онъ найдетъ, чѣмъ развратить дѣтей еще горше, нежели тотъ цапъ (такъ маменька всегда называли дьяка за козлиный голосъ). А за сколько вы, Миронъ Осиповичъ, договорили его? — спрашивали онѣ у батеньки, смотря изъ-подлобья.

— Столь вмѣстѣ съ нами всегда, — рассказывали батенька, однакожъ вполголоса, потому что сами видѣли, что проторговались, дорогонько назначили, — столь съ нами, кромѣ банкетовъ: тогда онъ обѣдаетъ съ шляхтою; жить въ панычевской; для постели войлокъ и подушка. Въ зимніе вечера одна свѣча на три дня. Въ мѣсяцъ разъ позволеніе проѣздить на таратайкѣ къ знакомымъ священникамъ, не далѣе семи верстъ. Съ моихъ плечъ черкеска, какава бы ни была, и по пяти рублей отъ хлопца, т. е. пятнадцать рублей въ годъ.

— Такъ онъ уже за эту цѣну выучитъ дѣтей всѣмъ на свѣтѣ наукамъ? — спросили маменька хитро и укорительно противъ оплошности батенькиной въ высокой цѣнѣ.

— Какимъ же всѣмъ наукамъ? — говорили батенька, смотря въ окно, чтобъ скрыть свой маленькій стыдъ. — Россійскому чтенію, церковной и гражданской печати, писанію и разумѣнію по-латыни...

— И по-латыни! — вскрикнули маменька удивленно-жалкимъ голосомъ. — То были простые, а теперь будутъ латынскіе дурни!..

— Ну те же полно, — сказали батенька, возвышая голосъ, — не давайте воли языку. Вы знаете меня. Идите себѣ къ своему дѣлу.

И точно, маменька очень хорошо знали батенькину комплекцію, и потому поспѣшили убраться въ свою опочивальню, гдѣ наговорились вволю, осуждая батенькины распоряженія о насъ, но все, по обычаю, тихо, чтобъ никто не слышалъ. Потомъ, волею или неволею, а помѣстили пана Галушкинскаго въ панычевской.

Новое ученье наше началось 1-го сентября. Мы принялись прямо читать по-латыни. Инспекторъ нашъ, Галушкинскій, объявилъ, что онъ, не имѣя букварей латынскихъ, которыхъ батенька, поспѣшая выѣздомъ изъ города, позабыли куиить, не имѣетъ по чемъ научить насъ азбукѣ и складамъ латынскимъ, то и началъ насъ учить прямо читать за нимъ по верхамъ. Не понимая отчего и почему, указывая на слово, мы должны были непременно говорить manus, pater и проч. На вопросъ объ этомъ Петруся, какъ весьма любознательнаго, инспекторъ всегда отвѣчалъ:

— Того требуетъ наука. Не ваше дѣло разсуждать.

Петрусь, по своему необыкновенному уму, въ чемъ не только прежде панъ Кнышевскій, но уже и панъ Галушкинскій, прошедшій риторическій классъ, сознавался, равно и Павлуся, по дару къ художествамъ, мигомъ выучивали свои уроки; а я, за слабую памятью, не шель никакъ вдаль. Да и самъ горбунчикъ Павлуся, выговаривая слова бойко, указывалъ пальцемъ совсѣмъ на другое слово.

Къ удивленію и обрадованію батенькиному, — маменька же всегда, когда доходило до нашего ученья, замахивали руками и уходили прочь, — въ первое воскресенье инспекторъ привелъ насъ къ батенькѣ и заставилъ читать, «что мы выучили за недѣлю». Молодцы принялись отлепетывать бойко, громко, звонко, съ разстановкою, руки вытянувъ впередъ себя, глаза уставивъ въ потолокъ (домине Галушкинскій, кромѣ наукъ, взялся преподавать намъ свѣтскую ловкость или «политичное обращеніе») и съ акцентами по своему произволію: «патеръ ностеръ кви эсть инъ цѣлись» — и проч. до половины.

Горбунчикъ Павлуся, какъ отрокъ избобрѣтательнаго ума, самыя слова выговаривалъ по своему произволію, на примѣръ, est in coelis, онъ произносилъ «ѣсть нацѣлился» и проч.

Батенька, слушая ихъ, были въ восторгѣ и немного всплакнули; когда же спросили меня, что я знаю, то я все называлъ на изворотъ: manus хлѣбъ, pater зубы, за что и получилъ отъ батеньки въ голову щелчокъ, а старшихъ братьевъ они погладили по головкѣ, учителю же изъ своихъ рукъ поднесли «ганусковой» водки.

Маменька же, увидѣвши, что я не отличился въ знаніи иностраннаго языка и еще оштрафованъ родительскимъ шелчкомъ, впрочемъ весьма чувствительнымъ, отъ котораго у меня въ три ручья покатились слезы, маменька завела меня тихонько въ кладовую и — то-то материнское сердце! — накормили меня разными сладостями и, приголубливая меня, говорили:

— Хорошо дѣлаешь, Трушко, не учишь ихъ наукамъ. Дай Богъ и съ одною наукою ужиться, а они еще и другую вбиваютъ дитяти въ голову.

Такимъ побытомъ, инспекторъ нашъ, доминe Галушкинскій, ободренный милостивымъ вниманіемъ батенькинымъ, пустился преподавать намъ свои глубокія познанія вдаль — и своимъ особымъ методамъ. Ни я, ни Петруся, ни Павлуся не обязаны были, что называется, учиться чему, или выучивать что, а должны были перенимать все изъ словъ многознающаго наставника нашего и сохранять это все, по его выраженію, «какъ бублики въ узелъ навязанные, чтобы, ни одинъ не выпавъ, былъ годенъ къ употребленію».

Хорошо было братьямъ: имъ все удавалось. Петруся, какъ необыкновенно остраго ума человѣкъ, все преподаваемое ему поглощалъ и даже закидывалъ впередъ учительскихъ изъясненій. Доминe Галушкинскій изъяснялъ, что, вытвердивъ грамматику, должно будетъ твердить шитику. Любознательный Петруся даже не усидѣлъ на мѣстѣ и съ большимъ любопытствомъ спросилъ:

— А чему учить шитика?

Доминe Галушкинскій погрузился въ размышленія и, надумавшись и кашлянувши нѣсколько разъ, сказалъ рѣшительно:

— Видите ли, грамматика сама по себѣ, и она есть грамматика; а шитика сама по себѣ, и она уже есть шитика, а отнюдь не грамматика. Поняли ли? — спросилъ онъ, возвыся голосъ и поглядѣвъ на насъ съ самодовольствомъ.

— Поняли! — вскрикнулъ я за всѣхъ и прежде всѣхъ, потому что и тогда не любилъ и теперь насмерть не люблю разсужденій объ ученыхъ предметахъ и всегда стараюсь рѣшительнымъ словомъ пресѣчь глубокомысленную матерію. Вотъ почему я и поспѣшилъ крикнуть «поняли», хотя, ей-Богу, ничего не понялъ тогда и теперь не понимаю. Видно, такая моя комплекція.

Въ другой разъ Петруся, принявшись умствовать, находилъ въ грамматикѣ неполноту и полагалъ, что нужно добавить еще одну часть рѣчи.

— Брань, — такъ онъ витійствовалъ и принялся въ примѣрахъ высчитывать всѣ возможные брани и ругательства, нарицательныя и пожелательныя, знаемыя имъ во всѣхъ родахъ, свойствахъ и оборотахъ, и спрашивалъ: — къ какой части рѣчи это принадлежитъ? Оно-де ни имя, ни мѣстоименіе, ни предлогъ и даже не междометіе, слѣдовательно, особая часть рѣчи должна быть прибавлена.

Я желалъ, чтобы вы взглянули тогда на нашего инспектора. Недоумѣніе, удивленіе, восторгъ, что его ученикъ такъ глубоко разсуждаетъ, все это ясно,

какъ на вывѣскѣ у портного въ Пирятинѣ всѣ его предметы, къ мастерству относящіеся, было изображено. Когда первое изумленіе его прошло, тутъ онъ чмокнулъ губами и произнесъ, вскинувъ голову немного кверху: «Ну!» Это ничтожное «ну» означало: «ну, ростеть голова!» И справедливо было заключеніе домина! Во всемъ Петруся преуспѣлъ; жаль только, что не сочинилъ своей грамматики!

Павлуся, какъ малый художественный, изобрѣтательнаго ума, отдѣлывался прежде всѣхъ. Какую бы ни дали ему задачу, изъ грамматики ли или изъ ариѳметики, онъ мигомъ, не думавши, подишетъ такъ, ни се ни то, а чортъ знаетъ что, вздоръ, какой только въ голову придетъ. Подмахнулъ, скорѣе со скамейки, съ панычевской, уже на улицѣ у ожидающихъ его мальчишекъ... и дуетъ себѣ въ скрагли, въ свайку и ѣздитъ торжественно да побѣжденныхъ. Задачу же, ему данную, домине Галушкинскій самъ потѣетъ и рѣшаетъ. Сначала пробовалъ его возвратить и заставить исправить упущеніе; куда! и не говори ему о томъ.

Со мною домину Галушкинскому было тяжело, потому что я не выучивалъ своихъ уроковъ и не требовалъ у него объясненій ни на что. Я находилъ, что во мнѣ есть какая-то благородная амбиція, внушающая мнѣ ничего ни у кого не искать, чтобы не быть никому обязану. И такъ, всѣ мои сомнѣнія въ наукахъ и ученыхъ предметахъ я, по комплекціи моей, разрѣшалъ и доходилъ самъ. Напримѣръ, для меня казалось странно, къ чему такъ говорить, чтобы понимали мною говоримое? Писать, не какъ

мысль идетъ, а подкладываетъ слово къ слову, какъ куски жаренаго гуся на блюдо, чтобы все было у мѣста, дѣлало видъ и понятно было для другого? По-моему: говорю ли я, пишу ли — все для себя. Отзвонилъ, да и съ колокольни прочь: пусть другіе разбираютъ, о чемъ звонъ былъ, за здравье или за упокой? Такъ и тутъ: выговорилъ все, что на душѣ, выписалъ все, что на умѣ, и баста! Разбирай другою, что къ чему, а я вдвойнѣ не обязанъ трудиться, чтобы писать или говорить и при томъ еще думать. Эту задачу, повѣрьте мнѣ, я рѣшилъ безъ помощи домина Галушкинскаго самъ и не учась многому. Въмѣстѣ съ прочими науками одна честь была у меня и пресловутой ариѳметикѣ, которую, домине Галушкинскій увѣрялъ, что сочинилъ какой-то китаецъ Пиеагоръ, фамиліи не припомню. Еслибы, говорить, онъ не изобрѣлъ таблицы умноженія, то люди и до сихъ поръ не знали бы, что $2 \times 2 = 4$. Конечно, домине Галушкинскій говорилъ по-ученому, какъ учившійся въ высшихъ школахъ, а я молчалъ, да думалъ: къ чему трудился этотъ панъ Пиеагоръ? Къ чему сочинялъ эти таблицы, надъ которыми мучились, мучатся и будутъ мучиться до вѣку всѣ дѣти челоуѣческаго племени, когда можно вѣриѣе разсчитать деньги въ натурѣ, раскладывая кучками на столѣ? Давайте мнѣ и всякую науку, я докажу, что можно жить безъ нихъ, быть покойну, а потому и счастливу.

Домине Галушкинскій, видно, былъ противнаго со мною мнѣнія: онъ, противъ воли нашей, хотѣлъ сдѣлать насъ умными, да ба! маменька прекрасно ему

доказывали, что онъ напрасно трудится. Онъ ему всегда говорили: «лиха матери дождешься, чтобъ съ моихъ сыновей быть хотя одинъ ученый» и при этомъ, бывало, сложать шишъ, вертять его, вертять и тычуть ему къ носу, прицмокивая. О! маменька ему ни въ чемъ не спускали, — разумѣется, безъ бытности батеньки: а то бы...

Домине Галушкинскій, злясь въ душѣ, и примется за свои предметы; всѣ мѣры употребляетъ, чтобы вбить намъ науки, такъ куда же! братья отъ нападковъ домина инспектора отдѣлывались собственными силами и сами тузили людей, призванныхъ «для сдѣланія положенія». А домине Галушкинскій побѣситя-побѣситя, да и отстанетъ и батенькѣ не скажетъ, потому что онъ замѣтилъ, когда жалуется на братьевъ, то батенька и на него сердятся, а когда хвалилъ за успѣхи, такъ батенька поднесутъ «ганусковой» водки. Такъ онъ и давай все хвалить. Мнѣ же этого рода методъ не былъ полезенъ. Первоначально еще, маменька съ Галушкинскимъ заключили тайный «аллиансъ», чтобы за меня за лѣность и тупость кричать и жаловаться, но отнюдь не наказывать, и за всякое снисхожденіе обѣщано отъ маменьки Галушкинскому какое-то награжденіе изъ сѣддомаго. Такъ домине инспекторъ для пріобрѣтенія себѣ водки и закуски всегда братьевъ хвалилъ, а меня порицалъ. Хитрый-хитрый человекъ, а и въ Петербургѣ не былъ. И что же? онъ пожалуется, и его уконтентуютъ, а мнѣ батенька дадутъ тутъ же щипки, и я плачу, но тутъ же прислушиваюсь, не звенятъ ли маменькины ключи у

тенька меня бранять или пощелкаютъ, тутъ онъ съ лакомствами, и примутся утѣшать меня, приговаривая:

— Пускай батенька твой сердится. Ты, Трушко, не унывай, не вдавайся въ ихъ слова. И батенька твой ничему не учился, а, право, въ десять разъ умнѣе всѣхъ инспекторовъ.

И правда ихъ была.

Но... оставимъ ученые предметы. Домине Галушкинскій и внѣ ученія былъ противъ насъ важенъ съ строгостью. По вечерамъ, ни съ собою не бралъ «въ проходку», ни самимъ не позволялъ отлучаться и приказывалъ сидѣть въ панычевской смирно до его прихода. Куда же онъ ходилъ — мы не знали.

Мнѣ это правилось. Моя комплекція вела меня къ уединенію и я, тотчасъ послѣ ученія, добирался къ своимъ, днемъ отъ маменьки полученнымъ и старательно спрятаннымъ лакомствамъ, съѣдалъ ихъ поспѣшно и, управившись до-чиста, тутъ же засыпалъ въ ожиданіи желаемого ужина. Братьямъ же моимъ такое принужденіе было несносно. На бѣду ихъ, батенька очень не любила, чтобы дѣти безъ призыва приходили въ домъ, а потому и прогоняли насъ оттуда. Маменька же ради были всякому принужденію, братьямъ дѣлаемому, и все ожидали, что батенька потеряютъ терпѣніе и отпустятъ инспектора, который, по ихъ расчету, не дешево приходился. Въ самомъ дѣлѣ, какъ посудить: корми его загосподскимъ столомъ, тутъ лишній кусокъ хлѣба, лишняя ложка борщу, каши — и всего болѣе обыкновеннаго; а все это, маменька говаривали, въ хозяй-

ствѣ дѣлаеть счетъ, какъ и лишняя кружка грушеваго квасу, лишняя свѣча, лишнее... да таки и все лишнее, кромѣ уже денегъ — а за что?.. тфу! При этомъ маменька всегда плевали въ ту сторону, гдѣ въ то время могъ находиться доmine Галушкинскій.

Притомъ же онъ, какъ ученый, не зналъ вовсе политики. Бывало, когда съѣсть порцію борщу, — а маменька, бывало, накладывають ему полнехонькую тарелку, — то онъ, до чиста убравъ, еще подноситъ къ маменькѣ тарелку и просить: «усугубите милости». Спора нѣтъ, что маменька любили, чтобы за обѣдомъ всё ѣли побольше и, бывало, приговаривають:

— Ужъ наварено, такъ ѣшьте; не собакамъ же выкидывать. — Но все же доmine Галушкинскій поступалъ противъ политики.

И въ какіе же дураки онъ попался въ одинъ день! Надобно знать, что у насъ къ обѣду готовился одинъ день борщъ, а въ другой день супъ, чтобы не прискучило. Въ суповой день принесли къ столу свѣжей рыбы и раковъ. Маменька пожелали рыбнаго борщу и приказали изготвить. Кухарка, зная порядокъ, изготвила, какъ требовала очередь, и супъ съ лапшею и гусемъ. Изъ раковъ же, какъ ихъ было немного, сами приготвили ботвинье, называвшееся у насъ «холодецъ», котораго, по малому числу раковъ, едва достаточно было на двѣ порціи, батенькѣ и маменькѣ. Маменька имѣли привычку раздать всёму горячее, а потомъ уже принимались кушать сами, чтобы ничто ихъ не развлекало. Какъ же онъ иностранныхъ языковъ не знали, то и не могли выго-

варивать «домине», равно, не любя распространяться вдаль, Галушкинскаго сокращали просто въ «Галушку», и потому безъ «домине» звали его просто: Галушка, да и Галушка, и больше ничего. Хорошо. Вотъ мы сѣли за столъ; маменька, оставивъ въ сторону для себя и батеньки «холодецъ», начали раздавать горячее, спрашивая, кто чего хочетъ, супу или борщу? Вопросъ очень натуральный, когда есть супъ и борщъ, потому всякій изъ насъ отвѣчалъ по желанію. Дошла очередь до инспектора. Маменька спросила его:

— А ты, Галушка, чего хочешь: борщу или супу?

Доmine, съ ослабленнымъ лицомъ, произнесъ, не обинуясь:

— И борщика, и супцу, а коль можно, то и холодцю пожалуйте мнѣ, вельможна пани!

Боже мой! тутъ надобно было видѣть маменьку! Онѣ всё побагровѣли, и тутъ же, отложивъ тарелки, какъ сложили двойные шиши на обѣихъ рукахъ, да какъ завертять, минутъ пять вертѣли, а потомъ цмокнули и ткнули ему шиши къ носу, промолвивъ:

— А заськи не хочешь! Видишь, какой ласый до холодцю? Нѣтъ же тебѣ ничего!

Напекъ же раковъ доmine Галушкинскій, т. е., просто говоря, покраснѣлъ, какъ сукно и, не имѣя духу, стыда ради, на кого либо взглянуть, просидѣлъ весь столъ опустивши голову и не ѣлъ ничего. Вотъ тебѣ и полакомился «холодцемъ»!

Но это все посторонняя матерія и сказано только кстати; обратимся къ настоящему предмету.

Художественный Павлуся, а потомъ и Петруся,

чрезъ отличный свой разумъ, замѣтили, что реверендissime доmine Галушкинскій каждую ночь, въ полномъ одѣяніи, а иногда даже выбрившись, выходитъ тайнымъ образомъ изъ дома и возвращается уже на разсвѣтѣ. Въ одну ночь братъ-художникъ тихонько пустился по слѣдамъ его и открылъ, что нашъ велемудрый философъ «открылъ путь къ храму радостей и тамъ приносить жертвы различнымъ божествамъ», это такъ говорится ученымъ языкомъ, а просто сказать, что онъ еженочно ходилъ на вечерницы и веселился тамъ до свѣта, не дѣлая участниками въ радостяхъ учениковъ своихъ, изъ коихъ Петруся, какъ необыкновеннаго ума, во многомъ могъ бы войти съ нимъ въ соперничество. Отъ такого поступка самолюбіе братьевъ моихъ-крѣпко было пощекочено. Какъ? послѣ того, когда Петруся, повнушенію домашнихъ лакеевъ, располагалъ было «любопытства ради» проходиться на вечерницы и доmine Галушкинскій удержалъ, не пустилъ и изрекъ предлинное увѣщаніе, что таковая забава особамъ изъ шляхетства неудобно приличная, а кольми паче людямъ, вдавшимся въ науки, и что таковая забава тупитъ умъ и истребляетъ память, — послѣ всего этого, «самъ онъ изволить шваньдять (такъ выражался братъ), а мы сиди дома, какъ мальчики, какъ дѣти, не понимающія ничего? Такъ докажемъ же, что мы знаемъ и понимаемъ все и даже можемъ оставлять другихъ съ дѣтьми, а сами гулять по своей волѣ. Идемъ за нимъ на вечерницы». Они собрались, пошли, взявъ и меня съ собою для того, чтобы всему нашему ученому обществу равно пить

изъ одной чаши радостей или, въ противномъ случаѣ, отвѣчать.

Войдя въ хату одной изъ вдовыхъ казачекъ, у коихъ обыкновенно собираются вечерницы, мы увидѣли множество дѣвокъ, сидящихъ за столомъ; гребни съ пряжею подлѣ нихъ; но веретена валялись по землѣ, какъ и прочія работы, принесенныя ими изъ домовъ, преспокойно лежали по угламъ; никто и не думалъ о нихъ, а дѣвки или играли въ дурачки или балагурили съ парубками, которые тутъ же собирались также во множествѣ; нѣкоторые изъ нихъ курили трубки, болтали, рассказывали и тому подобно пріятнымъ образомъ проводили время.

Надъ всѣми ими законодательствовалъ нашъ реверендissime Галушкинскій, котораго и величали «скубентъ» (испорченнаго студентъ), потому что онъ былъ въ бекешѣ и курилъ табакъ изъ коренковой трубки.

О! какъ изумился онъ, увидя воспитываемое имъ юношество, пришедшее насладиться удовольствіями, о которыхъ онъ запрещалъ имъ и мыслить!.. Тайные подвиги его открыты!.. Когда мы вошли, онъ, съ одною дѣвкою, пѣлъ пѣсню: «Зелененькій барвиночку»... и остановился на полусловѣ... Пришедъ въ себя, началъ кричать и прогонять насъ домой. Но братъ Петруся, имѣвшій отважный духъ и геройскую смѣлость, неустрашимо сталъ противъ него и объявилъ, что если онъ и пойдетъ, то пойдетъ прямо къ батенькѣ и сей же часъ расскажетъ, гдѣ находится и въ чемъ упражняется наставникъ нашъ.

Домине Галушкинскій опѣшилъ и не зналъ, чѣмъ рѣшить такую многосложную задачу, какъ сидѣвшая подлѣ него дѣвка, внимательно осмотрѣвъ Петруся, первая подала голосъ, что паньчи могутъ остаться, и что если ему, инспектору, хочется гулять, то и паньчамъ также, «потому что и у нихъ такая же уша». Прочія дѣвки подтвердили тоже, а за ними и парубки, изъ коихъ нѣкоторые были изъ крестьянъ батенькиныхъ, такъ и были къ намъ почтительны; а были и изъ казаковъ, живущихъ въ томъ же селѣ, какъ это у насъ вездѣ водится.

— Вашицы должны благодарить Малашкѣ, — сказалъ наставникъ нашъ, указывая на свою пару, — ея логика убѣдила меня. Но не смѣйте сообщать родителямъ вашимъ.

Братья побожились въ томъ и присоединились къ обществу...

— Что же входнаго отъ васъ? — вскрикнулъ одинъ парень и выступилъ противъ насъ. — Я здѣсь есть атаманъ и смотрю за порядкомъ. Вновь вступающій парубокъ, хоть вы же и паньчи, а все же парубки, долженъ внести входное.

Братъ-горбунъ, раскинувъ все въ широкомъ умѣ своемъ, тотчасъ вызвалъ требуемое поставить — и вышелъ. Вскорѣ возвратился онъ и, къ удивленію инспектора и Петруся, принесъ три курицы, полхлѣба и полонъ сапогъ пшеничной муки. Все это онъ, по художеству своему, секретно набралъ у ближнихъ спавшихъ сосѣдей; какъ же не во что было ему взять муки, такъ онъ — изобрѣтательный умъ! — разулся и полонъ сапогъ набралъ ее. Всѣ эти

припасы отданы были стряпухѣ, готовившей ужинъ на все общество.

Павлуся исполнилъ требуемое правилами. Теперь Петрусь долженъ былъ поставить горѣлки. Денегъ у него не было. Изобрѣтательный умъ Павлуся отъказался удовлетворить въ семь по той причинѣ, что къ шинкарю трудно войти секретно, а явно не съ чѣмъ было. Все пришло въ смятеніе, но великодушный наставникъ нашъ его исправилъ, предложивъ для такой необходимости собственныя свои деньги, сказавъ Петрусю:

— Постарайтесь, вашицы, поскорѣ мнѣ ихъ возвратить, прибѣгая къ хитростямъ и выпрашивая у пани подпрапорной, маменьки вашей, но не открывая какъ, что, гдѣ и для чего, но употребляя одинъ лаконизмъ; если же не удастся выманить, то подстерегите, когда ихъ сундучекъ будетъ не запертъ, да и... что же? это ничего. Нужда измѣняетъ законъ.

За такое мудрое наставленіе, послужившее много Петрусю и намъ въ пользу при разныхъ случаяхъ, братъ благодарилъ реверендиссима.

Получивъ деньги, Павлуся, по усердію своему, побѣждалъ въ шинокъ и скоро возвратился съ горѣлкою. Пошла гульня. Чтобы доставить и мнѣ среди общества занятіе, пріятное другимъ, наставникъ принялся пѣть со мною псалмы, чѣмъ мы усладили бесѣду до того, что и дѣвки затянули свои пѣсни, парубки къ нимъ пристали — и пошла потѣха! Ужинъ нашъ былъ изобильный во всемъ; простота въ обращеніи съ парубками и любезничанье съ дѣвками брата Петруся такъ всѣхъ распо-

ложило къ нему, что тутъ же единогласно онъ былъ избранъ атаманомъ нашихъ вечерницъ, и всѣ, даже самъ почтенный студентъ философіи, доминѣ Галушкінскій, даль торжественную клятву повиноваться всѣмъ распоряженіямъ атамана.

Если сіи строки дойдутъ до могущихъ еще быть въ живыхъ современниковъ моихъ, то, во-первыхъ, они не дадутъ мнѣ солгать, что въ вѣкъ нашей златой старовины все такъ бывало и съ ними, и съ нами, и со всѣми, начиная отъ «воспитанія», т. е. вскормленія (теперь подъ словомъ «воспитаніе» разумѣется другое, совсѣмъ противное), чрезъ все ученіе у пановъ Кнышевскихъ, приключенія въ школы, субботки, Θεодосія, такъ и у доминовъ Галушкінскихъ, даже до хожденія на вечерницы; вездѣ, взявши отъ семейства самаго наияснѣвельможнаго пана гетьмана, до послѣдняго подирапорнаго (не въ батенькѣ рѣчь), вездѣ все такъ было, — конечно, съ измѣненіями, но не съ разительными. А потому они, современники мои, признаютъ, что лестно, точно лестно было для брата Петруся безъ большихъ подвиговъ обратить на себя вниманіе такого общества и отъ всѣхъ приобрести довѣренность. А Петрусь было не болѣе какъ семнадцать лѣтъ! Вотъ что значитъ дарованіе и способности.

Братъ Павлуся, за его способность въ изобрѣтеніи средствъ, ловкость и проворство въ произведеніи ихъ, и все къ общей пользѣ и удовольствію, не оставленъ безъ вниманія, а избранъ ключникомъ нашихъ вечерницъ. Его дѣло было заботиться, какъ онъ знаетъ, чтобы въ ужинѣ у насъ было всего въ

изобиліи. Стряпухи были въ завѣдываніи его. Ему открыто было пространное поле выказывать свои дарованія и искусство. Ужины наши были роскошные: кормленные куры маменькины, яйца, молоко, масло, дрова и проч. — все это было брато у сосѣдей секретно, а изобрѣтательнымъ умомъ брата-горбунчика всѣ слѣды закрыты искусно и ни отъ кого ни одной жалобы не бывало.

Вхожу въ подробности, конечно, излишнія для теперешнихъ молодыхъ людей: они улыбаются и не вѣрятъ моему разсказу, но мои современники ощущаютъ навѣрно одинаковое со мною удовольствіе и извинять мелочи воспоминаній о такой веселой, завидной жизни. Часто гляжу на теперешнихъ молодыхъ людей и съ грустнымъ сердцемъ обращаюсь ко всегдашней мысли моей: «какъ свѣтъ перемѣняется!» Такъ ли они проводятъ свои лучшіе, золотые молодые годы, какъ мы? Куда! Они рабы собственныхъ, ими изобрѣтенныхъ правилъ; они, не живя, отжили; не испытавъ жизни, тяготятся ею; не выдавъ еще въ свой вѣкъ людей, уже удаляются отъ нихъ; не наслаждаясь ничѣмъ, тоскуютъ о быломъ, скучаютъ настоящимъ, съ грустью устремляютъ взоръ въ будущность... Имъ кажется, что вдали, во мракѣ мерцаетъ имъ завѣтная звѣзда, сулитъ что-то неземное, а до того они, какъ засохшіе листья, спавши съ деревъ, носятся вѣтромъ сюда и туда, противъ ихъ цѣли и желаній!.. Такъ ли мы жили? Мы жили и наслаждались, а они не живутъ и грустятъ!.. Ну, да въ сторону ихъ: займемся собою.

Домине Галушкинскій, вмѣсто наставника нашего, сталъ совершенно подчиненъ намъ. Лишь вздумаетъ только заговорить нѣсколько повелительнымъ голосомъ, то мы и начнемъ угрожать, что скажемъ батенькѣ о посѣщеніи вечерницъ, и тогда онъ лишится мѣста, дающаго ему, кромѣ содержанія, пятнадцать рублей въ годъ и череску съ плеча самого батеньки нашего, да еще отпшутъ къ начальству его и онъ лишится «кондиціи» навсегда. Это его останавливало, и онъ далъ намъ совершенную волю во всемъ. Днемъ мы были неотлучно въ паныческой, куда намъ приносили сытные и изобильные завтраки. Мы ихъ уничтожали, курили трубки, слушали разныя повѣсти, рассказываемыя наставникомъ нашимъ о подвигахъ бурсаковъ на вечерницахъ и улицахъ въ городѣ, ночныхъ нападеніяхъ на бакчи и шинки за городомъ, извороты при открытіи и защитѣ товарищей и многое тому подобное. Многое изъ того мы прятали въ память нашу, чтобы воспользоваться при случаѣ. Въ домъ приходили только къ обѣду, челомкались съ батенькою и маменькою, обѣдали, наблюдая скромность и учтивство, преподанное намъ великимъ по сему мужемъ, студентомъ философіи Игнатіемъ Галушкинскимъ. Послѣ обѣда, возвратясь въ панычевскую, мы ложились спать, чтобы быть бодрыми и въ ночь, и потомъ принимались за приготовленія къ наступающимъ вечерницамъ. Отъ движенія, неумѣренной веселости, если мы тогда не могли уснуть, тогда менторъ нашъ давалъ намъ выпить по доброй чаркѣ водки, изъясняя, что она даетъ сонъ, а сонъ

укрѣпляетъ человѣка и даетъ ему силу, сила же человѣку во всякое время и при всякомъ обстоятельстве весьма необходима; «ergo, — приговаривалъ реверендиссима, — водка преползная вещь, и потому не должно уклоняться отъ нея». Намъ это средство нравилось и мы находили въ немъ удовольствіе. Правда, я не долженъ былъ бы пить водки, потому что за молодостью лѣтъ не получилъ еще благословенія брить бороду и разрѣшенія на вся, какъ старшіе братья, но домине принуждалъ меня и приводилъ какой-то латинскій стихъ — не помню уже — въ силу коего всякій, желающій себѣ блага, долженъ непременно пить. Повинуясь латинскимъ мудрецамъ, я пилъ, но немного — голова не могла выносить; братья же, напротивъ, могли пить много и не были хмельны. Такая была счастливая ихъ натура!

И за обѣдомъ, при батенькѣ и маменькѣ, и на вечерницахъ, при стороннихъ людяхъ, въ нашемъ разумномъ обществѣ нужно было намъ иногда передать мысли свои, чтобы другіе не поняли. Какъ тутъ быть? Опытный наставникъ нашъ открылъ намъ таинственный бурсацкій языкъ. Въ одинъ классъ мы поняли его и свободно могли изъясниться на немъ. По моему мнѣнію, это языкъ-отростокъ латинскаго, — труднаго, неудобопонимаемаго, несноснаго языка. И для чего бы не оставить вовсе всѣхъ этихъ иностранныхъ языковъ, за коими какъ хвостъ слѣдуетъ грамматика со своими глупостями? Тутъ же какая легкость и удобство! Вотъ вамъ примѣръ. Въ молодости я твердо зналъ словъ десять латин-

скихъ, понималъ и значеніе ихъ; но теперь—хоть сейчасъ убейте меня—не помню ничего; на томъ же бурсацкомъ я могу и теперь свободно обо всемъ говорить. Прелегкій и презвучный языкъ, достойнѣйшій быть во всеобщемъ употребленіи болѣе, нежели теперь французскій, за выученіе коего французскіе мусы, въ родѣ Галушкинскихъ, берутъ тысячами и морятъ ребенка года три; а этотъ языкъ можно безъ книги понять въ полчаса и—безъ копѣйки. Какая экономія даже и во времени!.. Даже прекрасный полъ съ восторгомъ принялъ бы этотъ языкъ, потому что на немъ можно выражать всѣ тончайшія нѣжности усладительнѣе, нежели на французскомъ; не нужно гнусить, а говорить ярко; при томъ же, какъ пожелается, можно объяснить чувства свои открыто и прикрито... Но, видно, не намъ переучивать людей!..

Въ одинъ обѣдъ, когда домине Галушкинскій управился со второю тарелкою жирнаго съ индѣйскою борщю и прилежно салфеткою, по обычаю, вытиралъ потъ, оросившій его лицо и шею, батенька спросили его:

— А что, каково хлопцы учатся и нѣтъ ли за ними какихъ шалостей?

Тутъ домине, изъ респехта, всталъ, какъ и всегда дѣлывалъ въ подобныхъ случаяхъ, и въ отборныхъ выраженіяхъ объяснялъ всѣ успѣхи наши (о которыхъ мы и во снѣ не видали) и въ конклюденіи (въ заключеніе) сказалъ, что мы «золотые панычи».

Примѣтно было на батенькиномъ лицѣ сердечное

удовольствіе, и они нацѣдили крохотную рюмочку вишневки и подвинули къ инспектору, сказавъ съ принужденнымъ равнодушіемъ: «пей, домине!» Домине Галушкинскій всталъ, почтительно вышилъ и, отблагодаривъ за честь, утерся съ наслажденіемъ и, сѣвъ попрежнему, сказалъ Павлусю:

— Домине Павлуся! Немогентусъ украдентусъ сіеусъ вишнегентусъ для вечернигентусъ?

А братъ безъ запинки и отвѣчалъ:

— Какъ разентусъ, я украдентусъ у маментусъ ключентусъ и нацѣдентусъ изъ погребентусъ бутылентусъ.

Надобно было видѣть, какое дѣйствіе произвелъ этотъ разговоръ на батеньку! Они были умный челоуѣкъ и отмѣнно любили ученость. Каково же было ихъ родительскому, нѣжности къ намъ исполненному сердцу слышать, что дѣти его такъ усовершенствованы въ ученіи, что хотя и при немъ говорятъ, но они не понимаютъ ничего! Чувства его могутъ постигнуть и теперешніе родители, слыша дѣтей, ведущихъ подобнаго содержанія разговоръ на французскомъ языкѣ и также не понимая его ни въ одномъ волосѣ.

Глаза у батеньки засіяли радостью, щеки воспламенились; они взглянули на маменьку такимъ взоромъ, въ коемъ ясно выражался вопросъ: «а что, каково?» Въ первую минуту восторга, уже не нацѣдили, а со всѣмъ усердіемъ палили изъ своей кружки большую рюмку вишневки и, потрепавъ инспектора по плечу, сказали милостиво:

— Пейте, панъ инспекторъ! вы заслужили своими трудами, возясь съ моими хлопцами.

Домине Галушкинскій, какъ слѣдуетъ при полученіи отъ благотворителя какой милости, всталъ, поклонился батенькѣ низко, благодарилъ за лестное ободреніе посильныхъ трудовъ его, съль съ повтореніемъ поклоновъ и усладился выпитіемъ рюмки до дна и заключилъ похвалу сему напитоку риторическою фигурою:

— Таковой напитокъ едва ли и боги на Олимпѣ пьютъ въ праздничные дни.

Съ маменькою же было совсѣмъ противное. Ахъ, какъ онѣ покосились на инспектора, когда онъ заговорилъ на неизвѣстномъ имъ языкѣ, а еще болѣе, когда отвѣчалъ Павлуся. Но когда батенька изъ своей рюмки удѣлили инспектору вишневки, да еще въ большую рюмку, тутъ маменька уже не вытерпѣли, а сказали батенькѣ просто:

— Помилуйте вы меня, Миронъ Осиповичъ! Съ чего вы это взяли такъ разливаться вишневкою? Вѣдь у насъ ея не море, а только три бочки. И за что ему такая благодать сверхъ условленнаго!

— Оекла Зиновьевна! — отвѣчали батенька съ важностью, — не смущайте въ сію минуту моего родительскаго сердца, преисполненнаго радостью. Я въ сей моментъ не только рюмку вишневки, но и цѣлую вселенную отдалъ бы пану инспектору.

НВ. Батенька, при какой либо радости, всегда говорили такимъ возвышеннымъ штилемъ и голосомъ громче обыкновеннаго.

— Вселенную какъ хотите, мнѣ до нея нужды

мало, — отвѣчали маменька, — кому хотите, тому ея и отдайте: не мною нажитое добро; но вишневкою не согласна разливаться. Это дѣло другое.

НВ. Маменька, по тогдашнему времени, были неграмотныя, и потому не могли знать, что никакъ не возможно отдѣлить вишневку отъ вселенной. Да, конечно: куда вы вселенную ни перенесете, а вишневку гдѣ оставите? на чемъ ее утвердите, поставите? Никакъ невозможно.

— Я же только рюмку и налилъ, — сказалъ батенька, — кажется, рюмка вишневки стоитъ радости, какую мы имѣемъ, слыша дѣтей нашихъ говорящими на иностранномъ діалектѣ?

— Подлинно, что иностранный! Никто и не пойметъ его, — сказали съ явнымъ неудовольствіемъ маменька. — И какъ-то сбиваетъ на вечерницы да на украдку. Ужасно слушать!

НВ. Я долго не могъ сообразить, отчего маменька, неграмотныя, а скорѣе, нежели батенька, которые были, напротивъ, умный человекъ и любили ученость, поняли, о чемъ говоритъ домине инспекторъ? Онѣ какъ разъ разслушали вечерницы и «украдь», а батенька и съ ученостью да прозвали всю силу. Теперь уже мусье гувернеръ одного изъ внуковъ моихъ объяснилъ мнѣ, что иногда человекъ и безъ ума, а скажетъ слово или сдѣлаетъ дѣйствіе такое, чего умному и на мысль не придетъ, «и что, — прибавилъ онъ, — мать ваша, какъ женщина, одарена была... статестическимъ... чувствомъ». Что маменька была женщина, это такъ; но чтобъ имѣла такое чувство, я въ ней не замѣтилъ, и она не со-

знавалась. Мнѣ кажется, это произошло такъ, безъ всякаго чувства.

На ея замѣчаніе батенька возразили:

— Это, маточко, оттого, что вы вовсе не знаете въ языкахъ силы.

— Видите, какіе вы стали неблагодарные, Миронъ Осиповичъ! А вспомните, какъ вы посватались за меня и даже въ первые годы супружеской жизни нашей вы всегда хвалили, что я большая мастерица готовить, солить и коптить языки; а теперь уже, чрезъ восемнадцать лѣтъ, упрекаете меня явно, что я въ языкахъ силы не знаю. Грѣхъ вамъ, Миронъ Осиповичъ, за такую фальшь! — И маменька чуть не заплакала: такъ имъ было обидно!

— Умилосердитесь надо мною, Фегла Зиновьевна! — почти вскрикнули батенька и бросили назадъ поднесенную уже ко рту косточку жаренаго поросенка, которую предпринимали обсосать. — Вы всегда превратно толкуете. У васъ и столько толку нѣтъ, чтобъ понять, что я не о говяжьихъ языкахъ говорю, а о человѣчьихъ. Вы ихъ не знаете, такъ и молчите.

— По крайней мѣрѣ, я имѣю свой языкъ и знаю его короче, нежели вашъ, и потому говорю имъ, что думаю. Говорю и всегда скажу, что дѣтскій языкъ, не тотъ, что у нихъ во рту, а тотъ, которымъ они говорятъ не по-нашему, — языкъ глухой, воровской, непристойный.

ИВ. Маменька имѣли много природной хитрости. Бывало, какъ замѣтятъ, что онѣ скажутъ какую неблагоразумную рѣчь, тотчасъ извернутся и заго-

ворять о другомъ. Такъ и тутъ поступили: увидѣвъ, что невпопадъ начали толковать о скотскихъ языкахъ, такъ и отошли отъ предмета.

Батенька, чтобъ больше маменькѣ досадить, начали подтрунивать надъ ними и просили домине инспектора проэкзаменовать и насъ въ иностранной словесности.

Петрусь на заданный вопросъ отвѣчалъ бойко и отчетливо (слова, мною недавно схваченныя въ одной газетѣ, а смысла ихъ совсѣмъ не понимаю); батенька улыбнулись отъ восхищенія. Дошла очередь ко мнѣ, и домине спросилъ:

— У когентусъ лучшентусъ голосентусъ, у Гапентусъ или у Веклентусъ?

Вопросъ былъ удобенъ къ рѣшенію и совершенно по моей части. Для незнающихъ бурсацкой словесности я переведу на російскій языкъ: «укого, дескать, лучше голосъ, у Гапки или Веклы?» Это были двѣ дѣвушки, которыхъ домине Галушкинскій училъ и пѣть со мною разные кантики. Я могъ бы однимъ словомъ рѣшить задачу, сказавъ, что «у Гапки де», потому что у нея въ самомъ дѣлѣ былъ необыкновенный звонкій голосъ, отъ котораго меня какъ морозомъ драло по спинѣ. Но я былъ маменькиной комплекции: чего мнѣ не хотѣлось, ни за что не скажу и не сдѣлаю ни за какіе миллионы, и хоть самая чистѣйшая правда, но мнѣ не нравится, то я и не соглашаюсь ни съ кѣмъ, чтобъ то была правда. И какъ вижу, что маменькѣ, имѣвшей отвращеніе отъ всякой учености, не нравится наша иностранная словесность, рѣшился притвориться непонимающимъ

ничего и молчалъ, — молчалъ, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, намекамъ и понужденіямъ доmine Галушкинскаго.

Батенька, озляся, вставши отъ стола и проходя мимо меня, дали мнѣ такой щипки въ голову, что у меня слезы покатались въ три ручья, и пошли опочивать. NB. У батеньки рука была очень тяжела. Маменька же, напротивъ, погладивъ меня по головѣ и обтерши горькія мои слезы, взяли за руку, повели въ свою кладовеньку и надавали мнѣ разныхъ лакомствъ и, усадивъ меня со всѣмъ моимъ приобрѣтеніемъ у себя въ спальнѣ на лежанкѣ, сказали: «сдѣлай милость, Трушко, не перенимай ничего нѣмецкаго! (NB. Извѣстно уже, что маменька были неграмотныя и до того не свѣдующія въ свѣтскомъ положеніи, что не знали разницы между нѣмецкимъ и латинскимъ государствами. Имъ и на мысль не входило, что эти различныя между собою народы говорятъ различными языками. По ихъ разумѣнію — всѣ нѣмцы, да и нѣмцы). — Ты и такъ отъ природы глупенекъ, а какъ научишься всякой премудрости, то и совсѣмъ одурѣешь».

«Достопамятное изреченіе! Его слѣдовало бы изобразить золотыми буквами на публичномъ столбѣ каждаго города. Слѣдуя ему, сколько молодыхъ людей отъ дверей училища возвратились бы прилично мыслящими и были бы пристойно живущими людьми; а то, не имѣя собственнаго разсудка и вникнувъ въ бездну премудрости, но понявъ ее превратно, губятъ потомъ себя и развращаютъ другихъ».

Это разсужденіе помѣстилъ въ моихъ запискахъ

одинъ изъ многаго числа племянниковъ моихъ, который хотя и былъ записанъ въ студенты, но, слѣдуя предостереженію маменьки моей, далѣе съней университетскихъ не доходилъ, даже въ карцерѣ не бывалъ. Впрочемъ, былъ умная голова!

Маменька на этомъ увѣщаніи не остановились. Онѣ были однѣ изъ вѣжнѣйшихъ маменекъ нашего вѣка, коихъ, правда, и теперь въ новомъ поколѣніи можно бы найти тысячи, подъ другою только формою, но съ тѣми же понятіями о пользахъ и выгодахъ любимчиковъ сынковъ своихъ. И такъ, маменька, продолжая мотать нитки, продолжали настаивать меня:

— Я съ утѣшеніемъ замѣчаю, что ты имѣешь столько ума на то, чтобъ не выучиваться всѣмъ этимъ глупостямъ, которыя вбиваетъ въ голову вамъ тотъ проклятый бурсакъ. Ты, душка, выслушивай всегда, да ничего не затвержай и не перенимай. Плюй на науки, и останешься разумнымъ и съ здоровымъ желудкомъ на весь вѣкъ. Въмѣсто этой дурацкой грамоты, которая только и научитъ тебя что читать, я бы желала, чтобы ты взялся за иконопиство или, по крайней мѣрѣ, за малярство. Что за веселая работа! Что мазнулъ кистью, то либо красная, либо блакитная полоса!.. И мнѣ бы когда обмалевалъ сундучокъ или дзигликъ (такъ тогда называлась стулка, т. е. стулъ). Я бы умерла спокойно, еслибы увидѣла чтонибудь окрашенное твоимъ искусствомъ...

Въ ту пору я доѣдалъ моченое яблоко изъ пожалованныхъ мнѣ маменькою лакомствъ и поспѣшилъ

обрадовать маменьку, что я уже умѣю раскрашивать «кунштики».

— О!.. — вскричали восхищенные маменька и, от восторга, забывши, что онѣ мотають нитки, всплеснули руками и уронили клубокъ свой. — Кто же тебя этому художеству научилъ? — спросили онѣ, даже облизываясь отъ радости.

— Никто не училъ, а самъ перенялъ, — отвѣчалъ я. И не солгалъ. Почувствовавъ въ себѣ влеченіе къ живописи и увидя у доmine Галушкинскаго нѣсколько красокъ и пензеликъ, я выпросилъ ихъ и принялся работать. Нарисовавъ нѣсколько изъ своей головы лошадей, собакъ и людей и бывъ этимъ доволенъ, я рѣшился идти вдаль и раскрашивать все, попадавшееся въ книжкахъ. Въ Баумейстеровой логикѣ и въ Ломоносовой риторикѣ, какіе были цвѣточки или простыя фигурки, я такъ искусно закрашивалъ, что подлиннаго невозможно было и доискаться; и даже превращалъ весьма удачно цвѣточки въ лошадку, а скотинку въ женщину.

Маменька не совсѣмъ повѣрили мнѣ, но когда я принесъ свое художество, то онѣ ахнули, а потомъ прослезились отъ восторга. Долго разсматривали мною раскрашенные кунштики, но какъ были не грамотны, то и не могли ничего понять и каждый кунштикъ держали къ себѣ или вверхъ ногами или бокомъ. Я имъ не толковалъ, а онѣ не переставали хвалить, что какъ это все живо сдѣлано. То-то материнское сердце: всегда радуется дарованію дѣтей своихъ! При разспросахъ о значеніи каждаго кунштика, имъ вдругъ пришла въ голову слѣдующая счастливая мысль:

— Послушай, Трушко, что я вздумала. У твоего пан-отца (маменька о батенькѣ и за глаза отзывались политично) есть книга вся въ кунштахъ. Меня совѣсть мучить, и нѣтъ ли еще грѣха, что всѣ эти знаменитыя лица лежатъ у насъ въ домѣ безъ всякаго уваженія, какъ будто они какой арабской породы, всѣ черныя, безъ всякаго человѣческаго вида. Книга, говорятъ, по кунштамъ своимъ рѣдкая, но я думаю, что ей цѣны вдвое прибавится, какъ ты ихъ покресишь и дашь каждому живой видъ.

Я задрожалъ отъ восхищенія, что мнѣ предстоитъ такая знаменитая работа, и тутъ же обѣщаль маменькѣ отдѣлать всѣ куншты такъ, что ихъ и узнать не можно будетъ.

Маменька скоро нашли случай вытащить эту книгу у батеньки и передали ее мнѣ для приведенія въ лучшій видъ. Съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ приступилъ я къ работѣ. Всѣхъ кунштиковъ было сто. Первый кунштъ представлялъ какого-то нагого человѣка въ саду, окруженнаго звѣрями. Не было у меня красокъ всѣхъ цвѣтовъ, но это меня не остановило. Я пособилъ своему горю и раскрасилъ человѣка, какъ первую фигуру, лучшею краскою, красною; льва желтою, медвѣдя зеленою и такъ далѣе по очереди, наблюдая правило, о коемъ тогда и не слыхалъ, а самъ по себѣ дошелъ, чтобы на двухъ, вмѣстѣ стоящихъ, звѣряхъ не было одинаковаго цвѣта.

Работа моя шла быстро и очень удачно. Маменька не находили словъ хвалить меня и закармливали ласоцами. Только и потребовали, чтобы нагихъ лю-

дей покрыть краскою, сколько можно толще и такъ, чтобы ничего невозможно было различить.

— Покрой ихъ, Трушко, потолще; защити ихъ отъ стыда.

И я со всѣмъ усердіемъ накладывалъ на нихъ всѣхъ цвѣтовъ краски, не жалѣя, и имѣлъ удовольствіе слышать отъ маменьки:

— Вотъ теперъ живо; невозможно различить челоуѣкъ ли это или столбъ?

Лица, нравившіяся мнѣ, я красилъ любимыми цвѣтами, наприм., лицо зеленое, волосы и борода желтые, глаза красные; но какъ «пензель» у меня былъ довольно толстъ, то и крашеніе мое переходило черезъ границы, но это вовсе не портило ничего. Тѣхъ же, кто мнѣ не нравились — ухъ, какими уродами я сдѣлалъ! Чтобы имѣть выгоду представить ихъ по своему желанію, я, вмѣсто лица, намазывалъ большое пятно, и на немъ уже располагалъ уродливо глаза (у злѣйшихъ моихъ враговъ выковыривалъ ихъ вовсе), носъ и ротъ, и все въ самомъ отвратительномъ видѣ. И подѣломъ имъ! Какъ имъ равняться съ порядочными людьми...

Домине Галушкинскій и братья мои озабочены были своими дѣлами и не имѣли времени подмѣтить мои занятія и полюбоваться моимъ художествомъ.

Наконецъ, работа моя кончилась, и маменька собралась обрадовать батеньку нечаянно. У нихъ обоихъ было общее правило: о чемъ нибудь хорошимъ, восхитительномъ не предвѣщать, а вдругъ поразить нечаянностью. Маменька такъ и расположилась до случая, который скоро открылся.

Домине Галушкинскому истекалъ срокъ быть «на кондиціяхъ» и онъ долженъ былъ возвратиться въ школу, чтобы продолжать свое ученіе. За руководство насъ въ наукахъ онъ получалъ изрядную плату и не желалъ лишиться ея, для чего онъ предложилъ батенькѣ, чтобы насъ, панычей, опредѣлить въ школу для большаго усовершенствованія въ наукахъ, въ коихъ мы, подъ руководствомъ его, такъ успѣли. Батенька напли это выгоднымъ и договорились съ нимъ вновь: вмѣсто платы съ плеча батенькинаго должно было ему «набрать» сукна цвѣтовъ, какого онъ самъ изберетъ, и къ этому снабдить его шнурками и кистями, какъ слѣдуетъ для киреи. Деньги прежнія сами по себѣ. Жить ему съ нами на квартирѣ и на нашихъ харчахъ. Въ городѣ приискана была уже квартира, и сукно для киреи пана Галушкинскаго было куплено цвѣтомъ, какого онъ желалъ. Избранный имъ цвѣтъ сукна былъ чудесный. Это былъ вишневыи, смѣшанный съ краснымъ, чернымъ и голубымъ. Чудесный отливъ былъ! Пожалуйте же, что съ этимъ прелестнаго цвѣта сукномъ случится, такъ это умора! — расскажу послѣ. Теперь же батенька, что отъ нихъ зависѣло, до послѣдняго все распорядили; оставалось маменькѣ устроить насъ провизіею, посудою и прислугою. Батенька искали удобнаго времени объявить объ этомъ маменькѣ, не потому, чтобы ихъ не огорчить внезапнымъ извѣстіемъ о разлукѣ съ дѣтьми, но чтобы самимъ приготовиться и, выслушивая возраженія и противорѣчія маменькины, которыхъ ожидали уже, не выйти изъ себя и гнѣвомъ и запальчивостью не

разстроить своего здоровья, что за ними иногда бывало.

На таковъ конецъ батенька начали довольно меланхолично:

— Прикажите, Ѳекла Зиновьевна, завтра поутру рано отпустить муки, крупъ, масла и что нужно...

— Не оиать ли комиссару? — спросили маменька твердымъ голосомъ, не ожидая ничего неприятнаго.

— Какому комиссару? Подите съ нимъ въ болото, а слушайте меня. Всего этого отпустите сколько надобно для дѣтей. Онѣ завтра переѣдутъ въ городъ, учиться въ школахъ.

Маменька такъ и помертвѣли!.. Черезъ превеликую силу могли вступить въ рѣчь и принялись было доказывать, что ученіе вздоръ, гибель-де нашимъ деньгамъ и здоровью. Можно быть умнымъ, ничего не зная, и всему научась — быть глупу.

— Многому ли научились наши дѣти, — продолжали онѣ, — не смотря что, сколько мы на нихъ положили кошту пану Тимоѳею и вотъ этому дурню, что по дурацки научилъ говорить нашихъ дѣтей и невинныя ихъ уста заставилъ произносить непонятныя слова...

— Чудны вы мнѣ, Ѳекла Зиновьевна, съ вашею глупостію! Каково было бы вамъ слушать, еслибы я началъ толковать о вашихъ ниткахъ или кормленыхъ птицахъ? Такъ и тутъ. Наукъ совсѣмъ не знаете, а толкуете о нихъ.

— Первые годы послѣ вашего супружества, — сказали маменька очень печальнымъ голосомъ и трогательно подгорюнились рукою, — я была хороша и

разумна. А вотъ пятнадцать лѣтъ, счетомъ считаю, какъ не знаю, не вѣдаю, отчего я у васъ изъ дурь не выхожу. Зачѣмъ же вы меня, дуру, брали? А что правда, я то говорю, что ваши всѣ науки дурацкія. Вотъ вамъ примѣръ: Трушко; также ваша кровь, а мое рожденіе, но какъ онъ еще непороченъ и тѣломъ, и духомъ, и мыслию, такъ онъ и имѣетъ къ нимъ сильное отвращеніе.

— Вы мнѣ, Ѳекла Зиновьевна, не колите глазъ своимъ пѣстунчикомъ Трушкомъ; онъ хотя и непороченъ, но изъ дураковъ дуракъ, и изъ него будетъ не болѣе какъ свинопасъ. — Батенька отъ противорѣчій начинали уже приходиться въ азартъ.

Тутъ маменька нашли удобную минуту опѣшить батеньку и, подойдя къ столу, достали нѣмецкую книгу и начали переворачивать листы, изукрашенные моимъ художествомъ.

— Кто... кто это сдѣлалъ? — вскричали батенька, вскипѣвъ отъ гнѣва.

Маменька, не замѣтивъ въ тонкости состоянія духа ихъ, а относя крикъ ихъ къ удивленію, отвѣчали такимъ же меланхоличнымъ тономъ, какъ и батенька при началѣ разговора:

— Это дуракъ изъ дураковъ такъ украсилъ; онъ не болѣе, какъ свинопасъ!

Маменька такую аллегорією хотѣли кольнуть батеньку.

— Какъ онъ смѣлъ это сдѣлать? — не кричали, а ревѣли батенька до того, что окна и двери въ домѣ тряслися. Въ запальчивости бросились они къ маменькѣ, желая, по обычаю, потузить ихъ хоро-

шенько... И тогда мнѣ лучше было бы. У батеньки такая была натура, что когда разлюютя, такъ и колотятъ перваго, кто попадетя; когда же выбьютъ свое сердце, то виноватому же ни слова не скажутъ. Тутъ же, къ моему несчастью, маменька ушли отъ ударовъ батенькиныхъ, оставивъ въ дверяхъ и епаничку свою; а я, спрятавшійся было въ пуховики маменькины, вытащенъ и наказанъ чувствительно и больно.

Батенька цѣлый день не могли успокоиться и знай твердили, что книга ихъ по кунштамъ была неоцѣненна, что иконописецъ, расписывающій въ ближнемъ селеніи иконостасъ, самъ предлагалъ за нее десять рублей.

Маменька же хотя не смѣла и на глаза показаться батенькѣ, но, сидя въ другой комнатѣ, переговаривала ихъ слова тихонько:

— Десять рублей! великое дѣло! Кажется, своя утроба дороже стоитъ.

Однако же это происшествіе не удержало бы насъ отъ поѣздки въ городъ, но случилось нѣчто еще страннѣе. На концѣ отъѣзда, когда доmine Галушкинскій, по обычаю, управлялся съ другою тарелкою борщу, вдругъ, какъ обваренный, кидаетъ ложку, схватывается за животъ, вскакиваетъ со стула и бѣжитъ.... формально бѣжитъ изъ комнаты.... Маменька насупились за такую его неучтивость, а батенька, то же подумавъ, что и маменька, улыбнулись, а за ними и мы, дѣти, и особливо меньшія, расхохотались во все горло. Ну, и нужды нѣтъ, пересмѣялись, подумали и принялись за слѣдующее

блюдо, какъ бѣжитъ напѣ доmine, блѣдный какъ мертвецъ, волосы, какъ ни были связаны крѣпко въ косѣ, однакожь всѣ напужались отъ внутренняго его волненія; въ рукахъ онъ несетъ какую-то дерюгу рыже-желто-краснаго цвѣта съ разными безобразнаго колера пятнами, а самъ горько плачетъ и, обращаясь къ батенькѣ, жалостнымъ голосомъ говоритъ:

— Вотъ, ваше вельможество, мой милостивый патронъ и благодѣтель, вотъ что учинилось съ вашимъ даромъ!...

Батенька изумились такимъ его рѣчамъ, взяли эту дерюгу, развернули ее и насилу узнали, что это было то сукно, которое они пожаловали по уговору на кирею доmine Галушкинскому и которое было необыкновенно прелестнаго цвѣта, какъ я сказалъ выше, а теперь стало мерзкаго цвѣта съ отвратительными пятнами.

По минованіи батенькинаго удивленія, они принялись разспрашивать доmine, отчего сукно измѣнило свой цвѣтъ? И тотъ, т. е. доmine Галушкинскій, среди вздоховъ и всхлипываній, рассказывалъ слѣдующій пассажъ. Получивъ отъ милостей батенькиныхъ сказанное сукно, понесъ, дабы похвалиться имъ Ульянѣ, нашей ключницѣ, молодой женщинѣ и дружно жившей съ доmine инспекторомъ до того, что она каждое утро присылала ему «горяченькую булочку» съ масломъ и сметаною ради фриштыка. Но это другая матерія, отложимъ въ сторону. Въ ту самую пору, кагда онъ принесъ сукно, Ульяна разливала уксусъ, и какъ доmine Галушкинскій не-

обыкновенно близко подошелъ къ Ульянѣ, то одна мельчайшая капелька брызнула на сукно и сдѣлала на немъ пятнышко ярко-оранжеваго, необыкновенно прелестнаго цвѣта. По возвращеніи отъ Ульяны, доmine Галушкинскому пришла счастливая мысль — все сукно превратить въ такой чудесно-прекрасный цвѣтъ. На сей конецъ, получивъ отъ Ульяны достаточное число уксусу, намочилъ въ немъ несчастное сукно... Какъ намочилъ, а самъ пошелъ въ проходку; возвратился, поужиналъ, легъ спать, а сукно все мокнетъ. Уже и утро; доmine Галушкинскій исполнилъ все должное, сѣлъ обѣдать, а сукно все мокнетъ.... Онъ всегда говорилъ о себѣ, что чѣмъ бы онъ ни занимался, что бы ни дѣлалъ, всегда имѣлъ философскія мысли въ головѣ. Такъ и теперь: ѣвши борщъ, онъ разсуждалъ, что малое количество пицци не можетъ утолить сильнаго голода. Отъ сего силлогисма, восходя все выше и выше, съ приспособленіями и примѣненіями, онъ мысленно сошелъ и до сукна — какъ вдругъ озарила его свѣжая мысль: когда капнула капля уксусу на сукно, то онъ его тотъ же мигъ стеръ и оттого вышелъ цвѣтъ неизъяснимо прелестный; но когда сукно мокнетъ невступно цѣлые сутки, то не испортилось бы оно... Эта догадка, какъ молнія, поразила его, и онъ, какъ кипяткомъ облитый, выскочилъ и побѣжалъ, «оставя по себѣ сомнѣніе, — такъ заключилъ онъ свое повѣствованіе, — насчетъ моей благопристойности»...

Батенька и мы всѣ много смѣялись несчастью доmine инспектора, однѣ маменька ужасно сердито

смотрѣли, — неизъ сожалѣнія къ убытку «Галушки», а опасаясь, что батенька изъ жалости «къ этому дурню» — такъ онѣ его часто называли — наберутъ ему вновь столько же сукна. Такъ и вышло. Единственно въ пику маменькѣ, батенька послали въ городъ за сукномъ, и пока его привезли, мы это время наслаждались домашнею жизнью.

Ну-те. Чтoby недолго рассказывать: насъ, собравши, отправили въ повозкѣ въ городъ. Кромѣ изобильной во всемъ провизіи для пропитанія нашего, намъ данъ хлопецъ Юрко; онъ долженъ былъ прислуживать намъ троимъ и домину инспектору нашему. Для наблюденія за насыщеніемъ нашимъ откомандирована была «бабуся», мастерица производить блины, пироги, пирожки, пирожечки, пироженчики и т. под. разныя вкусныя блюда и лакомства. Ей дано было подробное наставленіе — и все это отъ нѣжнѣйшей маменьки нашей — чѣмъ и по сколько разъ въ день кормить насъ. Въ помощь ей дана была дѣвка, стряпуха; на ней лежала обязанность мыть намъ головы еженедѣльно, чесать и заплетать длинныя косы наши ежедневно, распорядить бѣльемъ и т. п.

Еще съ вечера отъѣзда нашего маменька начали плакать, а съ утра печальнаго дня «голосить» и оплакивать насъ съ невыразимо трогательными приговорами. Само по себѣ разумѣется, что я, какъ объявленный «пѣстунчикъ» ихъ, получилъ болѣе ласкъ, нежели старшіе братья мои. Такимъ образомъ, приговаривая и лаская меня, вдругъ онѣ въ самомъ дѣлѣ сомлѣли и валятся-валятся — и упали на полъ. Я испугался и закричалъ:

— Батенька, пожалуйста сюда: маменька померли! Батенька пришли и, увидѣвъ, что онѣ не совсѣмъ умерли, а только сомлѣли, дали мнѣ препорядочнаго туза, чтобы я не лгаль, а сами принялись освобождать отъ обморока маменьку, шевеля ей въ носу бумажкою. Это скоро помогло: маменька чихнули раза три и встали сами по себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и принялись опять за свое — голосить.

Ну, какъ же не хвалить старины? Чудное дѣло, какъ было все совершеннѣе! Какъ бы крѣпко маменька ни сомлѣли, батенька, пощекотавши ихъ въ носу бумажкою, въ ту же минуту приводили ихъ въ себя. Теперь же — прошу покорно! Жена моя го-и-дѣло, по слабости природы, сомлѣваетъ, но щекотать ей въ носу даже и я не смѣю, — строжайше запретила, не объяснивъ причины. А тутъ взбѣгаемся всѣ: я, дѣти, прислуга; кто спиртъ къ носу тычетъ, кто «оподельдокомъ» виски ей третъ; кто, разведя ложку «магнезию» въ красномъ винѣ, дастъ ей выпить, и тѣма хлопотъ! А не успѣемъ привести въ чувство, какъ она вновь сомлѣла, и бацъ на полъ. Пощекотать бы ей въ носу, такъ и не было бы такихъ бѣдъ!

И то сказать: и различные обмороки и отъ различныхъ причинъ бываютъ. Въ старину маменька сомлѣвали отъ всякаго сильнаго чувства; въ среднее время — моя любезнѣйшая супруга упадетъ въ обморокъ такъ, ни отъ чего, ни съ радости, ни съ печали, когда вздумаетъ — бацъ! и возися съ нею. Въ новѣйшее же, усовершенствованное, какъ нынѣшніе люди думаютъ, время, вторая моя невѣстка,

хотя ей ужасная радость или печаль, ни за что не упадетъ въ обморокъ, когда не случится тутъ «гувернеръ» сына ея. Онъ, извольте видѣть, какой-то природный маркизъ, но имѣетъ особую страсть воспитывать юношество, и потому, сложивъ свою знатность, договорился у моей невѣстки, когда она была на чужестранныхъ водахъ, образовать сына ея... О, да и взялъ же съ нея этотъ гувернеръ, между нами сказавши, очень дорого. Правда, кромѣ образованія мальчика, онъ ей полезенъ въ обморокахъ: никто-де такъловко не поддержитъ, какъ этотъ мусье-гувернеръ. А по той причинѣ, когда онъ при ней, что часто бываетъ, то она уже смѣло падаетъ, чтобы наслаждаться удовольствіемъ быть поддержанной мусье-маркизомъ. Вотъ и выходитъ, что и обмороки и причины къ нимъ теперь совсѣмъ отличны отъ прежнихъ.

Пожалуйте, о чемъ-бишь я рассказывалъ?.. Да, вотъ насъ принялись провожать... Но я не въ состояніи пересказать вамъ этого чувствительнаго пассажа. Меня и при воспоминаніи слеза пронимаетъ! Довольно скажу, что маменька, за горькими слезами, не могли ничего говорить, а только насъ благословляли; что же принадлежитъ до ея сердца, то вѣрно оно разбилося тогда на мелкіе куски и вся внутренность ихъ разорвалася въ лохмотья... вѣдь материнское сердце!

Что же относится до батеньки, то они показали крѣпкій свой духъ. Немудрено: они имѣли крѣпкую комплекцію. Они не плакали, но не могли и слова болѣе сказать намъ, какъ только:

— Слушайте во всемъ пана Галушкинскаго; онъ вашъ наставникъ... чтобы не пропали даромъ деньги... — и, махнувъ рукою, закрыли глаза, маменька ахнула и упала, а мы себѣ поѣхали...

Еще мы не выѣхали изъ селенія, какъ меня одолѣла сильная грусть по той причинѣ, что я забылъ свои маковники въ бумажкѣ, для дороги завернутые и оставленные мною въ маменькиной спальнѣ на лежанкѣ. Заторопился и забылъ. Тоска смертельная! Ну, воротился бы, еслибы лъзя было! Но тутъ уже неограничено властвовалъ доmine Галушкинскій надъ нами, лошадьми и малѣйшею частицею, обозъ нашъ составляющею.

Въ силу чего онъ занялъ въ повозкѣ первое мѣсто, разлегся и приказалъ намъ размышлять о пути, о цѣли поѣздки нашей, о намѣреніяхъ нашихъ, какъ намъ употребить время, и что встрѣтится намъ въ размышленіяхъ нашихъ умненькое или сомнительное, объявлять ему, а онъ будетъ разрѣшать.

Долго царствовало между нами молчаніе. Кто о чемъ думалъ — не знаю; но я все молчалъ, думая о забытыхъ маковникахъ. Горестъ маменькина не занимала меня. Я полагалъ, что такъ и должно было быть. Она съ нами разсталася, а не я съ нею; она должна грустить... Какъ вдругъ братъ Петруся, коего быстрый умъ не могъ оставаться покоенъ и требовалъ себѣ пищи, вдругъ спросилъ наставника нашего:

— Скажите, пожалуйста, реверендиссима доmine Галушкинскій, гдѣ же городъ и наше училище? Вы говорили намъ, что гдѣ небо соединено съ землею,

тамъ и конецъ вселенной. Вонъ, далеко очень видно, что небо сошлось съ землею, ergo, тамъ конецъ міру; но на этомъ разстояніи я не вижу города. Гдѣ же онъ? Туда ли мы ѣдемъ?

— Бене, доmine Халявскій! Ваше предложеніе глубокомысленно и вы мнѣ показали, что голова ваша занята важными размышленіями, но я долженъ разсѣять ваши сомнѣнія. — Такъ сказалъ великій нашъ наставникъ и, поправивъ подъ собою подушку, продолжалъ ораторствовать. — Видимое вами соединеніе неба съ землею не есть въ существѣ, а это... просто... какъ бишь?... «фле... флегматическій» обманъ. Напротивъ, намъ надобно ѣхать долго, пока мы доѣдемъ до моря, и все намъ будетъ казаться, что впереди насъ земля соединялася съ небомъ, но это ложь, обманъ, призракъ. Потомъ и моремъ мы должны ѣхать еще далѣе, нежели на сушѣ, но уже не въ кибиткѣ, а въ кораблѣ или другомъ сосудѣ (иначе назвать доmine Галушкинскій почиталъ непристойно и осуждалъ за то другихъ), и тогда достигнуть до края вселенной, т. е. гдѣ небо сошлось съ землею. Но никто изъ смертныхъ еще не достигалъ сего. Итакъ, на этомъ-то пространствѣ, которое мы переѣзжаемъ до края вселенной, встрѣтится намъ городъ, въ коемъ наше училище...

— Такъ мы и моремъ поѣдемъ? — спросилъ Петруся живо; а я, боясь воды, уже принимался плакать.

— О, нѣтъ! — воскликнулъ нашъ реверендиссима. — Это въ описаніи я употребилъ только риторическую фигуру, т. е. искажилъ истину, придавъ ей ложный видъ. Но мы моремъ не поѣдемъ, потому

что не имѣемъ приличнаго для того сосуда, а вторыхъ и потому, что училище наше расположено на сушѣ, ерго, мы сушею и поѣдемъ.

Засимъ доmine инспекторъ обратился съ испытательными вопросами къ Павлусѣ, углубившемуся размышленіемъ своимъ въ лошадей. Повторенный вопросъ наставника: о чемъ онъ такъ глубоко размышляетъ? едва извлекъ его изъ задумчивости.

— А вотъ, — сказала Павлуса, зѣвая при выходѣ изъ своихъ размышлений, — я нахожу, что въ лошадиной упряжи много лишняго: и кожи, и ремней, и колець; такъ я дохожу, какъ бы этотъ безпорядокъ исправить.

— Во всемъ виденъ изобрѣтательный умъ! — проговорилъ вполголоса доmine и продолжалъ свой вопросъ.

Какъ ни вслушивался я въ ученые разговоры нашего наставника, но меня одолѣлъ сонъ, и я не слыхалъ ни окончанія на семь переѣздъ начатаго, ни въ послѣдующіе затѣмъ дни въ дорогъ нашей разговоровъ, потому что лишь только влѣзалъ въ повозку, то и засыпалъ. Ерго, скажу по-ученому, я путь свой совершилъ спокойно для тѣла и разсудка, не обременяя его никакими разсужденіями.

Близко ли, далеко ли отстоялъ городъ, скоро ли, не скоро, но насъ довели и расположили на квартирѣ у какого-то обывателя. Квартира была со всѣми удобствами и весьма близко отъ училища. Бабуся, прибывъ прежде насъ, расположилась со своимъ хозяйствомъ и употчивали насъ ужиномъ вкуснымъ, жирнымъ, изобильнымъ. Спасибо ей! Она была мастерица своего дѣла.

Хорошо. На другой день доmine Галушкинскій долженъ былъ вести насъ къ начальнику, помощнику и главнымъ учителямъ школь, чего для одѣли насъ въ новыя долгополая суконныя киреи. Новость эта восхищала насъ. Въ самомъ дѣлѣ, пріятно перерядиться изъ вѣчнаго халата, хотя бы изъ китайки сдѣланнаго, въ суконную, въ важно облекающую васъ кирею, изукрашенную тесьмами, шнурками и кистями.

Доmine Галушкинскій, осмотрѣвъ насъ и повторивъ уроки, какъ мы должны были отвѣшивать впередъ руки при поклонѣ помощнику и какъ еще болѣе оттопыривать ихъ при нижайшемъ поклонѣ начальнику, сказалъ намъ слѣдующее наставленіе:

— Вашици, не забывайте, что начальникъ есть все, а вы — ничто. Стоять вы должны передъ нимъ съ благоговѣніемъ; однимъ словомъ, изобразить собою — ? — вопросительный знакъ, и премудрѣе его наставленія слушать со вниманіемъ. Избавь Богъ противорѣчить! Речеть: — «ложися!» — исполняй немедленно, хотя бы ты былъ раз-пере-правъ и раз-пере-невиленъ. Вытерпливай наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначить премудрое правосудіе его, и не смѣй ни малѣйше и никогда возроптать и попрекословить. Угодно будетъ ему полудночь признать полуднемъ? Сознавайся и утверждай, что солнце свѣтитъ и даже печетъ. Благоволишь глаголь обратитъ въ имя? Вепе: признавай и утверждай. Его власть и сила. Къ помощнику сохраните все то же. Часто помощникъ бываетъ глаголь дѣйствительный, а начальникъ... точка, знакъ силь-

ный, но безгласный. Въ школѣ, въ каковую помѣрѣ знаній вашихъ поступите, учителя уважайте и относитесь какъ бы къ своему начальнику; но—при глазахъ самого реверендиссима—учителя уже ставьте ни во что. Предъ товарищами держите себя пошлякетски, какъ—!—знакъ удивительный, бодро, гордо, важно, и всѣ васъ почтутъ. Въ ссорахъ слышите отгрызаться и заганивайте своихъ противниковъ, иначе они увизятъ васъ хуже запятой. Въ драку сами не вступайте, но попавшаго колотите вволю, остерегаяся дѣлать явные боевые знаки: для этого есть волосы, ребра, спина и др. Ходя по рынку, не рѣшайтесь ничего своровать, а напротивъ вы, доmine Павлуся, имѣющіе къ тому великую склонность: здѣсь не село, а городъ, треклятая полиція тотчасъ вмѣшается. Одни не напивайтесь, но пригласивъ кого или бывъ приглашены отъ кого. Вы, доmine Петруся, одарены особымъ счастливымъ талантомъ: можете выпить бездну и пробыть на ногахъ тверды, съ непомянутою головой, но запахъ вина можетъ вамъ измѣнить. Для сего имѣйте всегда въ «кишенѣ» пшено или чеснокъ. Когда васъ, находящагося въ такомъ положеніи, призовутъ къ начальнику, послушайте пожевать пшена или чесноку и смѣло представайте къ реверендиссиму: носъ его не услышитъ; на опытъ извѣстно. Далѣ, о прочихъ подробностяхъ, какъ вамъ вести себя и какъ поступать, скажу во оное время.

Мы такъ глубоко тронуты были назидательнымъ для насъ наставленіемъ нашего наставника, что невольно, по сердечному влеченію, отдали ему поклонъ,

довлѣющій одному начальнику, и, при изъявленіи вѣчной благодарности, всѣ его мудрыя правила общали навѣкъ запечатлѣть въ юныхъ сердцахъ нашихъ и слѣдовать имъ. Само собою разумѣется, что я не говорилъ такихъ словъ, потому что не зналъ о существованіи и значеніи ихъ, но говорили это братья мои, а я только кланялся, отвѣшивая руки впередъ, и, касаясь длинными рукавами нарядной моей киреи до полу, восхищался.

Убравъ отличный завтракъ, попеченіемъ бабуся приготовленный, мы пошли къ начальнику, а гостинцы, привезенные для него, несли за нами люди, привезшіе ихъ изъ дому. Мы шли по улицѣ... Незабвенныя минуты! Что могло равняться съ восторгомъ моимъ, когда я шель въ киреѣ синяго сукна, коей кисти на длинныхъ шнурахъ болтались туда и сюда! Не знаю, смотрѣли ли на меня проходящіе, я не заботился; я смотрѣлъ самъ на себя, шевелилъ плечами, болталъ руками—все для того, чтобы мотались мои кисти. Истинно скажу: при женитьбѣ моей я былъ разодѣтъ хватски, идя въ парѣ съ своею, тогда прелестною, новобрачною; но я не былъ такъ восхищенъ, какъ болтающимися кистями у моей киреи... Ахъ, кирея!.. ахъ, кисти!.. Но все прошло!.. Обратимся къ предмету.

Мы пришли къ начальнику.

Когда мы еще жили дома, то батенька говаривали намъ, чтобы мы сами себя готовили къ тому званію, какое кому нравится, исключая Павлуся, котораго предназначилъ онъ по бумажной части, говоря: «горбъ не помѣшаетъ тебѣ быть хорошимъ юристою».

И вотъ, когда я вошелъ только въ прихожую начальника, то уже и рѣшился не быть ничѣмъ болѣе, какъ начальникомъ училища. Это было окончаніе наказаній, и родители возвращали сыновей своихъ изъ домовъ въ училище. Нужно было вписать явку ихъ, переписать въ высшій классъ: ergo, съ чѣмъ родители являлись? То-то же. Я очень благоразумно избралъ. Итакъ, рѣшено: желаю быть начальникомъ училища!

Наконецъ, послѣ многихъ, допустили и насъ къ самому. Отвѣсивъ должные высокому его сану поклоны, домине Галушкинскій началъ объясняться, что онъ не даромъ провелъ время на кондиціяхъ: приготовилъ трехъ юношей, имѣющихъ сдѣлать честь училищу и даже вѣку. Начальникъ удостоилъ насъ обозрѣть, но нѣсколько меланхолично. Домине-инспекторъ успѣшилъ подать письмо, писанное самимъ батенькою.

Начальникъ прочелъ и взглянулъ на насъ внимательно. Потомъ сказалъ руководителю нашему:

— Ну, что-жь?

— Сейчасъ, сказалъ Галушкинскій и началъ «дѣйствовать».

Первоначально внесъ онъ три головы сахару и три куска выбѣленнаго тончайшаго домашняго холста.

Начальникъ сказалъ меланхолично:

— Написать ихъ въ синтаксисъ.

Домине Галушкинскій не унывалъ. Поклонясь, вышелъ и вошелъ, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ.

Реверендissime, приподнявъ голову, сказалъ:

— Они могутъ быть и въ питикѣ.

Наставникъ нашъ не остановился и втащилъ три боченочка: съ вишневою, терновкою и сливянкою.

Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ:

— Впрочемъ, зачѣмъ глушить талантъ ихъ? Когда дома такъ хорошо все приготовлено (причемъ взглянулъ на все принесенное отъ насъ домашнее), то вписать ихъ въ риторику.

Домине Галушкинскій остановился, поклонился низко и началъ говорить съ нимъ на иностранномъ діалектѣ...

«О, батенька и маменька! — думалъ я въ то время, — зачѣмъ поскупились вы прислать своей отминой грушовки, славящейся во всемъ околоткѣ? Насъ бы признали прямо философами, а чрезъ то сократился бы курсъ ученія нашего, и вы, хотя и вдругъ, но, быть можетъ, меньше заплатили бы, нежели теперь, уплачивая за каждый предметъ!»

Тутъ я началъ прислушиваться къ разговору реверендissima начальника съ домине Галушкинскимъ. Перваго я не понималъ вовсе: конечно, онъ говорилъ настоящимъ латинскимъ, доминe же нашъ хромалъ на обѣ ноги. Тутъ была смѣсь словъ: латинскаго, бурсацкаго и чистаго російскаго языка. Благодаря такого рода изъясненію, я легко понялъ, что онъ просилъ за старшихъ братьевъ помѣстить ихъ въ риторику, а меня, вмѣсто инфимы, «по слабому» написать въ синтаксисъ, обѣщая заняться мною особенно и такъ, чтобы я догналъ братьевъ.

Реверендissime кивнулъ головою и сказалъ:

— Вепе, согласенъ. Ты знаешь, что должно дѣлать, исполни.—И, проговоривъ еще чистыхъ латинскихъ словъ нѣскольکو, коихъ я не понялъ, отпустилъ насъ.

Домине Галушкинскій обходилъ съ нами помощника и другихъ учителей. Мы кланялися имъ, подносили гостинцы, соотвѣтственно званію и вѣсу ихъ въ училищѣ, и возвратилися въ квартиру — братья «риторами», а я, мизерный, синтактикомъ! Чтѣ дѣлать!

О благословенная старина! Не могу не похвалить тебя! Какъ было покойно и справедливо. Напримѣръ, дѣти богатыхъ родителей — зачѣмъ имъ безпокоиться изнурять здоровье свое, главнѣйшее — истощать желудокъ свой, мучиться вытверживаніемъ тѣхъ наукъ, которыя не потребуются отъ нихъ чрезъ весь ихъ вѣкъ? Подарено, — а подарить есть изъ чего, — и дѣтямъ приписаны всѣ знанія и приданы имъ ученія званія безъ потери времени и ущерба здоровья... Теперь же?.. Морозъ подираетъ по кожѣ! Головы сахару, штофы, боченки, хотя удвойте ихъ — ничто не доставитъ вовсе ничего. Бѣдные молодые люди теперешняго вѣка! хотя тресните, а должны всѣ науки выучить, какъ буки азъ—ба. А сколько умножилось наукъ! Сколько выраженій, словъ, надъ изобрѣтеніемъ которыхъ иной просиживалъ цѣлыя ночи — и въ награду, значенія ихъ никто и даже самъ онъ, выдумщикъ, никакъ не понимаетъ и изъяснить не можетъ! O tempo, o mores! — невольно восклицаю я ученую фразу, невольно уцѣлѣвшую въ памяти моей... Обы-

чай начальства измѣнились въ приѣмѣ ищущихъ свѣта ученія... Гдѣ ты, блаженная старина?... Возвратишься ли?.. Грустно!..

Но будемъ продолжать. Тутъ увидите, какая разница послѣдовала въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, и что я долженъ былъ вытерпѣть, опредѣляя въ ученіе Миронушку, Вторушку, Савушку, Томушку и Трофимушку, любезнѣйшихъ сыновей моихъ.

Наступилъ день открытія ученья. Ни ѣвши, ни пивши, мы поведены въ школы. Братья, какъ риторы, пошли особо, а я въ препровожденіи выше-сказаннаго хлопча Юрка поплелся въ свой синтаксисъ, который и называть съ трудомъ могъ. Въ школу вступилъ я очень равнодушно, предоставляя все случаю, а самъ рѣшился, по наставленію нѣжнѣйшей маменьки, не перенимать ни одной изъ всѣхъ наукъ, вообще глупыхъ и глупыми людьми отъ праздности выдуманныхъ. Итакъ, я принялъ твердое и непоколебимое намѣреніе «не учиться съ жаромъ», а жить свободно, какъ хочу, по вольности моей шляхетской породы. Будутъ наказывать? Правда, больно и даже, утвердительно скажу, очень больно, но и панъ Кнышевскій и домине Галушкинскій говаривали, что «все начинающееся оканчивается», а потому хотя и начнутъ сѣчь, но, по естественному порядку, какъ и по опыту знаю, перестанутъ. Притомъ же, послѣ сѣченія, какъ бываетъ человекъ или мальчикъ живъ, одушевленъ, развязенъ — сылаюся на всѣхъ, кто испыталъ на себѣ сѣченіе. До сихъ поръ не знаю настоящей тому вины: физическое ли это слѣдствіе, что отъ экспе-

римента кровь придетъ въ быстрое кругообращеніе, и оттого человекъ дѣлается веселѣе, быстрѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, или тому причиною душевное состояніе человека, когда онъ знаетъ, что его наказали и больше съѣчь не будутъ. Но что бы ни было, только послѣ сѣченія положеніе восхитительное! Но оставимъ одну половину этого ученаго разсужденія: выгодно ли не учиться? и обратимся къ другой: какую пользу приносить ученіе?

Положимъ, что я въ молодыхъ лѣтахъ поглотилъ всю премудрость, изученъ всему отличнѣйшимъ образомъ, достоинъ вовсе ученія степени. Но, вступивъ въ свѣтъ, скажите, пожалуйста, когда и на что пригодятся науки? Жить своимъ домомъ, въ хозяйствѣ, на охотѣ—скажете? Тутъ ихъ совсѣмъ не спросятъ. При женитбѣ и того болѣе. Хотя проглоти всю халдейскую премудрость, а египетскою закуси, такъ все не распознаешь права въ невѣствѣ до брака, а потомъ не примѣнишься къ капризамъ, когда станетъ женою твоею. Есть на свѣтѣ и неученые, и живутъ себѣ изряднехонько. И я туда же пойду, куда и выслушавшіе всю премудрость. Когда батенька и маменька помрутъ, и мы съ братьями раздѣлимся имѣніемъ, такъ на мою долю придется порядочная часть, и тогда къ чему мнѣ науки? Меня почтутъ люди, навѣщающіе меня, такъ же, какъ и ученаго.

Скажете: нужно учиться для того, чтобы читать книги. Вотъ еще что выдумали! Что изъ того, если онъ достигнуть цѣли, для какой пишутся, т. е. чтобы насъ усыплять? И, правду сказать, какъ усы-

пляютъ, а особливо—канальскія!—съ пышными заглавіями, съ цвѣтистыми обертками, съ значительными точками, съ умышленными пробѣлами... Это чудо что за книжки! Полагаю, что не родился человекъ, чтобы ихъ до конца дочитать; уснетъ—будь я каналья, когда не уснетъ, по опыту говорю, знатно уснетъ. Такъ неужели для того, чтобы самому уснуть или усыплять другихъ, губить въ принужденіи золотую молодость, тратить время, нужное на игры и веселья, разстраивать здоровье принужденнымъ сидѣніемъ и удаленіемъ отъ пищи? На что это похоже? Меня и простой сказочникъ такъ же усыпитъ, какъ и лучшая повѣсть или романъ въ 4-хъ (уфъ!) частяхъ.

При томъ же, маменька моя правду говаривали: ничто такъ человеку не нужно, какъ здоровье; съ нимъ можно все и много кушать, а кушая все, подерживаешь свое здоровье. Пирогъ сдѣланъ для вмѣщенія начинки, а начинка сдобриваетъ пирогъ; такъ и человекъ съ своимъ желудкомъ. Науки же—настоящіе «глисты»: изнуряютъ и истощаютъ человека хоть брось.

Основавшись на такомъ ясномъ и справедливомъ заключеніи моей маменьки, женщины хотя и неученой, но съ большимъ количествомъ здраваго разсудка, и потому видящей всѣ вещи въ настоящемъ видѣ, цвѣтѣ и мѣрѣ, и сходно съ моими понятіями, явсѣмъ моимъ разсужденіямъ произнесъ слѣдующій результатъ: «тьфу!» и, произнеся это маменькино любимое выраженіе и, по примѣру ихъ, плюнувъ въ самое дѣлѣ, вступилъ «въ синтаксисъ» съ видомъ самодовольства.

Насъ, синтаксистовъ, было большое число, и все однолѣтки. До прихода учителя, я подружился со всѣми до того, что нѣкоторыхъ приколотилъ и отъ другихъ былъ взаимно поколоченъ. Для перваго знакомства, дѣлашли хорошо. Звонъ колокольчика возвѣстилъ приходъ учителя и мы поспѣшили кое-какъ усѣсться. Имѣя отъ природы характеръ меланхолическій, т. е. комплекцію кроткую, застѣнчивую, я не любилъ выставляться, а потому и сѣлъ далѣе всѣхъ: правда, съ намѣреніемъ, что авось-либо меня не замѣтятъ, а потому и не спросить.

Учитель открылъ классъ рѣчью, прекрасно сложенною, и говорилъ очень чувствительно. О чемъ онъ говорилъ, я не понималъ, потому что и не старался понимать. Къ чему рѣчь, написанную по правиламъ риторики, говорить передъ готовящимися еще слушать только синтаксисъ? Пустыя затѣи! При всякой его остановкѣ для перевода духа, я, кивая головою, приговаривалъ тихо: «говори!»

Рѣчь кончилась и учитель каждому изъ насъ замѣтилъ, что мы должны были на завтра выучить. Съ тѣмъ насъ и распустили.

«Напрасно беспокоитесь, доmine учитель! — разсуждалъ я, поспѣшая къ трудолюбивой бабушкѣ, съ развѣта заботившейся о пирожкахъ къ завтраку нашему. — Учить вашего урока не буду и не буду».

О, да и позавтракалъ же я въ тотъ день знатно!...

Доmine Галушкинскій цѣлый день не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, твержу ли я свой урокъ и чѣмъ занимаюсь. А въ силу того, я въ книжку и не

заглядывалъ, а цѣлый день проигралъ съ сосѣдними ребятишками въ бабки, свайку и мячъ.

Утромъ доmine приступилъ прослушивать уроки панычей до выхода въ школы. Какъ братья учились и какъ веля себя, я рассказывать въ особенности не буду: я знаю себя только. Дошла очередь до моего урока. Я ни въ зубъ не зналъ ничего. И могли ли я что нибудь выучить изъ урока, когда онъ былъ по-латыни? Доmine же Галушкинскій насъ не училъ буквамъ и складамъ латинскимъ, а шагнулъ впередъ по верхамъ, заставляя затверживать по-слуху. Моего же урока даже никто и не прочелъ для меня, и потому изъ него я не зналъ ни словечка.

Доmine инспекторъ принялся меня ужасно стыдить, напоминая мнѣ шляхетское мое происхождение, знатность рода Халявскихъ и въ conclusio — такъ называлъ онъ — запретилъ мнѣ въ тотъ день ходить въ школу.

— Стыдно-де и мнѣ, что мой ученикъ, на первый классъ, неисправенъ съ урокомъ.

Я, для приличія, потушилъ голову, яко бы устыдясь, а ей-Богу, по совѣсти и чести говоря, внутренно радовался, что не обязанъ идти въ школу. Вотъ еще нужда мнѣ до знаменитыхъ Халявскихъ, предковъ моихъ! Мнѣ къ нимъ дѣла нѣтъ, и они меня не знай. Съ чего я буду мучиться надъ проклятыми именительными и родительными? Что тутъ общаго съ заслуженною славою предковъ моихъ? Предки мои не знали этихъ пустяковъ, то и не взыщутъ, хоть доmine инспекторъ тресни себя съ досады, что потомокъ ихъ презираетъ всю учебную

галиматью. Такъ я размышлялъ, а бабуся, между тѣмъ, украшала столъ пирожками, блинами, варениками... Ну, прелесть, заглядѣніе!... Какъ вдругъ, жестокосердый доминѣ изрекъ приговоръ:

— Доминѣ Трушко не вытвердилъ урока, за то въ классъ не пойдетъ; а когда въ классъ не пойдетъ, ergo — не долженъ участвовать въ завтракѣ.

Вообразите мое положеніе! Я былъ какъ громомъ пораженъ, и я, бывъ маменькиной комплекціи, хотѣлъ сомлѣть, но меня прорвало слезами... да какими?... изобильными, горькими.... Я ревѣлъ, кричалъ, воилъ, но доминѣ Галушкинскій оставался непреклоненъ и, съ братьями моими, сокрушилъ все предложенное имъ. Чѣмъ меньше оставалось прелестей на столѣ, тѣмъ сильнѣе я ревѣлъ, теряя всякую надежду позавтракать вкусно.

Наконецъ, жестокій Галушкинскій усилилъ скорбь мою, давъ слезамъ моимъ превратный, обидный для меня толкъ. Онъ, уходя, сказалъ:

— Утѣшительно видѣть въ вашицѣ благородный гоноръ, заставляющій васъ такъ страдать отъ стыда; но говорю вамъ, доминѣ Трушко, что если и завтра не будете знать урока, то и завтра не возьму васъ въ классъ.

Съ сими словами онъ вышелъ съ братьями моими.

— Слѣдовательно (должно бы сказать мнѣ, какъ учащемуся латинской премудрости, ergo; но какъ я ужасно сердился на все латинское, то сказалъ по-россійски), слѣдовательно, я и завтра безъ завтрака? Я хотѣлъ показать моему учителю, что меня

не лишеніе класса терзаетъ, я хотѣлъ бы и навѣкъ отъ него избавиться, но существенная причина... но онъ уже ушелъ, не слыхавши словъ моихъ, что и вышло къ лучшему.

Пожалуйте. По уходѣ ихъ, я въ сильной горести упалъ на постель и разливался въ слезахъ. Въ самомъ же дѣлѣ, если безпристрастно посудить, то мое положеніе было ужаснѣйшее! Лишиться въ жизни одного завтрака!... Положимъ, я сегодня буду обѣдать, завтра также будетъ изобильный завтракъ; но гдѣ я возьму сегодняшній? Увы! онъ перешелъ въ желудки братьевъ и наставника, слѣдовательно, — а всетаки не ergo — поступивъ въ вѣчность, погибъ для меня безвозвратно.... Горестъ убивала меня...

Но геній — утѣшитель бодрствовалъ близъ меня...

— Паныченько! не хотите ли вы чего нибудь покусить? — услышавъ я сладкій, въ то мгновеніе, голось бабуся, дергающей меня за руку, которою я закрылъ слезящія очи мои.

— Чего тамъ... у... уже... когда... все... по... по... покушали! — отвѣчалъ я восхлипывая.

— Какое покушали? Я вамъ всего оставила, да еще и больше и лучшенькое.

Никакая гармонія такъ не услаждала человѣка, какъ усладили меня эти, повидимому, простые слова; но какава была въ нихъ сила, звучность, жирность!...

Я посиѣшилъ приподнять голову... о восторгъ!... На столѣ пироги, вареники, яичница, словомъ — все то, лишеніе чего повергло меня въ отчаяніе.

Я перескочилъ разстояніе отъ кровати къ столу

и принялся... Ахъ, какъ я ѣлъ!... вкусно, жирно, изобильно, живописно и, вдобавокъ, полновластно, не обязанный спѣшить изъ опасенія, чтобы товарищъ не захватилъ лучшихъ кусочковъ.... Иному все это покажется мелочью, не стоящею вниманія, не только разказа; но я пишу о томъ вѣкъ, когда люди «жили», т. е. одна забота, одно попеченіе, одна мысль, одни разказы и сужденія были все о ѣдѣ: когда ѣсть, что ѣсть, какъ ѣсть, сколько ѣсть. И все ѣсть, ѣсть и ѣсть. И жили для того, чтобы ѣсть.

Восхитительная музыка при моемъ завтракѣ такъ бы не усладила меня, какъ слѣдующій разказъ бабуси:

— Кушай, паныченько, кушай, не жалѣй матушкинаго добра. Покушаешь это, я еще подамъ. Какъ увидѣла я, что тебя хотятъ обидѣть, такъ я и припрятала для тебя все лучшенькое. Такъ мнѣ пани приказала, чтобъ ты не голодовалъ. Не тужи, если тебя не будутъ брать въ школу: я буду тебя подкармливать еще лучше, нежели ихъ.

Баста! Бабусины слова еще болѣе усилили во мнѣ отвращеніе къ ученію. И я далъ себѣ и бабуся торжественное обѣщаніе, сколько можно рѣже быть достойнымъ входа въ училище, имѣя въ виду наслаждаться жизнью. Далъ—и сдержалъ свое благородное, шляхетское, какъ прилично потомку знаменитыхъ Халявскихъ, слово: весьма рѣдко выучивалъ задаваемые уроки и выучиваемаго не старался помнить. То, по наученію бабуси, прикидывался больнымъ, лежа въ теплой комнатѣ подъ двумя ту-

лупами, то будто терялъ голосъ и хрипѣлъ такъ, что нельзя было разслушать, что я говорю, — что дѣлалъ я мастерски! И много, подобныхъ тому, средствъ, кои въ подробности передалъ уже моимъ любезнѣйшимъ сыночкамъ при опредѣленіи ихъ въ училище, какъ полезное имъ для сбереженія здоровья ихъ, но не на таковскихъ напалъ! Это ужасъ, какъ различно отъ меня мыслятъ дѣти мои; послушайте только ихъ. Говорю и утверждаю: свѣтъ вывороченъ на изнанку.

Сказано мною выше, что братья мои признаны были риторамъ, но какъ вовсе не знали предыдущихъ риторикѣ наукъ, то доmine Галушкинскій преподавалъ ихъ дома. Къ рѣчи скажу: что это за голова была у нашего инспектора! Онъ только того не зналъ, чего не было на свѣтѣ или въ природѣ. Примется ли за грамматику? такъ и пожинаяетъ ее! Именительныхъ, родительныхъ, къ чему хотите, кучами навалить. Прошедшее, будущее—это какъ искры сыпятся, и не заикнется ни на одномъ словѣ. Когда доходило до лицъ, то онъ представлялъ въ лицахъ: онъ былъ я, Петруся былъ ты, Павлуся онъ, я же по тупоумію всегда былъ оно, среднее лицо. И тутъ какъ примется, такъ на всякое слово всѣ и дѣйствуютъ: и я, и ты, и онъ; также и во множественномъ. Куда—всего и пересказать не можно, а онъ все это изъ книжки такъ и дѣйствуетъ, не запынаяся.

Въ стихотворствѣ опять: это на удивленіе! Не только зналъ, что есть хорей, ямбы—чортъ знаетъ что тамъ еще! Не только училъ, какъ по нимъ со-

чинять, но и самъ сочинялъ преотличные стихи, какіе хотите, длинныя, короткія, мужскія, женскія... Да какъ напишетъ такихъ стиховъ листахъ на двухъ, станетъ читать, такъ это прелестъ!.. Всѣ такъ и уснемъ на первой страницѣ.

Отъ своего дарованія возбудилъ онъ и въ насъ страсть къ стихотворству. Братья хотѣли попробовать себя въ сочиненіи и попросили у домине инспектора мѣры на стихи. Онъ далъ мѣрку не длинную, такъ, вершка три не больше длины (теперешнимъ стихотворцамъ эта мѣра покажется короткою, но увѣряю васъ, что въ наше время длиннѣе стиховъ не писали, разумѣется, стихотворцы, а не стихоплеты; имъ законъ и въ наше время не былъ писанъ), притомъ преподавалъ правила, чтобы мужской и женскій стихъ слѣдовали постоянно одинъ за другимъ и чтобы рѣмы были богатыя.

Принялись наши молодцы за стихотворство, и, написавъ, подали домине Галушкинскому, сѣвшему за столъ, съ мѣркою въ рукахъ. И что же? Петруся, какъ выше обыкновеннаго ума, полетѣлъ и полетѣлъ! Ни одинъ стишокъ не пришелся въ мѣру: то уже длиненъ черезчуръ, то коротокъ; рѣмы набраны были словно поднятыя изъ валяющихся на улицѣ—такъ извѣянилъ наставникъ. У Павлуся же стихи вышли на удивленіе! Во-первыхъ, всѣ въ одну мѣрку; уже какъ ее ни прикладывалъ домине, все точь-въ-точь, ни длиннѣе, ни короче. Стихи мужской и женскій, съ богатыми рѣмами, шли безпрестанно. Напримѣръ, впереди Агаѳонъ, рѣма ему самая богатая—милліонъ. За Агаѳономъ Ма-

рина, рѣма—гривна, конечно, не такъ богата, но и домине Галушкинскій сознался, что женскихъ богатыхъ рѣмъ мало. Пожалуйте же. За Мариною—Омельянъ, рѣма—имперіаль, тутъ вслѣдъ по правиламъ: Аграпина, рѣма—полтина. И такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ томъ же порядкѣ. Въ рѣмахъ даже грошъ не былъ включенъ, не только копѣйка. Я вамъ говорю, что все были богатыя. Это же я сказалъ объ окончательныхъ словахъ, а въ строчкахъ что было, такъ прелестъ! Изобильная бакча на Парнасъ... богини на вечерницахъ... всѣ боги пьяны... Да это чудо, что тамъ было въ стихахъ! Домине Галушкинскій даже облизывался, читая. У Петруся все не такъ: у него все страшные, военные, съ пушечною пальбою; и какъ выстрѣлить пушка и начнутъ герои падать, такъ такое и къ множеству поразить, что изъ мѣрки вонъ; а чрезъ то и не получилъ одобренія отъ наставника.

Стихотворство увлекательно. Какъ ни ненавидѣлъ я вообще ученія занятія, но стихи меня соблазнили и я захотѣлъ написать маменькѣ поздравительныя съ наступающимъ новымъ годомъ. Чего для, притворясь больнымъ, не пошелъ по обыкновенію въ школу, а, позавтракавъ, сдѣлавъ самъ себѣ мѣрку, принялся и къ обѣду написалъ:

Когда я проходилъ,
То лѣзъ мимо крокодиль,
Превеликой величины,
И несъ въ зубахъ кусокъ ветчины...

Все шло хорошо. Мужская и женская, крокодиль и ветчина—правильно, слова нѣтъ, но не приискалъ богатства для рѣмы, а пуще всего бился

я съ мѣркою стиховъ. Никакъ не слажу! Въ короткій стихъ не найду словъ, чтобъ вытянуть его; изъ длиннаго — не придумаю, какое слово выкинуть, чтобъ укоротить стихъ... Возился-возился, ужъ я и палецъ приставлялъ ко лбу, какъ дѣлывалъ доминѣ Галушкинскій, все ничего. И я среди такимъ размышленій крѣпко заснулъ. Ни одному нашему брату стихотворцу не стоили такъ дорого оды его, какъ мнѣ эти два стишка; но, къ несчастію для потомства, этотъ пушистый, махровый цвѣтокъ россійской словесности, не распутившись, увялъ навсегда!!!

Къ Рождественскимъ святкамъ мы должны были возвратиться домой. Батенька приказывали намъ привезти свидѣтельства объ ученіи и поведеніи нашемъ. Не знаю, какіе аттестаты получили братья; полагаю, что не дурные, потому что Петруся боялись не только риторы, но и самые философы: онъ безъ вниманія оставлялъ ученость ихъ, а, въ случаѣ неповиновенія и противорѣчія, тузилъ ихъ храбро; никто не смѣлъ ему противоборствовать. Да и на кулачныхъ бояхъ, куда мы ходили подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ учителей, подъ простою одеждою скрывавшихъ свою знаменитость, и тамъ Петруся былъ законодателемъ; въ какой стѣнѣ стоялъ онъ, тамъ была и побѣда. Высокъ ростомъ, широкоплечъ, мужественъ, неустрашимъ, храбръ, горячъ, вспыльчивъ, за бездѣлицу, кого бы ни было, тотчасъ по мордасу — и выходитъ на кулаки; все трепетало его. Онъ отъ фортуны одаренъ былъ всѣми геройскими достоинствами! Какъ же тому не получить, по всей справедливости, лучшаго атте-

тата? Одинъ изъ начальствующихъ въ училищѣ говаривалъ про него: «завидный молодець! сильный по роду, сильный по богатству, сильный по силѣ своей».

Братъ Павлусъ другими достоинствами пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Природою обиженный въ своей «натуральности», какъ выражались о немъ учителя, — онъ богатъ былъ хитрымъ, тонкимъ, изобрѣтательнымъ умомъ. Чтобы имѣть большій кругъ для дѣйствій своихъ, онъ присталъ къ бурсакамъ, и, чистосердечно сказать, его способами они роскошествовали въ пищѣ и прочемъ. Изъ всѣхъ подвиговъ его вкратцѣ скажу: онъ выходилъ всегда на рынокъ, припасши на бѣломъ конскомъ волосѣ, связанномъ длиною сажень въ пять, удочку, закрытую какимъ нибудь лакомствомъ для птицы. На каждомъ рынкѣ обыкновенно ходятъ домашнія птицы: куры, гуси, индѣйки, и живутся крохами. Въ кучу ихъ Павлусъ броситъ удочку и, съ волоскомъ, отойдетъ далѣе, поджидая, пока удочку его схватитъ индѣйскій пѣтухъ. Тутъ Павлусъ побѣжитъ изо всей силы, а бѣдный пѣтухъ, чувствуя боль въ горлѣ, не можетъ сопротивляться тянущей его удочкѣ, бѣжитъ какъ взбѣсившійся, голову протянувъ, глаза выпучивъ и растопыривъ крылья. Народъ, не примѣчая бѣгущаго впереди школяра и также волоска, коимъ тащится пѣтухъ, смотритъ на необыкновенное положеніе птицы, удивляется, кричитъ: «гляди, гляди! вотъ чудесія! сказался индикъ!» Въ воротахъ бурсы встрѣчаютъ побѣдителя съ триумфомъ, а добычу, схвативши, немедленно зарѣзываютъ и, на-бѣгу,

ощипываютъ перья, и чуть только вбѣгутъ на кухню, кидаютъ въ котелъ.

Снабдивъ такимъ и подобнымъ образомъ бурсаковъ пищею, братъ Павлуся позаботится о снабженіи ихъ и питейной частью. Для сего онъ приищеть широкую шинель, уберетъ ее какъ-то хитро и мудро, спрятавъ подъ нее два штофа, на особыхъ шнуркахъ,—и, наполнивъ одинъ водою, а другой оставивъ пустымъ, идетъ въ шинокъ. Тамъ онъ рѣшительно требуетъ наполнить пустой штофъ водкою и спросить смѣло, сколько слѣдуетъ за водку денегъ? Штофъ же съ полученною водкой спрячетъ за горбъ свой. Услыпавъ же, что должно за штофъ водки заплатить двадцать копѣекъ, онъ разсердится, перебранитъ шинкаря и, будто въ досадѣ, вытащитъ опять назадъ штофъ, но искусно подмѣнитъ на тотъ, что съ водою, и выливаетъ ее въ кадку, крича, что ему такой дорогой водки не надо. Шинкарь, не имѣя времени съ нимъ торговаться и спорить, почитая, что онъ свою водку получилъ обратно, отгоняетъ его отъ кадки. Павлуся въ торжествѣ спѣшитъ въ бурсу, гдѣ и получаетъ должную признательность.

То ли онъ дѣлывалъ, ходя по рынку и собирая секретно бублики, палянницы, яйца, макъ и проч., и проч.! И надобно отдать честь его проворству производить и необыкновенной способности изворачиваться, когда бывалъ замѣченъ и изболочаемъ въ дѣйствіяхъ своихъ: о, онъ всегда былъ правъ!.. Нѣтъ, еслибы не уродливость его, онъ пошелъ бы далеко, къ чести фамиліи Халявскихъ.

И такому таланту не дать аттестата? Слѣдовало бы писать все его дѣянія и тонкости и нанечатать большою книгою и приложить картинки. Пусть бы теперешніе молодые люди читали и, подражая, изощряли бы свой умъ. Но куда имъ!

Домине инспекторъ, пользы ради своей и выгодъ, исходатайствовалъ и мнѣ свидѣтельство, въ коемъ сказано было, что я «былъ въ синтаксическомъ классѣ и какъ за ученіе, такъ и за поведеніе никогда наказываемъ не былъ». Все правда. Я бывалъ въ классѣ, но выучивалъ ли что, или вовсе ничего, никто не наблюдалъ; а какъ я очень, очень рѣдко приходилъ, то и поведеніе мое не было никому извѣстно. Когда другіе мучились, слушая всякаго рода глупости на російскомъ и латинскомъ языкахъ, я преспокойно выслушивалъ замысловатыя сказки, которыя мнѣ поочередно рассказывали бабуса и Юрко, или игралъ съ ними въ свайку, въ карты и тому подобное. Наказывать меня, кромѣ домине Галушкинскаго, никто не могъ; а я очень хорошо зналъ, что онъ боялся немилости маменькиной, и потому не трогалъ меня и пальцемъ.

Батенька, не добравшись хорошенько до настоящаго смысла, очень довольны были таковымъ засвидѣтельствомъ и наравнѣ съ братьями, по приѣздѣ нашемъ домой, пожаловали и мнѣ въ гостинецъ свѣжее зимнее яблоко.

Радость же маменьки при видѣ дѣтей ея,—и, кажется, болѣе всехъ меня,—возвратившихся здоровыми и не похудѣвшими, была неописана. Я даже

заболѣлъ: такъ меня закармли и жаренымъ, и сладкимъ.

Когда же маменька узнали, что домине Галушкинскій, по условію съ ними, секретно отъ батеньки сдѣланному, не изнурялъ меня ученъемъ, то пожаловали ему съ батенькиной ши черныи платокъ, а другой новый бумажный для кармана, чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ и благодаренъ. Да кромѣ того вотъ еще что:

По прїѣздѣ, я нашелъ въ домѣ нѣкоторыя перемѣны. Въ маменькиной спальнѣ, на лежанкѣ, стоялъ мѣдный сосудъ, коего употребленія я еще не зналъ. По врожденному во мнѣ любопытству, я разспрашивалъ объ этомъ сосудѣ и къ чему онъ пригоденъ. Маменька сказали мнѣ, что это «самоваръ»; въ немъ-де грѣется вода, а изъ воды готовится напитокъ, называемый чай, который «хотя и дорогъ, бестія!» (такъ маменька выразили), но какъ вездѣ входитъ въ употребленіе, то и онъ, чести ради рода нашего, завели его у себя и Хиврю отдали въ науку готовить чай, и она его мастерски готовить. При чемъ обѣщали полакомить насъ завтра этимъ напиткомъ.

— Оно, правда, и вкусное (такъ говорили маменька), но какъ-то противно не ѣвши, не пивши употреблять его. Ты, Трушко, завтра сдѣлай такъ, какъ я дѣлаю въ то утро, когда готовятъ чай: сбѣгай въ булочную, тамъ будутъ къ завтраку готовить пирожки, блины и булочки; такъ ты похватай тамъ чего побольше, да и употребляй тогда смѣло чай: онъ тебѣ покажется прїятенъ. Вотъ кофе

такъ не могу пить, съ души воротить, хотя его и послѣ обѣда должно принимать. Я его и не завожу и не посылаю Хиври учиться приправлять его. Разъ только я пила его у своей кумы Алены Васильевны — да тѣфу!

При семъ маменька, поверотаясь въ ту сторону, гдѣ живетъ Алена Васильевна, плюнули отъ негодованія на ея кофе.

Пожалуйте же, что тутъ за комедія вышла на другой день. Вотъ мы собрались всѣ около стола, на которомъ уже шумѣлъ самоваръ, а Хивря хлопотала около него и только знай закидывала свои длинные волосы на затылокъ, чтобъ не падали въ чашки, что насъ очень веселило. Маменька, по заботливости своей, растолковали намъ, какъ выливать чай изъ чашки въ блюдце, какъ дуть, чтобы остудить, и какъ потомъ закрыть чашку. Все готово, и намъ подали по чашкѣ чаю. Я исполнилъ по маменькиному предварительному совѣту и нахватался въ булочной разной стряпни до жажды, и оттого чай показался мнѣ удивительнымъ напиткомъ, равно какъ и братьямъ моимъ. Правда, запахъ и вкусъ былъ настоящаго мыла, потому что маменька намъ такъ говорили:

— Этой проклятой травы нельзя ни съ чѣмъ держать, такъ и принимаетъ чужой запахъ. Это благоразумная Хивря держитъ чай въ одномъ сундукѣ съ мыломъ...

Вдругъ, при этомъ словѣ, маменька крѣпко разгнѣвались, покраснѣли, какъ кровь, и напустилися на Хиврю, чайную стряпуху, за чѣмъ она такъ много

воды навела въ чайникѣ: больше чашки оставалось, куда съ нею дѣваться? Жирно будетъ, какъ этакой дорогой напитокъ да выливать! Вотъ что развѣ сдѣлать, — сказали маменька и повеселѣли, что не пропадетъ чайная вода.

— Позовите-ка Галушку сюда!

Такъ маменька, какъ уже извѣстно, называли его, не гнѣваясь и не въ укоръ. Домине, какъ мы по-иностранному называли, онѣ не могли выговорить, потому что не учились иностраннымъ языкамъ; паномъ, какъ его звали батенька, не хотѣли отъ благородной амбиціи и говорили: «какъ же васъ (т. е. батеньку) величать, когда школяръ будетъ панъ»? Всей же фамиліи «Галушкинскій» не могли выговорить, потому что, не зная русской грамоты, не могли понять, отъ чего оно четырех-сложенное, а чтобъ разобрать, что «Галушкинскій» есть часть рѣчи и именно имя, и отличить: существительное ли оно, прилагательное, нарицательное, собирательное — куда, имъ бы и въ десять лѣтъ не толковать въ понятіе! Такъ оттого и называли онѣ его просто и кратко и ясно: «Галушка».

Пожалуйте. Вотъ и пришелъ доминѣ «Галушка». Маменька изъ своихъ рукъ поднесла ему чашку чаю. Доминѣ началъ отказываться, что онъ ничего хмельного во всю Филипповку въ ротъ не беретъ.

Маменька, боясь, чтобъ онъ вовсе не отказался, тогда куда бы дѣвать этотъ чай, — даже побожились, увѣряя, что этотъ напитокъ вовсе не хмельной.

Реверендissime взялъ чашку, поклонился батенькѣ и маменькѣ и, на штатскомъ языкѣ, про-

изнесъ желанія здравія, во всемъ преуспѣянія, изобилія въ достаткѣ, веселія въ чувствахъ, отриновенія въ горестяхъ и т. п.; и при послѣднемъ словѣ хлебнуль, не наливая, какъ бы должно, въ блюдо, а прямо изъ чашки... Обжегся сильно, дѣлалъ разныя гримасы и признавался послѣ, что только стыда ради не швырнулъ чашку о полъ.

Мы, глядя на его дѣйствія и замѣшательство, катались отъ смѣха... Кое-какъ выпилъ доминѣ свою чашку и — опять замѣшательство! Не накрывши чашки, поднесъ ее къ маменькѣ.

— А заськи не хочешь? — крикнула на него маменька. НВ. Онѣ обращались съ нимъ безъ политики. — Это другой холодецъ (см. выше)! Разжирѣешь, по двѣ чашки пивши. Благодари и за одну.

Доминѣ инспекторъ былъ какъ во тьмѣ, не понимая причины гнѣва маменькинаго, но батенька, объяснивъ ему, въ чемъ онѣ неполитично поступили, тутъ же открыли ему правила, необходимыя при употребленіи чаю. Доминѣ, въ пристойно учтивыхъ выраженіяхъ, просилъ извиненія, оправдываясь, что для него это была первина, и все устроилось хорошо; другой чашки ему не подали теперь, да и впродъ болѣе не дѣлали ему подобнаго отличія.

Кстати еще одно замѣчаніе объ этомъ восхитительномъ напитокѣ, чаѣ. Въдъ надобно же родиться такому уму, какой гнѣзвился въ необыкновенно большой головѣ брата Павлуса! Всѣ мы пили чай: и батенька, и маменька, и мы, и сестры, и доминѣ Галушкинскій, но никому не пришло таковой сча-

стливой догадки и богатой мысли. Онъ, выпивши свою чашку и подумавши немного, сказалъ:

— Напитокъ хорошъ, но самъ по себѣ прѣсенъ очень; рюмку водки сюда, и все бы исправило.

Мы всѣ, батенька засмѣялись, но на повѣрку вышло, что онъ правду говорилъ. Братья нашли способъ вынуть у маменьки секретно всего нужнаго къ опыту и начали свои опыты и не нахвалились открытіемъ. Домине Галушкинскій всегда говорилъ:

— Это вещь сицевая, лучше олимпийскаго нектара.

И такая благодарность потомства къ первымъ изобрѣтателямъ! Чтобъ недалеко уходить, я вамъ укажу на два разительные примѣра. Кто открылъ четвертую часть свѣта?— Христофоръ Колумбъ. Назвали ли ее въ честь его? То-то же! Я думаю, ни у одного американца нѣтъ и портрета его. Это первый примѣръ. Второй: кто первый изобрѣлъ прѣсность чая сдобривать и дѣлать напитокъ вкуснымъ и полезнымъ? Исторически доказываю, что тайну сію постигъ первый и не скрылъ отъ потомства «Малороссійскаго Лубенскаго казачьяго полка подпрапоренко, Павелъ Мироновичъ Халявченко (онъ умеръ холостымъ, и потому не могъ именоваться полнымъ «Халявскимъ», но какъ юноша—Халявченкомъ); но отдастъ ли ему потомство признательность—сомнѣваемся по первому примѣру. Сколько ни пьютъ, по-иностранному называемый, пуншъ (въ относительномъ смыслѣ «Америка»), но никто не вспомнить о первомъ изобрѣтателѣ. Хотя бы изъ національной гордости включили имя Павлуса въ

списокъ людей, своими изобрѣтеніями бывшихъ полезными «людимству». НВ. Предлагаю новое слово, замѣняющее и имѣющее другой смыслъ и понятіе, нежели «человѣчество». И я увлекся духомъ времени!

Оставляю ученые разсужденія и обращаюсь къ своей матеріи. Батенька не хотѣли наслаждаться одни удовольствіемъ, доставляемымъ ученостью сыновей своихъ, и пожелали раздѣлить оное съ искренними пріятелями своими. На таково конецъ затѣяли позвать гостей обѣдать на святкахъ. И перебрали же маменька и званыхъ гостей, и учившихъ насъ, и кто выдумалъ эти глупыя науки! И все однакожъ тихомолкомъ, чтобъ батенька не слышали; всѣ эти проклятія шли въ уши поварки, когда приходила требовать масла, соли, окпета, родзынковъ и проч.

Вотъ и пріѣхали: Алексій Пантелеймоновичъ Брыкайловскій, бунчуковый товарищъ. Онъ, въ молодости, учился въ томъ же училищѣ, гдѣ и мы чрезъ тридцать лѣтъ послѣ него учились. О, да и умная же голова! Онъ не только слушалъ философію, но на публичныхъ диспутахъ былъ первый спорщикъ и до зарѣза поддерживалъ свое предложеніе. Что ему ни говорили—онъ, не внимая никакимъ силлогизмамъ, остается при своемъ. Сверхъ того, имѣлъ собственныя книги на латинскомъ діалектѣ съ собственноручною о принадлежности подписью на томъ же языкѣ и съ означеніемъ цѣны римскими цифрами. Божился домине Галушкинскій, что самъ своими глазами все это видѣлъ.

Другой былъ Потапъ Корнеевичъ, не больше.

Человѣкъ, не то что съ умомъ, но боекъ на словахъ; закидывалъ другихъ рѣчью, и для себя и для нихъ безтолковою, правда, но уже за то въ карманъ за словами не лазилъ, не останавливаясь, сыпалъ словами, какъ изъ мѣшка горохомъ.

Третій Кондратъ Демьяновичъ, нѣтъ, шу: Даниловичъ — и точно Даниловичъ, помню вотъ почему: маменька называли его Кондратъ Демьяновичъ, а батенька, какъ это было не подчасъ, не вытерпѣли, да тутъ же при всѣхъ и прикрикнули на нихъ:

— Что вы это, маточка, вздумали людей перекрепчивать? Скоро и меня изъ Осиповичей передѣлаете во что другое. Такъ я вамъ не позволю такъ глумиться надъ собой. Родился законно Осиповичемъ, Осиповичемъ и умереть хочу. Такъ и ихъ: не перемѣняйте и имъ отчества въ обиду или въ насмѣшку. Даниловичъ — кажется, не трудно выговорить!

Да и покраснѣли же маменька послѣ такого реприманта! Словно ракъ, такъ стали красны до самыхъ ушей! Покраснѣли, да стыда ради вышли скорѣй.

Уже такіе батенька были, что это страхъ: какъ на нихъ найдеть. За бездѣлицу подчасъ такъ разлютуются, что только держись! Никому спуска нѣтъ. А въ другой разъ, такъ и ничего. Это было по комплекціи ихъ; хоть и за дѣло, такъ тише мокрой курицы: сидятъ себѣ, да только глазами хлопаютъ. Тогда-то маменька могли имъ всю правду высказывать, а они въ отвѣтъ только рукою машутъ.

Вотъ же я, заговорившись о почтенныхъ моихъ родителяхъ, забылъ, на чемъ остановился... Да, о

Кондратъ Даниловичъ, что вмѣстѣ съ прочими званъ былъ на обѣдъ и послушать нашей учености.

Кондратъ Даниловичъ имѣлъ счастливый темпераментъ: у кого обѣдалъ, все хозяйство хвалилъ. Когда подавали ему жаренаго гуся, то онъ говорилъ, что гусь лучше всѣхъ мясъ на свѣтѣ, и жирнѣе, и вкуснѣе, и сытнѣе. Подайте же ему на завтра индѣйку — то уже и гусь, и все никуда не годится: одна индѣйка цаца. Я нахожу, что онъ съ этой стороны счастливо надѣленъ былъ мудрою фортуною. Батенька поступили хитро, пригласивъ и его къ обѣду. Когда бы мы не отличились своими знаніями, то если два первые гостя не похвалятъ, такъ третій будетъ хвалить — вотъ и раздѣлились бы мнѣнія... О, подчасъ батенька были тонкаго и пронацательнаго ума человѣкъ!

Насталъ день обѣда. Гости съѣхались. Насъ воззвали; и мы, въ праздничныхъ киреяхъ, отдавъ должный, почтительный респектъ, стали у дверей чинно. Гости осмотрѣли насъ внимательно и, казалось, довольны были нашею «внѣшностью» (слово заимствованное) и приемами. Особенно же Алексѣй Пантелеймоновичъ: онъ-таки даже улыбнулся и принялся испытывать Петруся. Подумавши, поморщась, потерши лобъ, наконецъ, спросилъ: «сколько російская грамматика имѣетъ частей рѣчи?»

Этотъ вопросъ, для такого ума, какъ Петруся, былъ тьфу! Онъ (т. е. Петруся) немножко обидѣлся такимъ легкимъ, да еще изъ грамматики, вопросомъ. А слышавъ, что Алексѣй Пантелеймоновичъ и ученъ, и много самъ знаетъ, рѣшился поворотить

его въ другую сторону, и потому вдругъ ему отрѣзаль: прежде, нежели я отвѣчаю на ваше предложеніе, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ краткимъ вопросомъ, имѣющимъ связь съ предыдущимъ: знаніе отъ науки или наука отъ знанія?

— Принимаю, доmine, ваше предложеніе, но нѣчто не совсѣмъ ясно понимаю его, — сказалъ, смутясь, къ хитрости прибѣгшій экзаменаторъ, желавшій, во время повторенія вопроса, приготовить отвѣтъ. Мы тотчасъ смекнули, что стара штука.

— Объясню, — рѣзаль Петрусь. — Знаніе ли предмета составило науку, или наука открыла въ человѣкѣ знаніе? Поясню слѣдующимъ предложеніемъ: человѣкъ постигъ грамматику и составилъ ее: ergo, до того не было ея. Какимъ же образомъ онъ постигалъ ту науку, которой еще не было? Обращаюсь къ первому предложенію: знаніе ли отъ науки, или наука отъ знанія?

Я говорю, что Петрусь былъ необыкновеннаго ума. Онъ имѣлъ талантъ всегда забѣгать впередъ. За обѣдомъ ли, то еще борщъ не съѣденъ, а онъ уже успѣетъ жаркого отвѣдать; въ борьбѣ ли, еще не сдѣлалъ хорошенько, а ужъ ногою и подбиваетъ противника. Такъ и въ наукахъ: ему предлагаютъ начало, а онъ уже за конецъ хватается. Вотъ и теперь, шагнувши такъ быстро, смѣпаль совсѣмъ Алексѣя Пантелеймоновича до того, что тотъ, пригласившая свой чубъ, отошелъ въ сторону и говоритъ:

— Какъ въ томъ училищѣ, гдѣ я учился, науки чрезъ тридцать лѣтъ усовершенствовались. При мнѣ — а я слушалъ философію — непремѣнно слѣ-

довало на заданный вопросъ отвѣчать логически; теперь же вижу, что вмѣсто отвѣта должно предложить новый, посторонній отвѣтъ, затемняющій тему. Умудряется народъ, и будь я бестія, если дѣти вашихъ сынковъ, съ своей стороны, не изобрѣтутъ чего еще къ усовершенствованію наукъ!

Тутъ онъ вдругъ ударилъ себя по лбу и сказалъ съ самодовольствомъ: — Счастливая мысль! Я вамъ предложу письменный вопросъ; прошу отвѣчать на бумагѣ.

Тутъ онъ, схвативъ листъ бумаги, написалъ: «въ чѣмъ заключается изящество краснорѣчія въ рѣчахъ и ученіяхъ Цицерона, Платона и Сократа?» И, торжествуя, сказалъ: «вы риторъ: вамъ легко рѣшится». И подалъ Петрусю перо.

Не на таковского началъ. Братъ Петрусь только глазомъ кинулъ на писаніе, какъ тутъ же сказалъ:

— Не могу отвѣчать, видя неправильность вопроса. Позвольте исправить. И тутъ же, не дожидая согласія противника, замараль имена философовъ и написалъ по высшему ученію:

«Platon'a, Ciceron'a и Socrat'a».

Батюшки мои! Какъ оконфузился Алексѣй Пантелеймоновичъ, увидѣвъ премудрость, каковой въ вѣкъ его никому и во снѣ не снилось! Покраснѣлъ, именно, какъ хорошо уваренный ракъ. НВ. Правду сказать, и было отчего! — И, схвативъ свою бумагу, онъ смялъ ее при всѣхъ и, утирая потъ съ лица, сказалъ задумчивымъ голосомъ:

— Послѣ такой глубины премудрости, всѣ наши

знанія ничто. Счастливое потомство, пресчастливое потомство! Голова! — заключилъ Алексѣй Пантелеймоновичъ, обратясь къ батенькѣ и на словѣ голова подмигивая на Петруся.

Батенька просили его приняться за Павлуся; и Алексѣй Пантелеймоновичъ спросилъ:

— Что есть російская грамматика?

На лицѣ Павлуся не замѣтно было никакого замѣшательства. Извѣстно намъ было, что онъ ничего не изучилъ, но я, зная его изобрѣтательный умъ, не боялся ничего. Онъ съ самоувѣренностью выступилъ два шага впередъ, поднялъ голову, глаза уставилъ въ потолокъ, какъ въ книгу, руки косвенно отъѣсиль впередъ и началъ, не переводя духу:

— Російская грамматика. Сочиненіе Михаила Ломоносова. Санктпетербургъ, издѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. Тысяча семьсотъ шестьдесятъ пятого года. Наставленіе второе. О чтеніи разнородныхъ чиселъ. Російская грамматика есть философское понятіе; къ сему насъ ведетъ самое естество: ибо когда я разсуждаю, что, помноживъ дѣлителя на семью семь — тридцать семь; пятью восемь — двадцать восемь; тогда именительный кому, дательный кого, звательный о комъ, седьмое предлогъ, осьмое мѣстоименіе, девятое не укради...

И такъ далѣе, да какъ пошелъ! словно подъ гору, не останавливаясь и не мигая глазами, но голосомъ рѣшительнымъ и съ совершенною увѣренностью, что говорить дѣло.

Алексѣй Пантелеймоновичъ отъ удивленія сперва разинулъ ротъ, потомъ поднялъ вверхъ руки, нако-

пецъ, бросился къ Павлусю, давай его обнимать и кричать:

— Довольно, довольно! я въ изумленіи!... Остановись... отдохни!...

Куда! нашъ молодецъ, какъ будто осѣдлавъ ученость, погоняетъ по ней во всю руку и несется, что есть духу, ломая и уничтожая все, что попадетъ навстрѣчу. Трепещитъ грамматика, лопаются арифметика, свиститъ шитика, вдребезги летитъ логика... Наконецъ, кое-какъ уняли его, и онъ остановился, запыхавшись. Удивительный умъ, бѣглость мыслей, проворство языка, находчивость необыкновенная!... Да, это былъ человекъ!

Потапъ Корнеевичъ и отъ Петруся былъ внѣ себя и выхвалялъ его отборными словами; когда же проораторствовалъ Павлусъ, тутъ онъ не своимъ голосомъ вскричалъ:

— Это гений — ему въ академіи нечему учиться! Поздравляю, Миронъ Осиповичъ, поздравляю! И должно безпристрастно сказать, что старшій сынъ вашъ имѣетъ много ума, а другой много разума. Помоему это различныя темпераменты. Разница умѣтъ, и разница разумѣтъ; а все велико. Подлинно, вы счастливый отецъ, Миронъ Осиповичъ, счастливый! Давайте намъ побольше такихъ фаворитовъ... Нѣтъ, не такъ: патер.... патри... патриотовъ... Посмотримъ, что скажетъ третій?

У меня душа такъ и покатила! Я не имѣлъ ни Петрусинаго ума, ни Павлусинаго разума; да такъ просто не зналъ ничего и не могъ придумать, какъ

изворотиться. Къ счастью, успокоили меня, предложивъ по мѣрѣ знаній моихъ вопросъ:

— По наружности вашей физиогномики, — такъ, обращаясь ко мнѣ, свысока началъ Алексѣй Пантелеймоновичъ, — я посредствомъ моей прононціи вижу, что изъ васъ будетъ отличный математистъ, и потому спрашиваю: восемь и семь сколько будетъ?

Сначала я принялъ умное положеніе Павлуся: глаза уставилъ въ потолокъ и руки отвѣсилъ; но, услыша вопросъ, долженъ былъ поскорѣе руки запрягать въ карманы, потому что я, слѣдуя методу доmine Галушкинскаго, весь ариѳметическій счетъ производилъ по пальцамъ и составамъ. Зная твердо, что у меня на каждой рукѣ по пяти пальцевъ и на нихъ четырнадцать составовъ, я скоро сосчиталъ 8 и 7 и, не сводя глазъ съ потолка, отвѣчалъ удовлетворительно.

— А пятнадцать и восемнадцать?

Вопросъ затруднительный, потому что недоставало у меня составовъ, и я было призадумался и полагалъ, что долженъ буду обратиться къ ножнымъ пальцамъ; однако же, при мысленной повѣркѣ оказалось это средство не нужнымъ, и хотя я отвѣчалъ болѣе, нежели черезъ четверть часа, но отвѣчалъ вѣрно.

Такимъ порядкомъ я откатывалъ на всѣ задачи вѣрно, не смотря на то, что меня путалъ одинъ составъ на указательномъ пальцѣ, перевязанный по случаю порѣза; но я управлялся съ нимъ ловко и нигдѣ не ошибся.

Къ моему счастью, экзаменаторъ, какъ самъ гово-

рилъ, не могъ болѣе спрашивать, забывъ примѣры, напечатанные въ книгѣ ариѳметики, въ которую не заглядывалъ со времени выхода изъ школы.

Похвалы сыпались и на меня. По мнѣнію Алексѣя Пантелеймоновича, хоть во мнѣ и не видно такого ума и разума, какъ въ старшихъ братьяхъ, но замѣтно необыкновенно глубокомысліе.

— Посмотрите, — продолжалъ онъ, — какъ онъ не вдругъ отвѣчалъ, но обдумывалъ сдѣланное ему предложеніе, обсуживалъ его мысленно, соображалъ — и потомъ уже произносилъ рѣшеніе.

А я, будь я гунствать, если что либо обсуживалъ или соображалъ; я не зналъ, какъ люди обсуживаютъ и соображаютъ: я просто считалъ по пальцамъ и, кончивши счетъ, объявлялъ рѣшеніе.

Истоцивъ всѣ похвалы, Алексѣй Пантелеймоновичъ обратился съ вопросомъ къ Кондрату Даниловичу, кого изъ насъ онъ находитъ ученѣе?

Тотъ, давно скучавшій на медленность ученія и съ нетерпѣніемъ ожидавшій обѣда, отвѣчалъ, прилично занимавшимъ его мыслямъ:

— Извольте видѣть: отъ человѣка до скота; а я сихъ панычей уподоблю птицамъ. Примѣромъ сказать: возьмите гусака, индика и селезня. Ихъ три, и панычей, стало быть, три. Засимъ: птицы выкормлены, панычи воспитаны; птицы зажарены, панычи выучены; вотъ и выходитъ, что все суть едино. Теперь поставьте передъ меня всѣхъ ихъ зажаренныхъ, разумѣется — птицъ, а не панычей. Избави Богъ, я никому не желаю смерти несправедливой; за что ихъ жарить?... Вотъ, какъ подадите мнѣ ихъ, я,

допускаю, всѣхъ ихъ съѣмъ, но не беруся рѣшить, которая птица вкуснѣе которой. Разные вкусы, разные прелести. Такъ и съ панычами. Разные умы, разные знанія, а все порознь хорошо, какъ смачность въ гусакѣ, индикѣ и селезнѣ.

Алексѣй Пантелеймоновичъ остолбенѣлъ отъ такого умнаго уподобленія и, смотря на него долго и размышляя глубоко, спросилъ съ важностью:

— До какой школы вы достигали?

— Записанъ былъ въ инфимѣ, — меланхолично отвѣчалъ Кондратъ Даниловичъ, — но при первоначальномъ входѣ въ классъ сдѣлалъ важную вину и тутъ же отведенъ подъ звонокъ, гдѣ, получивъ должное, немедленно и стремительно бѣжалъ, и въ послѣдующее время не только въ школу не входилъ, но далеко обходилъ и все зданіе.

— Чудно, — сказалъ Алексѣй Пантелеймоновичъ, вздвигивая плечами, — а вы свою диссертацию произнесли логически и конклюдентно сдѣлали по всѣмъ правиламъ риторики.

Въ отвѣтъ на это, Кондратъ Даниловичъ почтительно поклонился Алексѣю Пантелеймоновичу.

Батенька, слушая наше испытаніе, вспотѣли крѣпко, — конечно, отъ внутренняго волненія. И немудрено: пусть всякій отецъ поставитъ себя на ихъ мѣстѣ. Принявъ поздравленіе со счастьемъ, что имѣютъ такихъ необыкновенныхъ дѣтей, погладили насъ — даже и меня — по головѣ и приказали идти въ панычевскую.

Вовремя нашего испытанія, доmine Галушкинскій былъ въ отлучкѣ: ѣздилъ къ знакомымъ. И безъ

него братья мои были въ восторгѣ отъ удавшихся имъ пассажей ихъ.

— Вотъ, какъ мы этихъ ученыхъ надули (привели, въ дураки ввели. Это слово самое коренное бурсацкое, но, какъ слышу, вышло изъ своего круга и пошло далѣе)! — почти кричалъ въ радости братъ Петрусь; прекрасное правило доmine Галушкинскаго: когда люди, умнѣе тебя, уже близки изболѣть твое незнаніе, такъ пусти имъ пылъ въ глаза, — и ты самымъ ничтожнымъ предложеніемъ остановишь ихъ, отвлечешь отъ предмета и заставишь предполагать въ себѣ болѣе знаній, нежели оныхъ будетъ у тебя въ наличности. Благодарю Platon'a Ciceron'a Sostat'a! Они прикрыли мое невѣжество и будь я гунствовать, если по времени не будутъ мнѣ въ подобныхъ случаяхъ подражать, чтобъ за глупостью укрыть свое невѣжество.

Что же дѣлали маменька во время нашего испытанія? О! онѣ, по своей материнской горячности, не вытерпѣли, чтобъ не подслушать за дверью; и бывъ болѣе всѣхъ довольны мною за то, что я одинъ отвѣчалъ дѣльно и такъ, что онѣ могли меня понимать, а не такъ, говорили онѣ, какъ тѣ болваны (т. е. братья мои), которые чортъ знаетъ что молולי изъ этихъ дурацкихъ наукъ, — пожаловали мнѣ большой пряникъ и приказали поиграть на гусяхъ припѣвающе.

Я пропустилъ сказать о важномъ пассажѣ въ жизни моей, коимъ доставилъ маменькѣ особенную радость, когда возвратился изъ училища домой.

Въ городѣ, въ меланхолическіе часы, доmine Га-

лушкинскій поигрывалъ на гусяхъ, какъ-то имъ пріобрѣтенныхъ и на которыхъ онъ мастерски разыгрывалъ восемнадцать штукекъ. Пробуя меня, по части ученія, въ томъ и въ другомъ, онъ задумалъ: не возьмусь ли я хоть на гусяхъ играть? И принялся испытывать мое дарованіе. И что-жъ? Я взялся, понялъ и выигрывалъ цѣлыхъ пять штукекъ и половину шестой, и все очень исправно и безъ запинки, а особливо отлично гудѣли у меня басы, минутъ пять неумолкая.

Съ этимъ новымъ, открывшимся во мнѣ талантомъ, прибылъ я въ домъ, привезя съ собою и гусли, ставшіе моею собственностью чрезъ мѣну на одну вещь изъ одѣянія. Хорошо. Вотъ я, не говоря ничего, и внесъ ихъ въ маменькину опочивальню. Онѣ подумали, что это сундучекъ, такъ ничего—и ничего себѣ... Но надобно было видѣть ихъ изумленіе и наконецъ радость, восторгъ, изступленіе, когда я, открывъ гусли, началъ дѣлать по струнамъ переборы, дабы показать, что я нѣчто на гусяхъ играю.

Отерши радостныя слезы и расцѣловавши меня, онѣ заставили меня играть. Я поразилъ ихъ! Я заигралъ и запѣлъ. Голосъ мой противъ прежняго еще усовершенствовался и, перейдя изъ дишканта въ теноръ, сталъ звонче и рѣзче. Я игралъ и пѣлъ извѣстный кантикъ: «Ужъ я мученіе злое терплю для ради того, кого вѣрно люблю». Маменька плакали навзрыдъ и потомъ объясняли мнѣ, что эта-де пѣсня какъ нарочно сложена по ихъ комплекции; что-де я терплю отъ твоего отца, такъ и не при-

веди Господи никому, и все ради того, заключили онѣ съ стихотворцемъ, что вѣрно его люблю! Повтори, душко, еще этотъ усладительный кантикъ. И я пѣлъ, а онѣ рыдали.

Потомъ я запѣлъ другой кантикъ: «Разсуждалъ я предовольно, кто въ свѣтѣ всѣхъ счастливѣй?» Онъ имъ понравился по музыкѣ, но не по словамъ: «цуръ ей, душко! Это мужеская, не играй при женщинахъ. Я, да я думаю, и весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любить, кои разсуждаютъ. Не знаешь ли другой какой?»

Я заигралъ: «Гдѣ, гдѣ, ахъ, гдѣ укрыться? О грозный день! лютейшій часъ!»—Слушали онѣ, слушали и вдругъ меня остановили.

— Не играй и этой, — сказали онѣ, — это, видишь, сложено на страшный судъ. Тутъ поминается и грозный день, и лютей часъ, и гдѣ укрыться!.. Охъ, Боже мой! Я и помыслить боюсь о страшномъ судѣ! Я, благодаря Бога, христіанка: такъ я эту ужасную мысль удаляю отъ себя. Нѣтъ ли другаго кантика?

Я умѣлъ живо разыгрывать «Комарицкую», подъ которую, какъ мнѣ говорили, и мертвый бы не улежалъ, а поплясалъ бы; но не игралъ при маменькѣ изъ опасенія, чтобы подчасъ не разобрала ихъ музыка и чтобы онѣ не пошли плясать, что весьма неприлично было бы въ тогдашнемъ ихъ меланхолическомъ восторгѣ. Итакъ, я заигралъ и запѣлъ:

«Владычица души моей, познай, колико страстенъ мой духъ несчастенъ». Какъ вижу, встали отъ меня, начали ходить по комнатѣ, что-то шептать съ большимъ чувствомъ и, ударяя себя въ

грудь, утирали слезы. Онѣ, какъ были неграмотныя, то и не разобрали, что это слова любовныя, а понимали ихъ въ противномъ смыслѣ. Особенно же, когда при кончикѣ этого кантика я долженъ былъ, почти вскрикивая, пѣть: «неисцѣлима страсть моя!», то и онѣ тутъ, крѣпче ударивъ себя въ грудь, возглашали: «охъ, точно неисцѣлима страсть моя. Вотъ уже близъ шестидесяти лѣтъ, а страсть пылаеть».

Полезы ради своей, я молчалъ и не растолковалъ имъ прямого смысла пѣсни. Зачѣмъ? Меня, за мою усладительную музыку, всегда окармливали всякими лакомствами, и всегда, чуть только батенька прогнѣваются на маменьку и имъ порядочно достается отъ нихъ, онѣ и шлютъ за мною и прикажутъ пропѣть: «Ужъ я мученіе злое терплю», сами плачутъ-плачутъ, что и мѣры нѣтъ! Вечеромъ же, на сонъ грядуще, прикажутъ пѣть: «Владычица души моей», а сами все шепчутъ и плачутъ.

Не только маменькѣ нравилася моя игра и пѣніе, но и старшая изъ сестеръ, Софійка, ужъ года два назадъ, т. е. когда ей исполнилось четырнадцать лѣтъ, надѣвшая корсетецъ и юпочку, а до того бѣгавшая въ одной лелечкѣ (рубашкѣ), только кушачкомъ подпоясанная, такъ и Софійка очень любила это упражненіе и чистосердечно мнѣ говорила:

— Хорошо братъ Павлусъ звонить, очень хорошо, я всегда заслушиваюсь его; но ты, Трушко, на гусяхъ лучше играешь.

Изъ благодарности я принялся ее учить; но или я не могъ научить, или она не могла перенять, она не взялась на гусяхъ, а только пѣла со мною и,

вмѣстѣ со мною, услаждая горести маменькины, услаждалась и лакомствами. Ахъ, какъ мы громко и выразительно пѣли Владичицу! Да что? Теперь такихъ нотъ и подобнаго стихотворства не услышишь... Все миновалось!

Послѣ сдѣланнаго намъ испытанія, слава о нашей учености пронеслась далеко, и сосѣди, пріѣзжая къ батенькѣ, поздравляли ихъ съ такимъ счастьемъ, за что батенька были къ намъ очень милостивы. Они дали намъ во всемъ полную волю и, надѣясь на степенность доmine Галушкинскаго, ни малѣйше не заботились, гдѣ мы находимся и въ чемъ упражняемся. Удаляцамъ Петрусь и Павлусъ то было на руку. Святки — веселье, гульба. Братъ Петрусь далъ волю геройскому своему духу: завелъ кулачные бои, для примѣра самъ участвовалъ, показывалъ правила, занятія имъ на кулачныхъ бояхъ въ городѣ, во время ученія въ школахъ, ободрялъ храбрѣйшихъ. Противною стѣною командовалъ нашъ реверендissime наставникъ, отпущенный для повторенія съ нами уроковъ. Но онъ не исполнялъ сей обязанности по причинѣ другихъ занятій: днемъ на кулачномъ бою, а по ночамъ подвигами на вечерницахъ, которыя имъ и братьями были посѣщаемы съ новымъ жаромъ, причѣмъ введены были ими и новый права, также городскія и также служившія только къ ихъ пользамъ.

Такіе ново-вводимые обычаи на вечерницахъ и право сильного, помѣщичьяго сына, паныча, законодательство на кулачномъ бою Петруся, при томъ поддакиваніе и ободреніе къ дальнѣйшимъ

дѣйствіямъ доmine Галушкинскаго, равно содѣйствіе художественными способами Павлуся, весьма не нравилось большей части парубковъ. Ропотъ усилился, и они приступили къ мщенію, въ чемъ и успѣли.

Въ одинъ вечеръ, злополучный вечеръ, реверендissime Галушкинскій, пригласивъ наставляемыхъ имъ юношей, Петруся и Павлуся (я не участвовалъ съ ними по особенной, пріятной сердцу моему причинѣ, о которой не умолчу въ своемъ мѣстѣ), пошли на вечерницы, и какъ ничего худого не ожидали и даже не предчувствовали, то и не взяли съ собою другихъ орудій, кромѣ палокъ для-ради собакъ.

Ничего не подозрѣвая, подходили къ хатѣ, гдѣ обыкновенно бывало сходбище, какъ вдругъ изъ-за угловъ и плетней раздалось: «сюда наши, бей, валяй, кого попало!» и вмѣстѣ съ крикомъ выбѣжало парубковъ двадцать съ большими дубинами и съ азаргомъ бросились къ Петрусю и реверендиссиму, а другіе, схвативъ брата горбунчика, по предприимчивому духу своему ушедшаго впередъ, начали по горбу Павлуся барабанить въ двѣ палки, съ насмѣшками и ругательствами крича: «славный барабанъ! Ониська, бей на немъ зорю!»

Петрусь, при первомъ раздавшемся крикѣ парубковъ, слѣдуя внушенію геройскаго духа своего, хотѣлъ было бѣжать, но, какъ нѣжный братъ, видя бѣдствующаго Павлуся, бросился съ отчаяніемъ въ кучу злодѣевъ, исхитилъ его изъ ихъ рукъ, принимая на себя значительное число ударовъ, и, одушевляемый храбростью и неустрашимостью, пустился

бѣжать, что есть духу. Почтенный наставникъ, разжигаемый тѣмъ же духомъ мужества, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ. Павлусь тоже пустился было по слѣдамъ храбрыхъ, но какъ былъ слабосиленъ, а тутъ еще отбарабаненъ порядочно, то не могъ никакъ бѣжать за героями. Но что значить умъ, талантъ, изобрѣтательность, творчество! Сии дары и въ самомъ опасномъ, отчаянномъ положеніи избавляютъ отъ бѣдъ человѣка, одареннаго ими. Съ такими талантами Павлусь въ критическую минуту нашелся и произвелъ, къ своему спасенію, слѣдующую хитрость, едва ли не знаменитѣе всѣхъ прежнихъ своихъ, но, увы, и послѣднюю!... Собравъ остатокъ силъ, онъ догналъ бѣгущаго реверендissima, подскочилъ и ухватился ему за шею, а ногами обвилъ его и такимъ образомъ расположился на хребтѣ наставника своего, какъ на конѣ или на верблюдѣ, очень покойно. Доmine Галушкинскій, какъ ни старался освободиться отъ сѣдока, но никакъ не могъ, находясь въ необходимости улепетывать отъ разъяренныхъ парубковъ, которые не переставали преслѣдовать бѣгущихъ и щедро осыпать ударами Петруся и самого реверендissima съ ношею его.

Избитые, испуганные, измержшіе герои мои едва могли дотащиться домой; бѣднаго же Павлуся, жестоко избитаго по чувствительному мѣсту, едва могли снять съ хребта наставника и тутъ же уложили въ постель.

Батенька, узнавъ о ночномъ приключеніи, поспешили весьма благо разумно. Во-первыхъ, пострадавшимъ дали побольшой рюмкѣ водки съ перцемъ,

для согрѣтія тѣла и исправленія желудка, по причинѣ всего претерпѣвшаго, приказали лечь въ постели и закутаться, чтобы вспотѣть. Средство это очень помогло: герои мои къ полудню чувствовали себя совершенно справившимися и могущими еще снова перенести подобное дѣйствіе. Во-вторыхъ, принялся отыскивать дерзкихъ, осмѣлившихся поднять руку на кровь ихъ въ лицѣ Петруся и Павлуса. И какъ, перебирая, не находили виновнаго, то и приказали всѣхъ парубковъ до одинаго, былъ ли кто изъ нихъ или не былъ въ экспедиціи, участвовалъ ли въ чемъ или нѣтъ, собрать во дворъ и, подъ наблюдениемъ Петруся и подъ руководствомъ почтеннаго наставника нашего, управиться съ ними по своему усмотрѣнію. Будутъ же они помнить мщеніе оскорбленныхъ ими!..

Батенька имѣли такой нравъ, а можетъ и комплекцію, что, сдѣлавъ дѣло, потомъ обсуживаютъ, хорошо ли они это сдѣлали. Такъ и тутъ. Они принялись разсуждать — и, не знаю отчего, пришла имъ вдругъ мысль, что не парубки, уже наказанные, а братья и инспекторъ виноваты, зачѣмъ не училися, для чего изъ училища отпущены, а пошли на вечерницы, чего никто не поручалъ. А того батенька и не разсудили, что это были святки, праздники — какое тутъ ученіе? можно ли заниматься дѣломъ? надобно гулять, должно веселиться: святки разъ въ годъ: не промориться же въ такіе дни надъ книгами! Чудныѣ эти старики! Имъ какъ придетъ какая мысль, такъ они и держатся ея... Такъ и батенька поступили теперь: укрѣпись въ этой мысли,

начали раздражаться гнѣвомъ все болѣе и болѣе и придумывали, какъ наказать дѣтей?

Вотъ какъ они о томъ обдумывали, маменька между тѣмъ, по сродной чувствамъ и сердцу ихъ нѣжности, хотя и о нелюбимомъ за его уродливость сынѣ, но, видя его потерпѣвшаго такъ много, плакали все равно, какъ бы и обо мнѣ, пѣстунчикѣ своемъ, еслибы это случилось со мною. Сердце матери неизъяснимая вещь!

Оплакавъ страдающаго Павлуса и видя, что слезами ничего нельзя помочь, онѣ принялись лечить его и на таковъ конецъ призвали сельскую знахарку. Женщина въ своемъ мастерствѣ преискусная была! Могла въ рядъ стать съ лучшимъ нѣмецемъ-лекаремъ. Она, когда было скажетъ, что больной не выздоровѣетъ, а умретъ, то какъ разъ такъ и случится. Впрочемъ, и сама говорила, что она къ выздоровленію не имѣла дара лечить, развѣ больной самъ по себѣ догадается и выздоровѣетъ. Пожалуйте же. Эта умная и опытная женщина принялась укрѣплять ослабѣвшаго сильно Павлуса. И, признаюся, средство ея было самое близкое къ натурѣ. Она, выкупавши его въ разныхъ травахъ, распареннаго, приказывала немедленно выносить на морозъ, пока хорошенько продрогнетъ. Знавъ свое дѣло, она доказывала, что и желѣзо такимъ же образомъ закаливается и оттого дѣлается крѣпче; то же желѣзо, бездушное, а то же человѣкъ, созданіе другого рода, лучшее, слѣдовательно, ему скорѣе поможетъ. Но, несмотря на это и другія подобныя средства, Павлусъ не получалъ облегченія, а изне-

могаль все болѣе и болѣе. Такая уже, видно, была слабая его натура!

Послѣ перваго опыта надъ Павлусемъ, маменька принялись обсуживать, отчего это ихъ сынки, почти дѣти еще — что тамъ: Петрусъ 18, Павлусъ 17, а мнѣ 16 лѣтъ — возымѣли такую охоту ходить на вечерницы и рѣшили:

— Это не кто, какъ Галушка! Это онъ ихъ всему научилъ, чего дѣтямъ на ихъ невинный умъ и никогда бы не взошло.

Съ подобными жалобами на инспектора онѣ хотѣли идти къ батенькѣ и, какъ всегда это дѣлали, прежде посмотрѣли въ дверную щелочку, чѣмъ они занимаются и въ какой пассіи. Тѣ же, какъ я сказалъ выше, приходя все въ большее сердце, наконецъ, взбѣшены были до чрезвычайности, а отчего — маменька не знали. Извѣстна же имъ очень хорошо была батенькина комплекція, что въ такой часъ не подходи къ нимъ никто, ни правый, ни виноватый — всѣмъ будетъ одна часть: кулакъ и оплеухи. Такъ потому онѣ и не пошли, а разсудили залучить къ себѣ батеньку и для того поднялись на обыкновенныя свои хитрости. Громкаго плача батенька терпѣть не могли и болѣе еще сердились; но когда маменька плакали тихомолкомъ и горестно, тогда батенька, лишь бы увидѣли, тотчасъ расчувствовались и захаживали уже сами около маменьки. Видно въ тѣ поры въ батенькѣ пробуждалась любовь, а оттого и сожалѣніе. Конечно, проживъ около двадцати лѣтъ въ безпорочномъ супружествѣ, они обое уже налюбилися и излюбилися, но всетаки, при

видѣ скорби близкаго лица, пробуждается какое-то особенное чувство, въ родѣ любовнаго воспоминавія, и рождаетъ уже одно сожалѣніе. Я это нынѣ испытываю на себѣ.

Такъ вотъ маменька, по обычаю, и принялися въ сосѣдней отъ батенькиной комнатѣ хныкать, будто удерживая себя отъ плача. Когда батенька это замѣтили, то и пришли въ чувство, описанное мною. Гдѣ и гнѣвъ дѣвался! Они, по своему обычаю, стали ходить на цыпочкахъ около маменькиной опочивальни и все заглядывали въ непритворенную съ умысломъ дверь и покашливали, чтобы обратить ихъ вниманіе.

Но маменька были себѣ на умѣ: не вдругъ подавались батенькѣ, а разъ десять, замѣтивъ выказывающійся изъ-за дверей батенькинъ носъ, — у батеньки былъ очень большой носъ, — онѣ, бывало, только спросятъ:

— А чего вы, Миронъ Осиповичъ? Не желаете ли чего?

Тутъ батенька войдутъ смѣло и объясняютъ, о чемъ имъ надо.

Такъ случилось и теперь, но батенька не изъявили желанія ни на что, а начали говорить такъ —

— Я пришелъ съ вами, Фекла Зиновьевна, посоветоваться. Какъ бы ни было, вы мнѣ жена, другъ, сожительница и совѣтница, закономъ мнѣ данная, а при томъ мать своихъ и моихъ дѣтей. Что мнѣ съ ними дѣлать? присоветуйте, пожалуйста. Законъ насъ соединилъ, такъ когда меня рѣжутъ, то у васъ должно болѣть. Дайте мнѣ совѣтъ, а у меня голова

кругомъ ходить, какъ будто послѣ пріятельской гульни.

— Когда-бъ я знала, Миронъ Осиповичъ,—сказали маменька хитростно,—что вы на меня не разсердитесь на мой глупый женскій умъ, то я дала бы вамъ преблагоразумный совѣтъ.

— А ну-те, ну-те, что вы тамъ скажете?

— Знаете что? Сыны наши уже взрослые, достигли совершенныхъ лѣтъ, бороды брѣютъ: жените ихъ, Миронъ Осиповичъ!

— Чортъ знаетъ-таки, что вы, маточка, говорите! Кого женить?

— Петруся и Павлуса; да и Трушка бы я оженила, чтобы отворотить отъ разврата.

— Съ чего такое дурачество въ голову вошло вамъ, душечка?

— Это не дурачество и совѣмъ неглупая мысль. Женится человекъ—и всѣ свои шалости, даже глупости оставляетъ. Недалеко ходить: вамъ живой примѣръ вы. Вспомните, какія проказы въ здѣшнихъ мѣстахъ строили? Уши горятъ и вспомнивши про нихъ. Васъ вездѣ считали за распутнаго, и ни одна паночка не шла за васъ. Прошлое дѣло, и я бы не пошла, какъ бы меня, почитай, связанную не обвинчали. Вотъ же, сякая-такая, лыками спитая жена, а, женясь, вы исподоволь перемѣнили свое скаредное поведеніе и подъ старость стали порядочные. Вотъ то же будетъ и съ нашими сынками. Какъ мы ихъ оженимъ, да возьмемъ имъ женъ гораздо постарше ихъ, да зубатыхъ, чтобы имъ волю прекратили, такъ, во-первыхъ, скорѣе дождемся сыновъ

отъ сыновъ своихъ и увидимъ чада чадъ своихъ; а во-вторыхъ, не бойтесь, не пойдутъ больше по вечерницамъ и насъ порадууютъ счастьемъ своимъ.

— Удивляюсь вамъ, Фекла Зиновьевна, какъ вы даже и въ эти лѣта подвержены меклодіи и у васъ все любовное на умъ (при семъ маменька плюнула и такъ поморщилась, какъ будто крѣпкаго укусу отвѣдали). Какъ вы располагаете женить дѣтей? Что изъ нихъ будетъ?

— Теперь покуда дѣти, а послѣ будутъ люди.

Батенька остановились противъ маменьки и смотрѣли на нихъ долго, долго, потомъ покачали головою, присвистывая: «фю фи фи!.. фю фи фи!..» и начали говорить съ возрастающимъ жаромъ:

— Какъ я вижу, такъ вашъ совѣтъ женскій, бабій, не разсудительный, дурацкій!—и при послѣднемъ словѣ, выходя изъ комнаты, стукнули дверью крѣпко и, уходя, продолжали кричать:—Не послушаю васъ, никогда не послушаю!.. Женить! Имъ того и хочется.

А маменька, оставшия себѣ однѣ, начали разсуждать критически, но все вполголоса, все еще потрушивая батеньки, чтобы не воротился:

— Какъ же себѣ хотите, такъ и дѣлайте, а я вамъ другого совѣта не дамъ. Хотя они и моя утроба и вскормлены моимъ сердцемъ, а не вашимъ, но вы моя глава и я—о—охъ! должна повиноваться. Хотя, по-вашему, я и глупо разсуждаю, но чувствую, что лучше имѣть одну невѣстку, которая бы и намъ помогала держать ихъ въ рукахъ, нежели сотню чортъ знаетъ какихъ—тьфу!—при семъ

восклицаніи маменька плюнули, оборотятся въ ту сторону, гдѣ было село.

Весь описанный мною разговоръ батеньки съ маменькою я слышалъ одинъ и, признаюся, мысль маменькина, мысль остроумная и благоразумная, восхитила меня. Женить насъ! Что могло быть лучше этого?.. Маменька же такъ справедливо, живо, искусно доказали необходимость того... Съ горестью услышалъ я несогласіе батеньки и рѣшительный отказъ. А я уже чувствовалъ такое стремительное, непреодолимое желаніе жениться, потому что со мною послѣдовала перемѣна, которую изъясню словами нашего реверендissime наставника, доминe Галушкинскаго.

Божокъ, малъ тѣломъ, но великъ дѣлами, нашелъ средство опутать меня своими сѣтями. Для чего досталъ онъ изъ колчана своего острѣйшую изъ стрѣлъ, намазалъ ее ядомъ, имъ же составленнымъ, — ядомъ сладкимъ, горькимъ, восхищающимъ, умерщвляющимъ, возвышающимъ и унижающимъ, таковую стрѣлу сей плутишка положилъ на свой лукъ и, помѣстясь въ несравненные сѣренкіе, плутовскіе глазки, пустилъ изъ нихъ свою стрѣлу, которая, полегѣвъ, попала мнѣ прямо въ сердце и пронзила его насквозь. Тоненькіе же, длинненькіе бѣленькіе пальчики, принадлежащіе той, кому и тѣ глазки, теплотою своею распалили всю мою внутренность... Увы, я позналъ любовную страсть, къ моему восхищенію и, вмѣстѣ, къ лютому мученію!.. Начало или рожденіе ея, возрастаніе и дѣйствія я раз-

скажу въ слѣдующей части. Теперь же кончу періодъ юной жизни моей тѣмъ, что случилось.

Батенька рѣшился отправить насъ пока въ училище. Домине Галушкинскій, за произведенное возвращеніе (такъ думали батенька) нравовъ нашихъ, долженъ былъ заниматься съ нами цѣлый годъ безъ жалованья, на однихъ харчахъ нашихъ, и какъ ему обѣщали, что не объявятъ начальству его о происшедшемъ, то онъ былъ радъ и обѣщевалъ уже наблюдать за нами, какъ за зеницею ока своего.

Насъ снаряжали къ отправленію. Бѣдный Павлусъ не только ѣхать съ нами, но еслибы сказали жениться, то онъ не могъ бы, ибо изнемогалъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, и знахарка объявила, что онъ не такъ боленъ, чтобъ ему выздоровѣть, а оттого и перестала лечить его. Я долженъ былъ отправляться въ городъ для продолженія такъ удачно начатаго ученія. Но снѣдающая меня любовная страсть и воззрѣніе на слезы страждущаго предмета души моей заставили меня прибѣгнуть къ хитрости, въ моемъ состояніи извинительной. Заблаговременно я притворился больнымъ; маменька поддерживали обманъ мой. Я лежалъ въ теплой комнатѣ подъ шубами, ничего не ѣлъ явно, а всѣми возможными явствами, при секретномъ содѣйствіи бабуси, маменька меня уштывали. Батенька сильно сердились на мою болѣзнь, но не подозрѣвали обмана, и мы его препорядочно надули до того, что когда пришло время, то братъ Петрусь съ доминe наставникомъ уѣхалъ. Я же, оставшись, пронемогши для приличія нѣсколько дней, выздоровѣлъ

и всталъ для любовныхъ, пріятно-невинныхъ наслажденій...

Братъ Павлусъ, послѣ отъѣзда Петруся, недолго страдалъ. Онъ умеръ, къ огорченію батеньки и маменьки. Какъ бы ни было, а все же ихъ рожденіе. Батенька рѣшительно полагали, что смерти его причиною домине Галушкинскій, рано и преждевременно поведши насъ на вечерницы; а маменька, какъ и всегда, справедливѣе батеньки заключали, что домине Галушка тѣмъ виноватъ, что часто водилъ ихъ въ это веселое сборище, я же полагаю, что никто смерти его не виною: она случилась сама по себѣ. Такая, видно, Павлусина была натура.

По приказанію родителей, я, разливевъ бумагу, написалъ къ Петрусь самъ: «знаешь ли, братъ, что? Братъ Павлусъ приказалъ тебѣ долго жить». Маменька прослушали и, сказавъ, что очень жалко написано, прослезился порядочно. Въ отвѣтъ мнѣ, Петрусь пространно описывалъ—и все съ высокимъ штилемъ—все отличныя качества покойнаго и въ заключеніе, утѣшая себя и меня, прибавилъ: «Теперь намъ, когда батенька и маменька помрутъ, не между шестью, а только между пятью братьями—если еще который не умретъ—должно будетъ раздѣляться имѣніемъ».

Я говорю, что это былъ необыкновеннаго ума человѣкъ! Онъ вездѣ и всемъ хваталъ впередъ.

Похоронивши Павлуса, батенька и маменька принялись совѣтоваться, какъ устроить насъ. И, видно, батенька въ ту пору были склонны къ жалости, потому что скоро согласился съ маменькою, чтобы уже

прекратить мое ученіе. Они приняли въ резонъ, зачѣмъ убыточиться, домине Галушкинскому платить лишніе пять рублей каждый годъ, а пользы де не будетъ никакой: видимое уже дѣло было, что хотя бы я всевозможныя училища прошелъ и какія есть въ свѣтѣ науки прослушалъ, толку бы не было ничего. Откровенно скажу: не пришлося науки по моей комплекціи. Батенька въ заключеніе совѣщанія сказали:

— Пусть и не учится, а будетъ дуракомъ, пусть на себя жалуется; увидитъ, какое зло ему принесетъ его незнаніе.

Хорошо. Какое зло принесло мнѣ нежеланіе мое учиться? Совершенно ничего. Я такъ же выросъ, какъ бы и ученый; аппетитъ у меня, какъ у всякаго ученаго. Влюблялся въ дѣвушекъ и былъ ими любимъ такъ, что ученому и не удастся; причемъ онѣ не спрашивали меня о наукахъ и у насъ творительное, родительное и всякое производилось безъ знанія грамматики. Въ службѣ военной незнаніе наукъ послужило мнѣ къ пользѣ: меня, не удерживая, отпустили въ отставку; иначе лежалъ бы до сихъ поръ на полѣ чести. За то теперь живъ, здоровъ и всегда веселъ. Не требовали науки и при вступленіи моемъ въ законный бракъ съ нѣжно-любящею меня супругою, Анисею Ивановною, съ которою—также безъ наукъ—прижито у насъ пять сыновей и четыре дочери живьемъ, да трое помершихъ. И имѣніе у брата отстояно, и новое приобрѣтено—все безъ наукъ, просто.

Посмотрите же вы, что дѣлается съ учеными,

хотя бы и съ сыновьями моими? Знаютъ, каналы, все; не токмо сотни, да и тысячи—куда! я думаю, и сотни тысячъ рублей раскинутъ на гривны, копѣйки и скажутъ, сколько денежекъ даже въ миллионѣ рублей. Удивительныя познанія! Волось сталъ бы дыбомъ, еслибы я прежде того не оплѣшивѣлъ! Мало того,—какъ знаютъ все прошедшее! какія есть въ свѣтѣ государства, какой король царствовалъ, какъ звали его, жену и дѣтей; а сами и ногой въ томъ государствѣ не бывали, да знаютъ. Все, все знаютъ отъ сотворенія міра по сей день. Неимоверно! А не больше, какъ мои дѣти, и въ томъ же городѣ училися; только и разницы, что не въ томъ училищѣ, гдѣ я. Вотъ и поглотили, кажется, всю премудрость, но за то какъ испитые, голубчики мои! Ни маленькаго брюшка, ни у одного аппетита порядочнаго и, вдобавокъ, никогда не ужинаютъ. Словно не мои дѣти! Дослужились въ полкахъ до чиновъ, и орденовъ набрали, правда; но нахватили же ранъ и увѣчья. Побрачилися все на бѣдныхъ; только и смотрѣли, чтобъ были обученныя... Тьфу ты пропасть! Требуютъ, чтобъ и женщины имѣли умъ! Вотъ вѣкъ! Маменька, маменька! что, еслибы вы до сихъ поръ не умерли, что бы вы сказали о письменныхъ женщинахъ?...

Это же сыновья мои единоутробные, а что со внуками дѣлается, такъ и ума не достанетъ понять ихъ! Вѣдь всѣ бѣги небесныя знаютъ, звѣзды у нихъ наперечетъ и куда какая идетъ; не заглядывая въ календарь, скажетъ прямо, когда какая квадра луны настанетъ. Не только мужской полъ поглощаетъ

премудрость, самыя женщины. Ну, что онѣ такое? Ничего больше, какъ женщины, а поди ты съ ними! Что уже противъ своихъ матушекъ—прямо въ преиспренности вдаются. Ужъ не только на гусяхъ, но и на клавирахъ рѣжутъ, да какъ? что даже на вариацияхъ поднимаются, поютъ кантики, совсѣмъ отлично отъ прежнихъ сложенныя,—и я вамъ скажу, соблазнительно сложенныя. Моя Анисья Ивановна заставила однажды нашу Пазиньку спѣть что нибудь хорошенькое и слушала ее, раскладывая гарпасію, слушала-слушала—что-жъ? не выдержала и, подошедъ ко мнѣ, страстно поцѣловала; а ужъ бабѣ 52 года! Что же молодыя должны чувствовать отъ ихъ кантиковъ? А рѣчи и разговоры ихъ? Вѣдь и говорятъ, и пишутъ все университетскимъ штилемъ; понимай ихъ! А та же Пазинька да Настинька, обученныя—по прихотямъ жены моей—иностраннымъ діалектамъ, при насъ, битыхъ два часа разговаривали съ офицерами на проклятомъ французскомъ. Какъ усердно ни прислушивался, а не поймалъ ни одного слова; нѣтъ и похожаго, какъ насъ училъ доmine Галушкинскій, покой душѣ его! Какой же изъ того ихъ разговор послѣдовалъ «результатъ», какъ говоритъ сказанный гувернеръ, служающій невѣсткѣ моей? Пазинька въ ту же ночь, съ тѣмъ же офицеромъ, безъ вѣдома нашего ушла, а, за непощеніемъ нашимъ родительскимъ, ѣздитъ гдѣ-то съ нимъ по полкамъ. Настинька въ частыхъ перепискахъ съ молодыми людьми ловится, бранима бываетъ, да не унимается. А какъ бы по-старинному?... Да чего! малолѣтки внучки мои то и-дѣло

у окна: тотъ-де хорошъ; вотъ прошелъ пригожъ; вонъ у того усики прелестные и т. п., а еще циплята 11 и 12 лѣтъ. Тыфу ты пропасть! скажу я, какъ маменька говорили, и плюнулъ бы при этомъ словѣ, да не знаю, куда плюнуть особенно: вездѣ одно и то же!

Вотъ эти-то обученія, эти наученія перемѣнили весь свѣтъ и всѣ обычаи. Просвѣщеніе, вкусъ, образованность, политика, обхожденіе — все не такъ, какъ были въ нашъ вѣкъ. Все не то, все не то!.. Вздохнешь — и замолчишь. Замолкну и я объ нихъ и стану продолжать свои сравненія нашего вѣка съ теперешнимъ.

М-81

230992

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина)
въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

Аблесимовъ.	Кукольникъ, Н. В.
Анекдоты и остроумныя изрѣченія.	Ламартинъ, А.
Аристофанъ.	Лермонтовъ, М. Ю.
Байронъ, лордъ.	Ломоносовъ, М. В.
Бальзакъ.	Львова, А.
Баратынскій, Е. А.	Лѣсковъ, Н. С.
Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ.	Марлинскій (А. А. Бестужевъ).
Богдановичъ, И.	Мерзляковъ и Цыгановъ.
Бомарше.	Мольеръ.
Буренинъ, В. П.	Мордовцевъ, Д. Л.
Бѣжецкій, А. Н.	Нарѣжный.
Во дни дны (Бенъ-Гуръ).	Немировичъ-Данченко, Вас. И.
Веневитиновъ.	Одоевскій, В. Ѳ.
Гаггардъ Райдеръ.	Озеровъ, В.
Гете.	Перваноглу.
Герои и героини греческ. трагедій.	Плавтъ.
Гольдсмитъ.	Плутархъ.
Гофманъ, Э. Т.	Полевой, Н. А.
Грибоѣдовъ, А. С.	Погорельскій, А.
Гюго, Викторъ.	Походъ Аргонавтовъ.
Давыдовъ, Д. В.	Пушкинъ, А. С.
Данилевскій, Г. П.	Разинъ, А.
Дельвигъ, баронъ А.	Рылѣевъ, К.
Диккенсъ, Ч.	Сенека.
Дмитріевъ, И. И.	Соллогубъ, В. А., графъ.
Долгорукая, княгиня Н. Б.	Софокль.
Достоевскій, Ф. М.	Стернь.
Древнія русскія стихотворенія.	Сто великихъ людей.
собранныя Киршено Даниловымъ.	Суворинъ, А. С.
Еврипидъ.	Терпигоревъ, С. Н. (Атава).
Екатерина II, императрица.	Трескинъ, Н.
Епиктетъ.	Тьерри.
Зандъ, Жоржъ.	Фарраръ.
Калидасъ.	Фламмаріонъ, К.
Капнистъ, В.	Флоберъ, Г.
Карамзинъ, Н. М.	Фонвизинъ, Д. И.
Квитко-Основьяненко, Гр. Ѳ.	Хемницеръ, И.
Козловъ, И.	Чеховъ, Антонъ П.
Кольцовъ, А. В.	Шекспиръ, В.
Корнель.	Шериданъ.
Котляревскій, И.	Шиллеръ, Ф.
Кохановская.	Эзспъ.
Крыловъ, И. А.	Эліотъ, Джоржъ.
Ксабье-де-Местръ.	Эсхиль.

Изящные переплеты отъ 15 до 50 к. за томинокъ, папки по 8 к.

Цена за двѣ части 50 коп., въ папкѣ 58 коп.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА